А. С. ПУШКИН

А. С. ПУШКИН, Н. И. ГНЕДИЧ, В. А. ЖУКОВСКИЙ, И. А. КРЫЛОВ.

Картина работы художника Г. Чернецова. 1832 г.

1799
1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ
V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1950

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ТОМ ПЯТЫЙ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА–ЛЕНИНГРАД
1950

Печатается по текстам
Полного собрания сочинений
А. С. Пушкина,
изданного Академией Наук СССР

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

РОМАН В СТИХАХ

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать спешит.

К. Вяземский

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чорт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.—
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа

Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня. [1]

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил;
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил,
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy* [2] лондонский одет —
И наконец увидел свет.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцовал,
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был по мненью многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре,
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли

Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконом,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд и мука и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень,—
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный

В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

IX

. . . .

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,

Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

XIII. XIV

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?

С кого начнет он? Всё равно:
Везде поспеть немудрено.
Покаместь в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*,[3]
Онегин едет на бульвар,
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*[4] помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

XVII

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,

Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет

АВТОПОРТРЕТ А. С. ПУШКИНА
1823 г.

Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом воспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совьет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеяньи взглянул,
Отворотился — и зевнул.
И молвил: «Всех пора на смену;

Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел». [5]

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII

Изображу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтическим волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной,—
Всё украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

XXIV

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.[6]
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил,
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,

Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет,*
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

XXVII

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.
Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян плошками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков.

XXVIII

Вот наш герой подъехал к сеням;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой,

Вошел. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрыпок заглушен
Ревнивый шопот модных жен.

XXIX

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги!
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.

XXX

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил.
Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,

И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладелый,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

XXXI

Когда ж и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?
Взлелеяны в восточной неге,
На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов:
Любили мягких вы ковров
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для вас я забывал
И жажду славы и похвал,
И край отцов, и заточенье?
Исчезло счастье юных лет,
Как на лугах ваш легкий след.

XXXII

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
Люблю ее, мой друг Эльвина,

Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зе́ркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

XXXIII

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чредою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

XXXIV

Мне памятно другое время!
В заветных иногда мечтах
Держу я счастливое стремя...
И ножку чувствую в руках;
Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..
Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:

Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы... как ножки их.

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный,
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется зá-полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел;
Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

XXXIX. XL. XLI

. . . .
. . . .
. . . .

XLII

Причудницы большого света!
Всех прежде вас оставил он;
И правда то, что в наши лета
Довольно скучен высший тон;
Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*.[7]

XLIII

И вы, красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой,
И вас покинул мой Евгений.
Отступник бурных наслаждений,
Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех задорный

Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

XLIV

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он — с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой;
Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а все без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.
Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задернул траурной тафтой.

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призра́к невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Всё это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою, [8]
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,

Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит. [9]
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рекс:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая...
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!

XLIX

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

L

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней;
Брожу над морем, [10] жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,

По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,[11]
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

LI

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
Перед Онегиным собрался
Заимодавцев жадный полк.
У каждого свой ум и толк:
Евгений, тяжбы ненавидя,
Довольный жребием своим,
Наследство предоставил им,
Большой потери в том не видя,
Иль предузнав издалека
Кончину дяди старика.

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал

И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

LIII

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и други,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили,
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а доселе
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,

Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

LV

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвятясь невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente* мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:
Читаю мало, долго сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно

Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

LVII

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?

LVIII

«Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

LIX

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я всё грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покаместь моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу;
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам;
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ

O rus!..
Hor.

О Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущённый сад,
Приют задумчивых дриад.

II

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,

Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Всё это ныне обветшало,
Не знаю право почему;
Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил;
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливок целый строй,
Кувшины с яблочной водой,
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.

Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чудак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги,—
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дама̀м к ручке не подходит;
Всё *да*, да *нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал,
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:

Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев;
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,

Когда-нибудь, нас озарит
И мир блаженством одарит.

IX

Негодованье, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем;
И муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил:
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

X

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных;
Он пел разлуку и печаль,
И *нечто*, и *туманну даль*,
И романтические розы;
Он пел те дальные страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слёзы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной,
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XII

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За *полурусского соседа*;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!.. [12]

XIII

Но Ленский, не имев конечно
Охоты узы брака несть,

С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

XIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей конечно знал,
И вообще их презирал,—
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал,
И вчуже чувство уважал.

XV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в сужденьях зыбкой,
И вечно вдохновенный взор,—

Онегину всё было ново;
Он охладительное слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет,
Пускай покаместь он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

XVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII

Но чаще занимали страсти
Умы пустынников моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья;
Блажен, кто ведал их волненья

И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь — разлукой,
Вражду — злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.

XVIII

Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя,
И нам становятся смешны
Их своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы,—
Смиренные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забытый в хижине своей.

XIX

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;

Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья-соседы, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,

В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слёзы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.

Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV

Ее сестра звалась Татьяна... [13]
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещенье не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство,— больше ничего.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,

Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый:
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой,
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

XXX

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла; [14]

Но встарину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI

Как он, она была одета
Всегда по моде и к лицу;
Но не спросясь ее совета,
Девицу повезли к венцу.
И, чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она. [15]

XXXII

Привычка усладила горе,
Не отразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом

Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Всё это мужа не спросясь.

XXXIII

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский *Н* как *N* французский
Произносить умела в нос;
Но скоро всё перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

XXXIV

Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,

И потужить и позлословить
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

XXXVI

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,

Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

XXXVII

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
«*Poor Yorick*! [16] — молвил он уныло,—
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня?..»
И полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.

XXXVIII

И там же надписью печальной
Отца и матери, в слезах,
Почтил он прах патриархальный...
Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,

И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

XXXIX

Покаместь упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
Ее ничтожность разумею,
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

XL

И чье-нибудь он сердце тронет;
И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Elle était fille, elle était amoureuse.

Malfilâtre.

I

«Куда? Уж эти мне поэты!»
— Прощай, Онегин, мне пора.
«Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариных.— «Вот это чудно.
Помилуй! и тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?»
— Нимало.— «Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли я?),
Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лён, про скотный двор...»

II

— Я тут еще беды не вижу.
«Да скука, вот беда, мой друг».
— Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу...— «Опять эклога!
Да полно, милый, ради бога.

Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera?..
Представь меня».—Ты шутишь.— «Нету».
— Я рад.— «Когда же?» — Хоть сейчас
Они с охотой примут нас.

III

Поедем.—
Поскакали други,
Явились; им расточены
Порой тяжелые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор. [17]
Теперь послушаем украдкой
Героев наших разговор:
— Ну что ж, Онегин? ты зеваешь.—
— «Привычка, Ленский».— Но скучаешь

Ты как-то больше.— «Нет, равно.
Однако в поле уж темно;
Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда.

V

Скажи: которая Татьяна?»
— Да та, которая грустна
И молчалива как Светлана,
Вошла и села у окна.—
«Неужто ты влюблен в меньшую?»
— А что? — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был как ты поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Точь в точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

VI

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело
На всех большое впечатленье
И всех соседей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха;

Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что модных колец не достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

VII

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольно думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

VIII

И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Всё полно им; всё деве милой
Без умолку волшебной силой
Твердит о нем. Докучны ей
И звуки ласковых речей,
И взор заботливой прислуги.
В уныние погружена,

Гостей не слушает она,
И проклинает их досуги,
Их неожиданный приезд
И продолжительный присест.

IX

Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман,
С каким живым очарованьем
Пьет обольстительный обман!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон, [18]
Который нам наводит сон,—
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

X

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя...

Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.

XI

Свой слог на важный лад настроя,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец.
Он одарял предмет любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

XII

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар. [19]
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

XIII

Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.

XIV

Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слёзы примиренья,
Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец...
Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.

XV

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;

Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуситель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,
И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем покрыты,
Дыханье замерло́ в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах...
Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальный свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:

XVII

«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне».
— Что, Таня, что с тобой? — «Мне скучно,
Поговорим о старине».

— О чем же, Таня? Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц;
А нынче всё мне тёмно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...— «Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь.—
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.

XIX

И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...—
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..»
— Дитя мое, ты нездорова;

Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...— «Я не больна:
Я... знаешь, няня... влюблена».
— Дитя мое, господь с тобою! —
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX

«Я влюблена»,— шептала снова
Старушке с горестью она.
— Сердечный друг, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена».
И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы,
И распущенные власы,
И капли слез, и на скамейке
Пред героиней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной телогрейке;
И всё дремало в тишине
При вдохновительной луне.

XXI

И сердцем далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдруг мысль в уме ее родилась...
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь; я скоро лягу;
Прости». И вот она одна.
Всё тихо. Светит ей луна.

Облокотясь, Татьяна пишет,
И всё Евгений на уме,
И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого ж оно?

XXII

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
Дивился я их спеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал,
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда. [20]
Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, на брегах Невы
Подобных дам видали вы.

XXIII

Среди поклонников послушных
Других причудниц я видал,
Самолюбиво равнодушных
Для вздохов страстных и похвал.
И что ж нашел я с изумленьем?
Они, суровым поведеньем
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умели вновь,
По крайней мере, сожаленьем,
По крайней мере, звук речей

Казался иногда нежней,
И с легковерным ослепленьем
Опять любовник молодой
Бежал за милой суетой.

XXIV

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?

XXV

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как милое дитя.
Не говорит она: отложим —
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем;
Сперва тщеславие кольнем
Надеждой, там недоуменьем
Измучим сердце, а потом
Ревнивым оживим огнем;
А то, скучая наслажденьем,

Невольник хитрый из оков
Всечасно вырваться готов.

XXVI

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

XXVII

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» [21] в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

XXVIII

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенье,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребленье;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

XXIX

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
Но полно. Мне пора заняться
Письмом красавицы моей;
Я слово дал, и что ж? ей-ей
Теперь готов уж отказаться.
Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни.

XXX

Певец Пиров и грусти томной,[22]
Когда б еще ты был со мной,

Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

XXXI

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Письмо Татьяны к Онегину

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом

Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,

Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...
Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснеет. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро: встали все давно,
Моей Татьяне всё равно.

XXXIII

Она зари не замечает,
Сидит с поникшею главой
И на письмо не напирает
Своей печати вырезной.
Но, дверь тихонько отпирая,

Уж ей Филипьевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое как маков цвет».

XXXIV

— Ах! няня, сделай одолженье.—
«Изволь, родная, прикажи».
— Не думай... право... подозренье. .
Но видишь... ах! не откажи.—
«Мой друг, вот бог тебе порука».
— Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему,
Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня... —
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечесть».

XXXV

— Как недогадлива ты, няня! —
«Сердечный друг, уж я стара,
Стара; тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра,
Бывало, слово барской воли...»
— Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоем уме?
Ты видишь, дело о письме

К Онегину.— «Ну, дело, дело.
Не гневайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что ж ты снова побледнела?»
— Так, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.—

XXXVI

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: всё нет, как нет.
Бледна как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
«Скажите: где же ваш приятель? —
Ему вопрос хозяйки был: —
Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
— Сегодня быть он обещал,—
Старушке Ленский отвечал: —
Да, видно, почта задержала.—
Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

XXXVII

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,

Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII

И между тем душа в ней ныла,
И слез был полон томный взор.
Вдруг топот!.. кровь ее застыла.
Вот ближе! скачут... и на двор
Евгений! «Ах!» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью

XXXIX

Упала...
«Здесь он! здесь Евгений!
О боже! что подумал он!»
В ней сердце, полное мучений,
Хранит надежды темный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждет: нейдет ли? Но не слышит.
В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком

Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

П е с н я д е в у ш е к

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему.
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

XL

Они поют, и, с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит...
Так бедный мотылек и блещет

И бьется радужным крылом,
Плененный школьным шалуном;
Так зайчик в озиме трепещет,
Увидя вдруг издалека
В кусты припадшего стрелка.

XLI

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей:
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блистая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена
Остановилася она.
Но следствия нежданой встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

La morale est dans la nature des choses.
Necker

I. II. III. IV. V. VI

VII

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

VIII

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,

Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тёток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX

Так точно думал мой Евгений.
Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.
Привычкой жизни избалован,
Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши
Роптанье вечное души,
Зевоту подавляя смехом:
Вот как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

X

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,

Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На *вист* вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

XI

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

XII

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел
Души доверчивой признанья,
Любви невинной излиянья:
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела

Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам отплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

XIII

«Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый,—
То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блесток мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!

XIV

«Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой).
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,

А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

XV

«Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI

«Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.
Так видно небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;

Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет».

XVII

Так проповедовал Евгений.
Сквозь слез не видя ничего,
Едва дыша, без возражений,
Татьяна слушала его.
Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, *машинально*)
Татьяна молча оперлась,
Головкой томною склонясь;
Пошли домой вкруг огорода;
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.

XVIII

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель;
Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

XIX

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты;
Я только *в скобках* замечаю,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил сто крат ошибкой;
А впрочем он за вас горой:
Он вас так любит... как родной!

XX

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно *родные*.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рожестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай бог им долги дни!

XXI

Зато любовь красавиц нежных
Надежней дружбы и родства:

Над нею и средь бурь мятежных
Вы сохраняете права.
Конечно так. Но вихорь моды,
Но своенравие природы,
Но мненья светского поток...
А милый пол, как пух, легок.
К тому ж и мнения супруга
Для добродетельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Так ваша верная подруга
Бывает вмиг увлечена:
Любовью шутит сатана.

XXII

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней верно нет его.

XXIII

Что было следствием свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумные страданья
Не перестали волновать

Младой души, печали жадной;
Нет, пуще страстью безотрадной
Татьяна бедная горит;
Ее постели сон бежит;
Здоровье, жизни цвет и сладость,
Улыбка, девственный покой,
Пропало всё, что звук пустой,
И меркнет милой Тани младость:
Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

XXIV

Увы, Татьяна увядает;
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит.
Качая важно головою,
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей!..
Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стесняет сожаленье;
Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!

XXV

Час от часу плененный боле
Красами Ольги молодой,
Владимир сладостной неволе
Предался полною душой.
Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;

Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой;
И что ж? Любовью упоенный,
В смятеньи нежного стыда,
Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть
Иль край одежды целовать.

XXVI

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман,
В котором автор знает боле
Природу, чем Шатобриан,
А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает покраснев.
Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

XXVII

Поедет ли домой, и дома
Он занят Ольгою своей.
Летучие листки альбома
Прилежно украшает ей:
То в них рисует сельски виды,
Надгробный камень, храм Киприды,
Или на лире голубка
Пером и красками слегка;

То на листках воспоминанья
Пониже подписи других
Он оставляет нежный стих,
Безмолвный памятник мечтанья,
Мгновенной думы долгий след,
Всё тот же после многих лет.

XXVIII

Конечно вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первом листике встречаешь
Qu'écrirez-vous sur ces tablettes;
И подпись: *t. à. v. Annette;*
А на последнем прочитаешь:
«Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня».

XXIX

Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь *пиит* армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор

Заслужит благосклонный взор,
И что потом с улыбкой злою
Не станут важно разбирать,
Остро иль нет я мог соврать.

XXX

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжет вас божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

XXXI

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого,
И свод элегий драгоценный

Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

XXXII

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать,
И всё одно и то же квакать,
Жалеть о *прежнем, о былом:*
Довольно, пойте о другом!»
— Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? — Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII

Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...»
— Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не всё ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
«Чужого толка» хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей? —
«Но всё в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна...» Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу;
Два века ссорить не хочу.

XXXIV

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих,
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
И впрям, блажен любовник скромный,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена.

XXXV

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

XXXVI. XXXVII

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:

Его вседневные занятья
Я вам подробно опишу.
Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...

XXXVIII. XXXIX

Прогулки, чтенье, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая,
Забыв и город, и друзей,
И скуку праздничных затей.

XL

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,

Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

XLI

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева [23]
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

XLII

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы;*
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блистает речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ [24]

Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.

XLIII

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой. *
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott.
Не хочешь? — поверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь.

XLIV

Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,

---

* *В беловой рукописи вариант:*
В глуши что делать в это время?
Гулять? — Но голы все места,
Как лысое Сатурна темя
Иль крепостная нищета.

Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт,
Перед камином стол накрыт,
Евгений ждет: вот едет Ленский
На тройке чалых лошадей;
Давай обедать поскорей!

XLV

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.
Оно сверкает Ипокреной; [25]
Оно своей игрой и пеной
(Подобием того-сего)
Меня пленяло: за него
Последний бедный лепт, бывало.
Давал я. Помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало,
А сколько шуток и стихов,
И споров, и веселых снов!

XLVI

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К *Аи* я больше не способен;
Аи любовнице подобен

Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, *Бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ завсегда, везде,
Готов нам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует *Бордо*, наш друг!

XLVII

Огонь потух; едва золою
Подернут уголь золотой;
Едва заметною струею
Вьется пар, и теплотой
Камин чуть дышит. Дым из трубок
В трубу уходит. Светлый кубок
Еще шипит среди стола.
Вечерняя находит мгла...
(Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь беседуют друзья:

XLVIII

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?»
— Налей еще мне пол-стакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велели.
Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!

Что за душа!.. Когда-нибудь
Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суди ты сам:
Два раза заглянул, а там
Уж к ним и носу не покажешь.
Да вот... какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван.—

XLIX

«Я?» — Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать.—
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду...»
— И, никого, уверен я!
Кто будет там? своя семья.
Поедем, сделай одолженье!
Ну, что ж? —«Согласен».— Как ты мил!—
При сих словах он осушил
Стакан, соседке приношенье,
Потом разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L

Он весел был. Чрез две недели
Назначен был счастливый срок.
И тайна брачныя постели
И сладостной любви венок
Его восторгов ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зевоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Меж тем как мы, враги Гимена,

В домашней жизни зрим один
Ряд утомительных картин,
Роман во вкусе Лафонтена...[26]
Мой бедный Ленский, сердцем он
Для оной жизни был рождён.

LI

Он был любим... по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок;
Но жалок тот, кто всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

ГЛАВА ПЯТАЯ

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,

Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

III

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Всё это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег; [27]
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях;
Но я бороться не намерен
Ни с ним покаместь, ни с тобой,
Певец Финляндки молодой! [28]

IV

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарею поздной
Сиянье розовых снегов,

И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

V

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

VI

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу темному летела
И рассыпалася,— тогда
В смятеньи Таня торопилась,
Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха,

Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

VII

Что ж? Тайну прелесть находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противуречию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Всё потеряв невозвратимо;
И всё равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

VIII

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро

И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей *кошурка* сердцу дев. [29]

IX

Морозна ночь, всё небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платьице выходит,
На месяц зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна...
Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? [30] Смотрит он
И отвечает: Агафон.

X

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкою пуховой

Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток;
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилася она.

XII

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь;
Татьяна *ах!* а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь за ней!

XIII

Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный;
Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Мятелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он всё вослед,
И сил уже бежать ей нет.

XV

Упала в снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;

Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, не дохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогой;
Кругом всё глушь; отвсюду он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик и шум;
Медведь промолвил: «Здесь мой кум:
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идет
И на порог ее кладет.

XVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

XVII

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,

Вот мельница в присядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ![31]
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей,
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.

XVIII

Он знак подаст — и все хлопочут;
Он пьет — все пьют и все кричат;
Он засмеется — все хохочут;
Нахмурит брови — все молчат;
Он там хозяин, это ясно;
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встает;
Все встали: он к дверям идет.

XIX

И страшно ей: и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений,
И взорам адских привидений

Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указует на нее,
И все кричат: мое! мое!

XX

Мое! сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталася во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает [32]
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул
И дико он очами бродит,
И незванных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мерзлое стекло

Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к ней,
Авроры северной алей
И легче ласточки, влетает;
«Ну,— говорит,— скажи ж ты мне,
Кого ты видела во сне?»

XXII

Но та, сестры не замечая,
В постеле с книгою лежит,
За листом лист перебирая,
И ничего не говорит.
Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых истин, ни картин,
Но ни Виргилий, ни Расин,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских Мод Журнал
Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека, [33]
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

XXIII

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной *Мальвиной*
Он уступил за три с полтиной,
В придачу взяв еще за них
Собранье басен площадных.
Грамматику, две Петриады,
Да Мармонтеля третий том.

Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.

XXIV

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавленьи кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит;
Но сон зловещий ей сулит
Печальных много приключений.
Дней несколько она потом
Всё беспокоилась о том.

XXV

Но вот багряною рукою [34]
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.
С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,

Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

XXVI

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов
В пуху, в картузе с козырьком [35]
(Как вам конечно он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

XXVII

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне
На голос, знаемый детьми:
Réveillez vous, belle endormie.
Меж ветхих песен альманаха
Был напечатан сей куплет;
Трике, догадливый поэт,
Его на свет явил из праха,
И смело вместо belle Nina
Поставил belle Tatiana.

XXVIII

И вот из ближнего посада
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел... Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране; [36]
Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против; и, крестясь,
Толпа жужжит, за стол садясь

XXIX

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон.
Но вскоре гости понемногу
Подъемлют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.
Вдруг двери настежь. Ленский входит
И с ним Онегин. «Ах, творец!—
Кричит хозяйка: — наконец!»
Теснятся гости, всяк отводит
Приборы, стулья поскорей;
Зовут, сажают двух друзей.

XXX

Сажают прямо против Тани,
И, утренней луны бледней

И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.

XXXI

Траги-нервических явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но, девы томной
Заметя трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он, и негодуя
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей.

XXXII

Конечно не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог

(К несчастию, пересоленый);
Да вот в бутылке засмоленой,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристал души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

XXXIII

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встает; пред ним собранье
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел, фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

XXXIV

Пошли приветы, поздравленья;
Татьяна всех благодарит.
Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость:

Он молча поклонился ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

XXXV

Гремят отдвинутые стулья;
Толпа в гостиную валит:
Так пчел из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным обедом,
Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист доныне знаменитый,
Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.

XXXVI

Уж восемь робертов сыграли
Герои виста; восемь раз
Они места переменяли;
И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок — верный наш брегет;
И кстати я замечу в скобках,

Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX

Но чай несут; девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Фагот и флейта раздались.
Обрадован музыки громом,
Оставя чашку чаю с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков,
К Татьяне Ленский; Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой поэт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все.
И бал блестит во всей красе.

XL

В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотелось в роде мне Альбана
Бал петербургский описать;
Но, развлечен пустым мечтаньем,
Я занялся воспоминаньем
О ножках мне знакомых дам.
По вашим узеньким следам,
О ножки, полно заблуждаться!
С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,

В делах и в слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

XLI

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.
К минуте мщенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей,
Потом на стул ее сажает,
Заводит речь о том, о сем;
Спустя минуты две потом
Вновь с нею вальс он продолжает;
Все в изумленьи. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

XLII

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила

Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян.

XLIII. XLIV

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел
Татьяну с Ольгою; проворно
Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет — и запылал
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Всё видел: вспыхнул, сам не свой;
В негодовании ревнивом
Поэт конца мазурки ждет
И в котильон ее зовет.

XLV

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово уж дала
Онегину. О боже, боже!
Что слышит он? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снесть удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

La, sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

Petr.

I

Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Всё успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
С своей тяжелой половиной.
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой,

А на полу мосье Трике,
В фуфайке, в старом колпаке.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объяты сном.
Одна, печальна под окном
Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

III

Его нежданным появленьем,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведеньем
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто хладная рука
Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит...
«Погибну,— Таня говорит,—
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать».

IV

Вперед, вперед, моя исторья!
Лицо нас новое зовет.
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живет
И здравствует еще доныне
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,

Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

V

Бывало, льстивый голос света
В нем злую храбрость выхвалял:
Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженях попадал,
И то сказать, что и в сраженьи
Раз в настоящем упоеньи
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого свалясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!
Новейший Регул, чести бог,
Готовый вновь предаться узам,
Чтоб каждым утром у Вери[37]
В долг осушать бутылки три.

VI

Бывало, он трунил забавно,
Умел морочить дурака
И умного дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иные штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и сам впросак
Он попадался, как простак.
Умел он весело поспорить,
Остро и тупо отвечать,

Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их,

VII

Иль помириться их заставить,
Дабы позавтракать втроем,
И после тайно обесславить
Веселой шуткою, враньем.
Sed alia tempora! Удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой.
Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живет, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.

VIII

Он был не глуп; и мой Евгений,
Не уважая сердца в нем,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том, о сем.
Он с удовольствием, бывало,
Видался с ним, и так нимало
Поутру не был удивлен,
Когда его увидел он.
Тот после первого привета,
Прервав начатый разговор,
Онегину, осклабя взор,
Вручил записку от поэта.

К окну Онегин подошел
И про себя ее прочел.

IX

То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль *картель:*
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотясь без лишних слов
Сказал, что он *всегда готов.*
Зарецкий встал без объяснений;
Остаться доле не хотел,
Имея дома много дел,
И тотчас вышел; но Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

X

И поделом: в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечор небрежно.
А во-вторых: пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

XI

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж — он мыслит — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шопот, хохотня глупцов...»
И вот общественное мненье! [38]
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

XII

Кипя враждой нетерпеливой,
Ответа дома ждет поэт;
И вот сосед велеречивый
Привез торжественно ответ.
Теперь ревнивцу то-то праздник!
Он всё боялся, чтоб проказник
Не отшутился как-нибудь,
Уловку выдумав и грудь
Отворотив от пистолета.
Теперь сомненья решены:
Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг нà друга курок
И метить в ляжку иль в висок.

XIII

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел

Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
На встречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобна ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

XIV

«Зачем вечор так рано скрылись?»
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском помутились,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой!..
Он смотрит в сладком умиленьи;
Он видит: он еще любим;
Уж он, раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров...

XV. XVI. XVII

И вновь задумчивый, унылый
Пред милой Ольгою своей,
Владимир не имеет силы
Вчерашний день напомнить ей;

Он мыслит: «Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял еще полураскрытый».
Всё это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.

XVIII

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX

Весь вечер Ленский был рассеян,
То молчалив, то весел вновь;
Но тот, кто музою взлелеян,
Всегда таков: нахмуря бровь,
Садился он за клавикорды
И брал на них одни аккорды,

То, к Ольге взоры устремив,
Шептал: не правда ль? я счастлив.
Но поздно; время ехать. Сжалось
В нем сердце полное тоской;
Прощаясь с девой молодой,
Оно как будто разрывалось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» — Так.— И на крыльцо.

XX

Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик, и раздетый,
При свечке, Шиллера открыл;
Но мысль одна его объемлет;
В нем сердце грустное не дремлет;
С неизъяснимою красой
Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.

XXI

Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.

Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

XXII

«Блеснет заутра луч денницы
И заиграет яркий день;
А я, быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня; но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг!..»

XXIII

Так он писал *темно* и *вяло*
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал;
Но только сонным обаяньем
Он позабылся, уж сосед

В безмолвный входит кабинет
И будит Ленского воззваньем:
«Пора вставать: седьмой уж час.
Онегин верно ждет уж нас».

XXIV

Но ошибался он: Евгений
Спал в это время мертвым сном.
Уже редеют ночи тени
И встречен Веспер петухом;
Онегин спит себе глубоко.
Уж солнце катится высоко,
И перелетная метель
Блестит и вьется; но постель
Еще Евгений не покинул,
Еще над ним летает сон.
Вот наконец проснулся он
И полы завеса раздвинул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскорей звонит. Вбегает
К нему слуга француз Гильо,
Халат и туфли предлагает
И подает ему белье.
Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготовляться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Готовы санки беговые.
Он сел, на мельницу летит.
Примчались. Он слуге велит
Лепажа[39] стволы роковые

Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум дубкам.

XXVI

Опершись на плотину, Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем, механик деревенский,
Зарецкий жорнов осуждал.
Идет Онегин с извиненьем.
«Но где же,— молвил с изумленьем
Зарецкий,— где ваш секундант?»
В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нем должны).

XXVII

«Мой секундант? — сказал Евгений,—
Вот он: мой друг, monsieur Guillot.
Я не предвижу возражений
На представление мое;
Хоть человек он неизвестный,
Но уж конечно малый честный».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?»— Начнем, пожалуй,—
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор.

XXVIII

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно? Ныне злобно,
Врагам наследственным подобно,
Как в страшном, непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокровно...
Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтиться ль полюбовно?..
Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

XXIX

Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят пули
И щелкнул в первый раз курок.
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведен еще. За ближний пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.

XXX

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,

Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,

XXXI

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

XXXII

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навылет ранен;

Дымясь из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь;
Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.

XXXIII

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!
Еще приятнее в молчаньи
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб
На благородном расстояньи;
Но отослать его к отцам
Едва ль приятно будет вам.

XXXIV

Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой,
Нескромным взглядом, иль ответом,
Или безделицей иной
Вас оскорбивший за бутылкой,

Иль даже сам в досаде пылкой
Вас гордо вызвавший на бой,
Скажите, вашею душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?

XXXV

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит», решил сосед.
Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.
Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он страшный клад.
Почуя мертвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела.

XXXVI

Друзья мои, вам жаль поэта:
Во цвете радостных надежд,
Их не свершив еще для света,
Чуть из младенческих одежд,
Увял! Где жаркое волненье,
Где благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,

Высоких, нежных, удалых?
Где бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И страх порока и стыда,
И вы, заветные мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой!

XXXVII

Быть может, он для блага мира,
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильною чертою
К ней не домчится гимн времен,
Благословение племен.

XXXVIII. XXXIX

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат
Носил бы стеганый халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,

Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.

XL

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!
Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины,
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

XLI

Под ним (как начинает капать
Весенний дождь на злак полей)
Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбарей;
И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним остановляет,
Ременный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,

Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.

XLII

И шагом едет в чистом поле,
В мечтанья погрузясь, она;
Душа в ней долго поневоле
Судьбою Ленского полна;
И мыслит: «Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?
И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?»
Современем отчет я вам
Подробно обо всем отдам,

XLIII

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.
Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы

И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

XLIV

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.
Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, *младость*?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрям и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

XLV

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я насладился... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

XLVI

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполненны страстей и лени
И снов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья! [40]

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев

Как не любить родной Москвы?

Баратынский

Гоненье на Москву! что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Где нас нет.

Грибоедов

I

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

II

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!

Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно
И всё ей кажется темно?

III

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальной стороне,
О чудной ночи, о луне...

IV

Вот время: добрые ленивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина [41] птенцы,

Вы, деревенские Приамы,
И вы, чувствительные дамы,
Весна в деревню вас зовет,
Пора тепла, цветов, работ,
Пора гуляний вдохновенных
И соблазнительных ночей.
В поля, друзья! скорей, скорей,
В каретах, тяжко нагруженных,
На долгих иль на почтовых
Тянитесь из застав градских.

V

И вы, читатель благосклонный,
В своей коляске выписной
Оставьте град неугомонный,
Где веселились вы зимой;
С моею музой своенравной
Пойдемте слушать шум дубравный
Над безыменною рекой
В деревне, где Евгений мой,
Отшельник праздный и унылый,
Еще недавно жил зимой
В соседстве Тани молодой,
Моей мечтательницы милой,
Но где его теперь уж нет...
Где грустный он оставил след.

VI

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдем туда, где ручеек
Виясь бежит зеленым лугом
К реке сквозь липовый лесок.
Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поет; цветет шиповник,

И слышен говор ключевой,—
Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых.
Пришельцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!»

VII

На ветви сосны преклоненной,
Бывало, ранний ветерок
Над этой урною смиренной
Качал таинственный венок.
Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обнявшись, плакали оне.
Но ныне... памятник унылый
Забыт. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один под ним, седой и хилый,
Пастух попрежнему поет
И обувь бедную плетет.

VIII. IX. X

Мой бедный Ленский! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печали неверна.
Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,

Улан любим ее душою...
И вот уж с ним пред алтарем
Она стыдливо под венцом
Стоит с поникшей головою,
С огнем в потупленных очах,
С улыбкой легкой на устах.

XI

Мой бедный Ленский! за могилой
В пределах вечности глухой
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой,
Или над Летой усыпленный
Поэт, бесчувствием блаженный,
Уж не смущается ничем,
И мир ему закрыт и нем?..
Так! равнодушное забвенье
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именье
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

XII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось

Ее печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И всё, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

XIII

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед...
И вот одна, одна Татьяна!
Увы! подруга стольких лет,
Ее голубка молодая,
Ее наперсница родная,
Судьбою вдаль занесена,
С ней навсегда разлучена.
Как тень она без цели бродит,
То смотрит в опустелый сад...
Нигде, ни в чем ей нет отрад,
И облегченья не находит
Она подавленным слезам,
И сердце рвется пополам.

XIV

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть ее горит,
И об Онегине далеком
Ей сердце громче говорит.
Она его не будет видеть;
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего;
Поэт погиб... но уж его
Никто не помнит, уж другому
Его невеста отдалась.
Поэта память пронеслась

Как дым по небу голубому,
О нем два сердца, может быть,
Еще грустят... На что грустить?..

XV

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильней.

XVI

Ее сомнения смущают:
«Пойду ль вперед, пойду ль назад?..
Его здесь нет. Меня не знают...
Взгляну на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обводит
Недоуменья полный взор...
И входит на пустынный двор.
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки

Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой покров.

XVII

«Увидеть барский дом нельзя ли?»
Спросила Таня. Поскорей
К Анисье дети побежали
У ней ключи взять от сеней;
Анисья тотчас к ней явилась
И дверь пред ними отворилась,
И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе лежал
Манежный хлыстик. Таня дале;
Старушка ей: «а вот камин;
Здесь барин сиживал один.

XVIII

Здесь с ним обедывал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофий кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку поутру читал...
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки.
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой!»

XIX

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на всё глядит,
И всё ей кажется бесценным,
Всё душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

XX

Татьяна долго в келье модной
Как очарована стоит.
Но поздно. Ветер встал холодный.
Темно в долине. Роща спит
Над отуманенной рекою;
Луна сокрылась за горою.
И пилигримке молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрыв свое волненье,
Не без того, чтоб не вздохнуть,
Пускается в обратный путь.
Но прежде просит позволенья
Пустынный замок навещать,
Чтоб книжки здесь одной читать.

XXI

Татьяна с ключницей простилась
За воротами. Через день

Уж утром рано вновь явилась
Она в оставленную сень.
И в молчаливом кабинете,
Забыв на время всё на свете
Осталась наконец одна,
И долго плакала она.
Потом за книги принялася.
Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей странен. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

XXII

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтенье разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

XXIII

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей.

Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXIV

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно,
Где собралися два соседа
И где об ней идет беседа.

— Как быть? Татьяна не дитя,—
Старушка молвила кряхтя.—
Ведь Оленька ее моложе.
Пристроить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотрез одно и то же:
Нейду. И всё грустит она,
Да бродит по лесам одна.—

XXVI

«Не влюблена ль она?» — В кого же?
Буянов сватался: отказ.
Ивану Петушкову — тоже.
Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Танею прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!
Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь.—
«Что ж, матушка? за чем же стало?
В Москву, на ярманку невест!
Там, слышно, много праздных мест».
— Ох, мой отец! доходу мало.—
«Довольно для одной зимы,
Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII

Старушка очень полюбила
Совет разумный и благой;
Сочлась — и тут же положила
В Москву отправиться зимой.
И Таня слышит новость эту.
На суд взыскательному свету
Представить ясные черты
Провинциальной простоты,

И запоздалые наряды,
И запоздалый склад речей;
Московских франтов и цирцей
Привлечь насмешливые взгляды!..
О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.

XXVIII

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит
И, умиленными очами
Их озирая, говорит:
«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»

XXIX

Ее прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Остановляют поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Еще беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,

Как жертва пышно убрана...
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

XXX

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами

Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать кляч,

XXXII

В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит форейтор бородатый,
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.
«Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас?..» И слез ручей
У Тани льется из очей.

XXXIII

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

XXXIV

Теперь у нас дороги плохи,[42]
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теша праздный взор,
В глазах мелькают как забор.[43]
К несчастью Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

XXXVI

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,

Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

XXXVIII

Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской

Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

XXXIX. XL

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настежь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простертой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.

XLI

— Княжна, mon ange! — «Pachette»! —
Алина! —
«Кто б мог подумать? Как давно!
Надолго ль? Милая! Кузина!
Садись — как это мудрено!
Ей богу, сцена из романа...»

— А это дочь моя, Татьяна.—
«Ах, Таня! подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне...
Кузина, помнишь Грандисона?»
— Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он? —
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник навестил;
Недавно сына он женил.

XLII

А тот... но после всё расскажем,
Не правда ль? Всей ее родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, разъезжать нет мочи мне:
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены с дороги;
Пойдемте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...»
И тут, совсем утомлена,
В слезах раскашлялась она.

XLIII

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогают; но ей
Нехорошо на новосельи,
Привыкшей к горнице своей.
Под занавескою шелковой
Не спится ей в постеле новой
И ранний звон колоколов,

Предтеча утренних трудов,
Ее с постели подымает.
Садится Таня у окна.
Редеет сумрак; но она
Своих полей не различает:
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.

XLIV

И вот по родственным обедам
Развозят Таню каждый день
Представить бабушкам и дедам
Ее рассеянную лень.
Родне, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встреча,
И восклицанья, и хлеб-соль.
«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!
А я так за уши драла!
А я так пряником кормила!»
И хором бабушки твердят:
«Как наши годы-то летят!»

XLV

Но в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец;
Всё белится Лукерья Львовна,
Всё то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны

Всё тот же друг мосьё Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, всё клуба член исправный,
Всё так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух.

XLVI

Их дочки Таню обнимают.
Младые грации Москвы
Сначала молча озирают
Татьяну с ног до головы;
Ее находят что-то странной,
Провинциальной и жеманной,
И что-то бледной и худой,
А впрочем очень недурной;
Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, нежно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде,
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев,

XLVII

Чужие и свои победы,
Надежды, шалости, мечты.
Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.
Потом, в отплату лепетанья,
Ее сердечного признанья
Умильно требуют оне.
Но Таня, точно как во сне,
Их речи слышит без участья,
Не понимает ничего,
И тайну сердца своего,

Заветный клад и слез и счастья,
Хранит безмолвно между тем
И им не делится ни с кем.

XLVIII

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Всё в них так бледно, равнодушно;
Они клевещут даже скучно;
В бесплодной сухости речей,
Расспросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

XLIX

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагосклонно говорят.
Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей.
У скучной тетки Таню встретя,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.
И, близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

L

Но там, где Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Где машет мантией мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия тихонько дремлет
И плескам дружеским не внемлет,
Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также в прежни леты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

LI

Ее привозят и в Собранье.
Там теснота, волненье, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Всё чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.

LII

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.

Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жен и дев блестит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатил безумству дань.

LIII

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс... Меж тем,
Между двух теток, у колонны,
Не замечаема никем,
Татьяна смотрит и не видит,
Волненье света ненавидит;
Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,
Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам
И в сумрак липовых аллей,
Туда, где *он* являлся ей.

LIV

Так мысль ее далече бродит:
Забыт и свет и шумный бал,
А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.

Друг другу тетушки мигнули,
И локтем Таню враз толкнули
И каждая шепнула ей:
— Взгляни налево поскорей.—
«Налево? где? что там такое?»
— Ну, что бы ни было, гляди...
В той кучке, видишь? впереди,
Там, где еще в мундирах двое...
Вот отошел... вот боком стал...—
«Кто? толстый этот генерал?»

LV

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою,
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою...
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee wel

Byron

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

III

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

IV

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой *

---

* *В беловой рукописи:*
Но рок мне бросил взоры гнева
И вдаль занес.— Она за мной.
Как часто ласковая дева
Мне услаждала час ночной

Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шопот нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

V

И, позабыв столицы дальной
И блеск и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала,
И между ими одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи ей любезной...
Вдруг изменилось всё кругом, *
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

VI

И ныне музу я впервые
На светский раут [44] привожу;
На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.

---

* *В беловой рукописи:*
Но дунул ветер, грянул гром

Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит,
Любуясь шумной теснотою,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей
Перед хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчин
Вкруг дам как около картин.

VII

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.
Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним
Как ряд докучных привидений.
Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице? Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он?.. Так, точно он.
— Давно ли к нам он занесен?

VIII

Всё тот же ль он иль усмирился?
Иль корчит также чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,

Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалой.
Довольно он морочил свет...
— Знаком он вам? — И да и нет.

IX

— Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

X

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;

Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.

XI

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

XII

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже демоном моим.
Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов

До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок

Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

XV

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.
Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar* (Не могу...

XVI

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покаместь ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)
Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы,
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

XVII

«Ужели», думает Евгений:
«Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных селений...»
И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
— Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я.—
«Да кто ж она?» — Жена моя.—

XVIII

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — Около двух лет.—
«На ком?» — На Лариной.— «Татьяне!»
— Ты ей знаком? — «Я им сосед».
— О, так пойдем же.— Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу не смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.

XIX

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...

У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супругу обратила
Усталый взгляд; скользнула вон...
И недвижим остался он.

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоученья,
Читал когда-то наставленья,
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наруже, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

XXI

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.

Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» и скорей
Марает он ответ учтивый.
Что с ним? в каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.

XXIII

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête;
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются. Входят гости.
Вот крупной солью светской злости

Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

XXIV

Тут был однако цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лицы,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые
В чепцах и в розах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых сединах
Старик, по старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

XXV

Тут был на эпиграммы падкий,
На всё сердитый господин:
На чай хозяйский слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный,
На ложь журналов, на войну,

На снег и на свою жену.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXVI

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший,
St.-Priest, твои карандаши;
В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,
Румян как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим,
И путешественник залётный,
Перекрахмаленный нахал,
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор.

XXVII

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет

Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

XXVIII

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нем она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подъемлет томны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежеют,
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной

В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблен;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень;
Он счастлив, если ей накинет
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк ливрей,
Или платок подымет ей.

XXXI

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит;
Кокетства в ней ни капли нет —
Его не терпит высший свет.
Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к *водам*.

XXXII

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече; а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Еще надеется, хлопочет;
Смелей здорового, больной
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не в мочь.
Вот вам письмо его точь в точь.

Письмо Онегина к Татьяне

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встретя,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...

Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Боюсь, в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,

Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени,
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле,
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье.
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошел... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержать негодованье
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез?.. Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след...

XXXIV

Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал

Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онегин знал...
Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклинает —
И, в нем глубоко погружен,
От света вновь отрекся он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете,
Поймала, зà ворот взяла
И в темный угол заперла.

XXXV

Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа.

XXXVI

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желания, печали
Теснились в душу глубоко.

Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.

XXXVII

И постепенно в усыпленье
И чувств и дум впадает он,
А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон.
То видит он: на талом снеге
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом — и у окна
Сидит *она*... и всё она!..

XXXVIII

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил!
А точно: силой магнетизма
Стихов российских механизма

Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: *Benedetta*
Иль *Idol mio* и ронял
В огонь то туфлю, то журнал.

XXXIX

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалася зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума.
Весна живит его: впервые
Свои покои запертые,
Где зимовал он как сурок,
Двойные окна, камелек
Он ясным утром оставляет,
Несется вдоль Невы в санях.
На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нем свой быстрый бег

XL

Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне
Мой неисправленный чудак.
Идет, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь отворил он. Что ж его

С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой.

XLI

О, кто б немых ее страданий
В сей быстрый миг не прочитал!
Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит,
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно всё. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних дней
Теперь опять воскресла в ней.

XLII

Она его не подымает,
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...
О чем теперь ее мечтанье?
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,

АВТОПОРТРЕТ А. С. ПУШКИНА
1829 г.

Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII

«Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была не новость
Смиренной девочки любовь?
И нынче — боже! — стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,

Вы были правы предо мной.
Я благодарна всей душой...

XLIV

«Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принесть
Вам соблазнительную честь?

XLV

«Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.
К моим младенческим мечтам
Тогда имели вы хоть жалость,
Хоть уважение к летам...
А нынче! — что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

XLVI

«А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

XLVII

«А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!
Но шпор незапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по́ свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь не искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок,
Хотя крупицу мог найти.
За сим расстанемся, прости!

L

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал
Всё, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явилися впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристал
Еще не ясно различал.

LI

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те да́лече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ
К ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ

[1] Писано в Бессарабии.

[2] Dandy, франт.

[3] Шляпа à la Bolivar.

[4] Известный ресторатор.

[5] Черта охлажденного чувства, достойная Чальд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе.

[6] Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençais de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de J. J. Rousseau)

Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенной щеточкой.

[7] Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Лудовика XIV.

Наши дамы соединяют просвещение с любезностию и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестию, столь пленившей г-жу Сталь. (См. Dix ans d'exil).

[8] Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича:

«Вот ночь; но не меркнут златистые полосы облак.
Без звезд и без месяца вся озаряется дальность.
На взморье далеком сребристые видны ветрила
Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока:
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.— Была то година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва оттеняются русыми локон волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
Тогда Филомела полночные песни лишь кончит
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
Роса опустилась . . . .
Вот полночь: шумевшая вечером тысячью весел,
Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо;
Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою,
Лишь крик протяженный из дальней промчится деревни,
Где в ночь окликается ратная стража со стражей.
Всё спит . . . .

[9] Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

(Муравьев. Богине Невы)

[10] Писано в Одессе.

[11] См. первое издание Евгения Онегина.

[12] Из первой части Днепровской русалки.

[13] Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами.

[14] Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов.

[15] Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude (Шатобриан).

[16] «Бедный Иорик!» — восклицание Гамлета над черепом шута. (См. Шекспира и Стерна.)

[17] В прежнем издании, вместо *домой летят*, было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю.

[18] Юлия Вольмар — Новая Элоиза. Малек-Адель — герой посредственного романа M-me Cottin. Густав де Линар — герой прелестной повести баронессы Крюднер.

[19] Вампир — повесть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмот — гениальное произведение Матюрина. Jean Sbogar — известный роман Карла Нодье.

[20] Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха.

[21] Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках *гулял*.

[22] Е. А. Баратынский.

[23] В журналах удивлялись, как можно было назвать *девою* простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы *девчонками*.

[24] «Это значит,— замечает один из наших критиков,— что мальчишки катаются на коньках». Справедливо.

[25] В лета красные мои
Поэтический аи
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви
Или юности безумной, и проч.

(Послание к Л. П.)

[26] Август Лафонтен, автор множества семейственных романов.

[27] Смотри «Первый снег», стихотворение князя Вяземского.

[28] См. описания финляндской зимы в «Эде» Баратынского.

[29] Зовет кот кошурку
В печурку спать.

Предвещание свадьбы; первая песня предрекает смерть.

[30] Таким образом узнают имя будущего жениха.

[31] В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (*Сказка о Бове Королевиче*). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопание*, как *шип* вместо *шипения:*

Он шип пустил по змеиному.

(Древние русские стихотворения)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

32 Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность.

33 Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров.

34 Пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою,— и проч.

35 Буянов, мой сосед

. . . .
Пришел ко мне вчера с небритыми усами
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком....

(Опасный сосед)

36 Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха.

37 Парижский ресторатор.

38 Стих Грибоедова.

39 Славный ружейный мастер.

40 В первом издании шестая глава оканчивалась следующим образом:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,

XLVII

Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопьев добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.

41 Левшин, автор многих сочинений по части хозяйственной.

42 Дороги наши — сад для глаз:
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нет подчас.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стих: *для проходящих!*
Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш *Мак-Адам*, или *Мак-Ева*
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдистым,
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым.

Или когда поля проймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может в брод
Пройти, глаза зажмуря, муха.

(«Станция». Князь Вяземский)

[43] Сравнение, заимствованное у К**, столь известного игривостию воображения. К... рассказывал, что будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу.

[44] Rout, вечернее собрание без танцев, собственно значит толпа.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА

Последняя глава Евгения Онегина издана была особо, с следующим предисловием:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цыфром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последней главою Евгения Онегина, и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти каменам, и проч.»

П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть, и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком

неожиданным и необъясненным.— Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оного, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф.

Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород:

. . . . перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух.

*

Тоска!..

Онегин едет в Астрахань, и оттуда на Кавказ.

Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орел державный,
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несется конь черкеса,
И вкруг кочующих шатров

Пасутся овцы калмыков,
Вдали — кавказские громады.
К ним путь открыт. Пробилась брань
За их естественную грань,
Чрез их опасные преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

*

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,
Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть — хотя на миг.

*

Питая горьки размышленья,
Среди печальной их семьи,
Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?

Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? — ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

Онегин посещает потом Тавриду:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

*

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,

И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

*

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою

Зарему я воображал
Средь пышных, опустелых зал...
Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

*

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

*

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Всё хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом;

Кой-где недавний труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

*

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать: в Одессе грязной —
И тут бы право не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все домы на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

*

Но уж дробит каменья молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованной броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? — воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

*

Глядишь — и площадь запестрела.
Всё оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,

Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что̀ устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.
Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном; *
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

*

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет — они кипят,
Они текут, они горят
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?

---

* Известный ресторатор в Одессе.

А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам...
А муж — в углу за нею дремлет,
В просонках фора закричит,
Зевнет — и снова захрапит.

*

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревем речитатив.
Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

*

Итак, я жил тогда в Одессе...

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

I

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
. . . .

II

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
. . . .

III

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?
. . . .

IV

Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутилися в Париже,
А русский царь главой царей.
. . . .

V

И чем жирнее, тем тяжеле,
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле

. . . .

VI

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил

. . . .

Моря достались Албиону

. . . .

VII

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь

. . . .

Авось дороги нам исправят

. . . .

VIII

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчанный,
Исчезнувший как тень зари,

. . . .

Измучен казнию покоя

. . . .

IX

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,

Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал.

. . . .

Кинжал Л   тень Б[1]

. . . .

X

Я всех уйму с моим народом,—
Наш царь в конгрессе говорил,
А про тебя и в ус не дует,
Ты Александровский холоп[2]

. . . .

XI

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей.

. . . .

XII

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть,

. . . .

XIII

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки

. . . .

---

[1] *Невозможно установить, представляют ли собою «Л» и «Б» буквы или условные значки.*
[2] *В этой строфе очевидная ошибка зашифровки.*

XIV

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
. . . .

XV

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

XVI

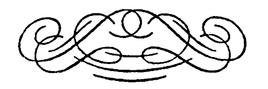
Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель — для тиранов
И рать . . . . набирал

Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

XVII

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов,
Казалось . . . .
Узлы к узлам . . . .
И постепенно сетью тайной
Россия . . . .
Наш царь дремал . . . . . .
. . . .

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БОРИС ГОДУНОВ

ДРАГОЦЕННОЙ ДЛЯ РОССИЯН

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА

сей труд, гением его вдохновенный,

с благоговением и благодарностию

посвящает

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

(1598 года, 20 февраля)

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЙ и ВОРОТЫНСКИЙ.

Воротынский.

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский.

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там — а там он будет нами править
Попрежнему.

Воротынский.

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул всё мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре

Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский.

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский.

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский.

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданой,
Он мне в глаза смотрел как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

Воротынский.

Нечисто, князь.

Шуйский.

А что мне было делать?
Всё объявить Феодору? Но царь
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрашит,
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский.

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский.

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский.

Да, кажется.

Воротынский.

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский.

Да, боле,
Чем Годунов.

Воротынский.

Ведь в самом деле!

Шуйский.

Что ж?
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,

Пускай они оставят Годунова;
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский.

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым;
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом и любовью
И славою народ очаровать.

Шуйский (*глядит в окно*).

Он смел, вот всё — а мы... Но полно.
Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад.
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

НАРОД

Один.

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Другой.

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Третий.

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решенье Думы.

Народ.

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш — слушайте!

Щелкалов (*с Красного крыльца*).

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх,

В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвижется, а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирою Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитеся — да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

(Народ расходится.)

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ. НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

НАРОД.

Один.

Теперь они пошли к царице в келью.
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Другой.

Что слышно?

Третий.

Всё еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба (*с ребенком*).

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

Один.

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,

Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Первый.

Право любо!

Один.

Что там за шум?

Другой.

Послушай! что за шум?
Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Народ *(на коленях. Вой и плач).*

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один *(тихо).*

О чем там плачут?

Другой.

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба *(с ребенком).*

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(Бросает его об земь. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один.

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Другой.

Я силюсь, брат,
Да не могу.

Первый.

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюнёй помажу.
Что там еще?

Первый.

Да кто их разберет?

Народ.

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

БОРИС, ПАТРИАРХ, БОЯРЕ.

Борис.

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Бояре.

Не изменим присяге, нами данной.

Борис.

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там — сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

(Уходит, за ним и бояре.)

Воротынский *(останавливая Шуйского).*

Ты угадал.

Шуйский.

А что?

Воротынский.

Да здесь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйский.

Нет, не помню ничего.

Воротынский.

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...

Шуйский.

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот — народ приветствует царя —
Отсутствие мое заметить могут —
Иду за ним.

Воротынский.

Лукавый царедворец!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ

(1603 года)

ОТЕЦ ПИМЕН, ГРИГОРИЙ спящий.

Пимен *(пишет перед лампадой).*

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья,
Спасителя смиренно умоляют.
  На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно
Волнуяся, как море-окиян?

Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье (*пишет*).

Григорий (*пробуждается*).

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А всё перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой
Знать во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новогородском вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен.

Проснулся, брат?

Григорий.

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен.

Благослови господь
Тебя и днесь и присно и во веки.

Григорий.

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилося, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

Пимен.

Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий.

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,

Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен.

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим насладился;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня

Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братьи:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святый отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объяты были страхом,

Уразумев небесное виденье,
Зане святый владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий.

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен.

Ох, помню!
Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. На утро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ остервенясь волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.

«Вот, вот злодей!» раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал.—
«Покайтеся!» народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорий.

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен.

Да лет семи; ему бы ныне было —
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, господь,
Своих рабов... подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Григорий.

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца,—
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

ПАТРИАРХ, ИГУМЕН ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

Патриарх.

И он убежал, отец игумен?

Игумен.

Убежал, святый владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх.

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен.

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и не разумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далася ему не от господа бога...

Патриарх.

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд диавольский!

Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!..* Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен.

Ересь, святый владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

ДВА СТОЛЬНИКА.

Первый.

Где государь?

Второй.

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый.

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадает он?

Второй.

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый.

Как он угрюм!

(Уходят.)

Царь *(входит).*

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огнь их домы истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,

Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелося,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

МИСАИЛ и ВАРЛААМ, бродяги-чернецы; ГРИГОРИЙ ОТРЕПЬЕВ, мирянином; ХОЗЯЙКА.

Хозяйка.

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам.

Чем бог пошлет, хозяюшка. Нет ли вина?

Хозяйка.

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

Мисаил.

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Григорий.

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам.

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

Мисаил.

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка (*входит*).

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил.

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

(Монахи пьют; Варлаам затягивает песню: Как во городе было во Казани...)

Варлаам (*Григорию*).

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий.

Не хочу.

Мисаил.

Вольному воля...

Варлаам.

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий.

Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь, и я порой складно говорить умею.

Варлаам.

А что мне про себя разуметь?

Мисаил.

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам.

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда,— да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

(Пьет и поет:
Мелодой чернец постригся.)

Григорий *(хозяйке).*

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка.

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий.

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка.

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий.

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка.

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий *(про себя).*

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам.

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил.

Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий.

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка.

А господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обирают нас бедных. (*Слышен шум.*) Что там еще? ах вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий.

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка.

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им

и вина и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

(Входят приставы.)

Пристав.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав *(другому)*.

Ба! да здесь попойка идет; будет чем поживиться. (*Монахам.*) Вы что за люди?

Варлаам.

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

Пристав *(Григорию)*.

А ты?

Мисаил.

Наш товарищ...

Григорий.

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

Мисаил.

Так ты раздумал...

Григорий *(тихо)*.

Молчи.

Пристав.

Хозяйка, выставь-ка еще вина — а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав (*тихо*).

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

Первый.

Молчи, сейчас до них доберемся.— Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам.

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только.— Ох плохо, знать пришли наши последние времена...

Хозяйка (*плачет*).

Господь помилуй и спаси!

(В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.)

Первый пристав.

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй.

При мне.

Первый.

Подай-ка сюда.

Мисаил.

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав.

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слыхал ли ты это?

Мисаил.

Не слыхал.

Пристав.

Не слыхал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил.

Не знаю.

Пристав *(Варлааму)*.

Умеешь ли ты читать?

Варлаам.

Смолоду знал, да разучился.

Пристав *(Мисаилу)*.

А ты?

Мисаил.

Не умудрил господь.

Пристав.

Так вот тебе царский указ.

Мисаил.

На что мне его? —

П р и с т а в.

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты.

М и с а и л.

Я! помилуй! что ты?

П р и с т а в.

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Х о з я й к а.

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

П р и с т а в.

Кто здесь грамотный?

Г р и г о р и й *(выступает вперед)*.

Я грамотный.

П р и с т а в.

Вот на! А у кого же ты научился?

Г р и г о р и й.

У нашего пономаря.

П р и с т а в *(дает ему указ)*.

Читай же вслух.

Г р и г о р и й *(читает)*.

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями.

А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе Литовской...»

Пристав (*Мисаилу*).

Как же не ты?

Григорий.

«И Царь повелел изловить его...»

Пристав.

И повесить.

Григорий.

Тут не сказано *повесить*.

Пристав.

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Григорий.

«И повесить. А лет ему вору Гришке отроду... (*смотря на Варлаама.*) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

(*Все глядят на Варлаама.*)

Первый пристав.

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам (*вырывая бумагу*).

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? — как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж

разберу, как дело до петли доходит. *(Читает по складам)* «А лет е-му от-роду-ду... 20».— Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав.

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав *(Григорию)*.

Да ты, брат, видно забавник.

(Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.)

Варлаам *(продолжает)*.

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

(Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.)

Приставы.

Держи! держи!

(Все бегут в беспорядке.)

МОСКВА. ДОМ ШУЙСКОГО

ШУЙСКИЙ, множество гостей. Ужин.

Шуйский.

Вина еще.

(Встает, за ним и все.)

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Мальчик.

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он о̀т моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;

И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

Шуйский (*пьет*).

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.

(*Гости уходят, он провожает их до дверей.*)

Пушкин.

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Шуйский (*слугам*).

Вы что рот разинули? Всё бы вам господ подслушивать.— Сбирайте со стола да ступайте вон.— Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин.

Чудеса да и только.
Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Шуйский.

Ну?

Пушкин.

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(*Идет к дверям и осматривает.*)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Шуйский.

Да это уж не ново.

Пушкин.

Погоди:
Димитрий жив.

Шуйский.

Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

Пушкин.

Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Шуйский.

Не может быть.

Пушкин.

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Шуйский.

Кто ж он такой? откуда он?

Пушкин.

Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,

Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Шуйский.

Что ж говорят об этом удальце?

Пушкин.

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Шуйский.

Всё это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольно.
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Пушкин.

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,

Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы.
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаньи.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместиях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! — Не то, в Приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Шуйский.

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

Пушкин.

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,

Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

Шуйский.

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина.)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

ЦАРЕВИЧ чертит географическую карту. ЦАРЕВНА, МАМКА царевны.

Ксения *(целует портрет).*

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а темной могилке, на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка.

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения.

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна

(Входит Борис.)

Царь.

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила

Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастие твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор.

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Царь.

А это что такое
Узором здесь вьется?

Феодор.

Это Волга.

Царь.

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.—
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

(Входит Семен Годунов.)

Вот Годунов идет ко мне с докладом.
(Ксении) Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя господь.

(Ксения с мамкою уходит.)

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Семен Годунов.

Нынче
Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь.

Ну?

Семен Годунов.

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец — и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Царь.

Гонца схватить.

Семен Годунов.

Уж послано в догоню.

Царь.

О Шуйском что?

Семен Годунов.

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина — да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Царь.

Сейчас послать за Шуйским.

Семен Годунов.

Государь,
Он здесь уже.

Царь.

Позвать его сюда.

(Годунов уходит.)

Царь.

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...

(Входит Шуйский.)

Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется — ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский.

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйский *(тихо указывая на Феодора).*

Но, государь...

Царь.

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Шуйский.

Царь, из Литвы пришла нам весть...

Царь.

Не та ли,
Что Пушкину привез вечор гонец.

Шуйский.

Всё знает он! — Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Царь.

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Шуйский.

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец,
И что король и паны за него.

Царь.

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Шуйский.

Не ведаю.

Царь.

Но... чем опасен он?

Шуйский.

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь

Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрия!.. как? этого младенца!
Димитрия!.. Царевич, удались.

Шуйский.

Он покраснел: быть буре!..

Феодор.

Государь,
Дозволишь ли...

Царь.

Нельзя, мой сын, поди.

(Феодор уходит.)

Димитрия!..

Шуйский

Он ничего не знал.

Царь.

Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Шуйский.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Шуйский.

Я, государь?..

Царь.

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Шуйский

Клянусь тебе...

Царь.

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Шуйский.

Он

Царь.

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Шуйский.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость.
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровожденный.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Царь *(спокойно)*.

Довольно; удались.

(Шуйский уходит.)

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо

Мне кинулась — и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилося убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй — и нет его.
Так решено: не окажу я страха,—
Но презирать не должно ничего...—
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО

САМОЗВАНЕЦ и pater ЧЕРНИКОВСКИЙ.

Самозванец.

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Pater.

Вспомоществуй тебе святый Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

Самозванец.

Аминь. Кто там?

(Входит слуга.)

Сказать: мы принимаем.

(Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.)

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны
Но между вас я вижу новы лица.

Гаврила Пушкин.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Самозванец.

Рад вам, дети.
Ко мне, друзья.—Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

Пушкин.

Князь Курбский.

Самозванец.

Имя громко!
(Курбскому) Ты родственник казанскому герою?

Курбский.

Я сын его.

Самозванец.

Он жив еще?

Курбский.

Нет, умер.

Самозванец.

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

Курбский.

Мой отец
В Волынии провел остаток жизни,
В поместиях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил
И до конца по ней он тосковал.

Самозванец.

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;

Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
— Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна...
Всё за меня: и люди и судьба.—
Ты кто такой?

Поляк.

Собаньский, шляхтич вольный.

Самозванец.

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать.—
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Хрущов *(бьет челом)*.

Так, государь отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь — и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

Самозванец.

Мужайтеся, безвинные страдальцы —
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

Карела

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Самозванец.

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Поэт *(приближается, кланяясь низко, и хватает Гришку за полу).*

Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец.

Что хочешь ты?

Поэт *(подает ему бумагу).*

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

Самозванец.

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Егож они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье

Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

Все.

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий,
Да здравствует великий князь московский!

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

(Ряд освещенных комнат. Музыка.)

ВИШНЕВЕЦКИЙ, МНИШЕК.

Мнишек.

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий.

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московский?

Мнишек.

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. и вот
Всё кончено. Уж он в ее сетях.

(Музыка играет польский. Самозванец идет с Мариною в первой паре.)

Марина *(тихо Димитрию)*.

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

Кавалер.

Что в ней нашел Димитрий?

Дама.

Как! она
Красавица.

Кавалер.

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

(Новая пара.)

Дама.

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.

(Новая пара.)

Дама.

Когда ж поход?

Кавалер.

Когда велит царевич,
Готовы мы; но видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Дама.

Приятный плен.

Кавалер.

Конечно, если вы...

(Расходятся. Комнаты пустеют.)

Мнишек.

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,

Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей — не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: всё как-то приуныло.
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

Вишневецкий.

И дело, друг, пойдем.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

Самозванец *(входит).*

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертию душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались — я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет — это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал всё то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей.
Но час настал — и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Марина *(входит).*

Царевич!

Самозванец.

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Марина.

Димитрий! Вы?

Самозванец.

Волшебный, сладкий голос!
(Идет к ней.) Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина.

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь — не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

Самозванец.

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!

Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать всё то, чем сердце полно.

Марина.

Не время, князь. Ты медлишь — и меж тем
Приверженность твоих клевретов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

Самозванец.

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной — ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Марина.

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначенья:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно

Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванец.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь —
Как! ежели... о страшное сомненье! —
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок:
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Марина.

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

Самозванец.

Нет! полно:
Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт — и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал

К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

Марина.

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)

Самозванец *(тихо)*.

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? —

(Вслух.)

Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду *(бросается на колени)*.

Марина.

Встань, бедный самозванец,
Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилить?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

Самозванец (*встает*).

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

Марина.

Достойные позорной петли, дерзкий!

Самозванец.

Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред нейже я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Всё высказать.

Марина.

Чем хвалится безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,

Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем,
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

Самозванец.

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Марина.

Клянешься ты! итак, должна я верить —
О верю я! — но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Димитрий *(гордо)*.

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.

Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но — может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Марина.

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю

И вижу вновь Димитрия. Но — слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву.
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но — слышит бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

Самозванец.

Нет — легче мне сражаться с Годуновым,
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной — чорт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: заутра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

(1604 года, 16 октября)

**КНЯЗЬ КУРБСКИЙ и САМОЗВАНЕЦ, оба верхами.
Полки приближаются к границе.**

Курбский *(прискакав первый)*.

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд — пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости! —
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надёжу-государя!..

Самозванец *(едет тихо с поникшей головой)*.

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнаньи,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,—

Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский.

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец.

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!

Курбский.

Вперед! и горе Годунову!

(Скачут. Полки переходят через границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА

ЦАРЬ, ПАТРИАРХ и БОЯРЕ.

Царь.

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! — Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов; помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан

Басманов.

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Царь.

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помога;

Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.
Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
Постарине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они — таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шопот,
Умы кипят... их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святый отец, свою поведай мысль.

Патриарх.

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да пройдет заблужденье:
Оно пройдет и солнце правды вечной
Всех озарит.
Твой верный богомолец,

В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.
Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать — и сам
Он наготой своею посрамится.
Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет —
В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу,
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В младых летах,— сказал он,— я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду.
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: — Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив — и я тебя прощу.—

Но кто же ты? — спросил я детский голос.
— Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик.— Проснулся я и думал:
Что ж? может быть и в самом деле бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду — и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святый собор, и слушаю обедню
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: — Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия.— И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку».
Вот, государь, что мне поведал старец.

(Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз отирает лицо платком.)

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

(Молчание.)

Князь Шуйский.

Святый отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства — проще.
Так, государь — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь.

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

(Уходит. За ним и все бояре.)

Один боярин *(тихо другому)*.

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Другой.

Я — признаюсь — не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

Первый боярин.

А выручил князь Шуйский. Молодец!

РАВНИНА
БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО

(1604 года, 21 декабря)

БИТВА.

Воины *(бегут в беспорядке).*

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

(Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.)

Маржерет.

Куда, куда? Allons... пошоль назад!

Один из беглецов.

Сам *пошоль,* коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?.. Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on

dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.

В. Розен.

Es ist Schande.

Маржерет.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?

В. Розен.

Sie haben Recht.

Маржерет.

Tudlieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?

В. Розен.

Oh, ia!

Маржерет.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розен.

Ich glaube das.

(Входят немцы.)

Маржерет.

Ha, ha! voici nos Allemands.— Messieurs!.. Mein herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розен.

Sehr gut. Halt!

(Немцы строятся.)

Marsch!

Немцы *(идут).*

Hilf Gott.

(Сражение. Русские снова бегут.)

Ляхи.

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий *(верхом).*

Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубят, бьют барабаны.)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ

НАРОД.

Один.

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой.

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый.

Что, уж проклинали *того*?

Другой.

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка Отрепьев — анафема!

Первый.

Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой.

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый.

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

Третий

Чу! шум. Не царь ли?

Четвертый.

Нет; это юродивый.

(Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.)

Мальчишки

Николка, Николка — железный колпак!.. тр р р р р...

Старуха.

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного.— Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха.

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый *(садится на землю и поет).*

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружают его снова.)

Один из них.

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкает его по железной шапке.)* Эк она звонит!

Юродивый.

А у меня копеечка есть.

Мальчишка.

Неправда! ну покажи.

(Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый *(плачет)*.

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ.

Царь, царь идет.

(Царь выходит из собора. Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.)

Юродивый.

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь.

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый.

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Бояре.

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь.

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Юродивый *(ему вслед)*.

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит.

СЕВСК

САМОЗВАНЕЦ, окруженный своими.

Самозванец.

Где пленный?

Ляхи.

Здесь.

Самозванец.

Позвать его ко мне.

(Входит русский пленник.)

Кто ты?

Пленник.

Рожнов, московский дворянин.

Самозванец.

Давно ли ты на службе?

Пленник.

С месяц будет.

Самозванец.

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

Пленник.

Как быть, не наша воля.

Самозванец.

Сражался ты под Северским? —

Пленник.

Я прибыл
Недели две по битве, из Москвы.

Самозванец.

Что Годунов?

Пленник.

Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

Самозванец.

А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?

Пленник.

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

Самозванец.

Он в войске был нужнее.
Ну что в Москве?

Пленник.

Всё, слава богу, тихо.

Самозванец.

Что? ждут меня?

Пленник.

Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову — такая право притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся — глядь — лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

Самозванец.

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

Пленник.

Что с ним? одето, сыто.
Довольно всем.

Самозванец.

Да много ли его?

Пленник.

Бог ведает.

Самозванец.

А будет тысяч тридцать?

П л е н н и к.

Да наберешь и тысяч пятьдесят.

(Самозванец задумывается. Окружающие смотрят друг на друга.)

С а м о з в а н е ц.

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к.

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

С а м о з в а н е ц *(смеясь)*.

Так это я на деле
Им докажу. Друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
На завтра бой.

(Уходит.)

В с е.

Да здравствует Димитрий!

Л я х.

На завтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Д р у г о й.

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

П л е н н и к.

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Лях.

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя (*указывая на свою саблю*) вот этим
бы смирил.

Пленник.

Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого (*показывая кулак*),
безмозглый!

*(Лях гордо смотрит на него и молча отходит.
Все смеются.)*

ЛЕС

ЛЖЕДИМИТРИЙ, ПУШКИН.

(В отдалении лежит конь издыхающий.)

Лжедимитрий.

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сраженье,
И раненый как быстро нес меня.
Мой бедный конь!

Пушкин *(про себя)*.

Ну вот о чем жалеет!
Об лошади! когда всё наше войско
Побито в прах!

Самозванец.

Послушай: может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

Пушкин.

Куда! он издыхает.

Самозванец *(идет к своему коню)*.

Мой бедный конь!.. что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле

Издохнет он.

(Разуздывает и расседлывает коня. Входят несколько ляхов.)

Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Лях.

Он лег на поле смерти.

Самозванец.

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас —
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

Пушкин.

Кто там ни виноват,
Но всё-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванец.

А дело было наше;
Я было смял передовую рать —
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей богу, молодцы,

Люблю за то — из них уж непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкин.

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец.

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем
в Рыльске.
Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

Пушкин.

Приятный сон, царевич!
Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его конечно провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

МОСКВА. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

БОРИС, БАСМАНОВ.

Царь.

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басманов.

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

Царь.

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Басманов.

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Царь.

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и — его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

(Входит боярин.)

Что?

Боярин.

Привели гостей иноплеменных.

Царь.

Иду принять; Басманов, погоди,
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Басманов.

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он

Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?

(Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся.)

Один.

За лекарем!

Другой.

Скорее к патриарху.

Третий.

Царевича, царевича зовет!

Четвертый.

Духовника!

Басманов.

Что сделалось такое?

Пятый.

Царь занемог.

Шестой.

Царь умирает.

Басманов.

Боже!

Пятый.

На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.

(Царя выносят на стуле; всё царское семейство, все бояре.)

Царь.

Подите все — оставьте одного
Царевича со мною. *(Все удаляются.)* Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!
Сейчас явлюсь перед тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
Я, я за все один отвечу богу...
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно.
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...
Я, с давних лет в правленьи искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника во-первых избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах

Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска ныне нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Современем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться попустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Феодор (*на коленях*).

Нет, нет — живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Царь.

Всё кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

(Входит патриарх, святители, за ними все бояре Царицу ведут под руки, царевна рыдает.)

Кто там?
А! схима... так! святое постриженье...
Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей...
Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен.
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволен.
Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святый отец, приближься, я готов.

(Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят.)

СТАВКА

БАСМАНОВ *вводит* ПУШКИНА.

Басманов.

Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

Пушкин.

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Басманов.

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр — я присягал ему.

Пушкин.

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Басманов.

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Пушкин.

Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но впрочем я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов.

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлю,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин.

Ошибся ты: и тех не наберешь —
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только села грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помогой,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Басманов.

Узнаете вы завтра.

Пушкин.

Решись.

Басманов.

Прощай.

Пушкин.

Подумай же, Басманов.

(Уходит.)

Басманов.

Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность младого венценосца
Предательством ужасным заплатить...

Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там? *(Свищет.)* Коня! трубите сбор.

ЛОБНОЕ МЕСТО

ПУШКИН идет, окруженный народом.

Народ.

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Пушкин *(на амвоне).*

Московские граждане.
Вам кланяться царевич приказал.

(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Народ.

Вестимо, нет.

Пушкин.

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властию жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов — и весь честной народ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убегать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов — в сопровожденьи грозном
Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритеся, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит. Шум народный.)

Народ.

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец.

Мужик на амвоне.

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ *(несется толпою).*

Вязать! топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМ БОРИСОВ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА

ФЕОДОР под окном.

Нищий.

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража.

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Феодор.

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

(Ксения под покрывалом подходит также к окну.)

Один из народа.

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой.

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый.

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой.

Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения.

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Ф е о д о р.

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

К с е н и я.

Ах, братец, сердце замирает.

(Голицын, Мосальский, Молчанов и Шерефединов. За ними трое стрельцов.)

Н а р о д.

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

(Они входят в дом.)

О д и н и з н а р о д а.

Зачем они пришли?

Д р у г о й.

А верно приводить к присяге Феодора Годунова.—

Т р е т и й.

В самом деле? — слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...

Н а р о д.

Слышишь? визг! — это женский голос. Взойдем! — Двери заперты — крики замолкли.

(Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.)

М о с а л ь с к и й.

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. *(Народ в ужасе молчит.)* Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Н а р о д *безмолвствует.*

КОНЕЦ.

СЦЕНЫ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ ПЕЧАТНОЙ РЕДАКЦИИ

1. ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.[1]

ГРИГОРИЙ и ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦ.

Григорий.

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь;
Ночью долгою до света всё не спится чернецу.
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костылем.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду да бегом.
Мир велик: мне путь дорога на четыре стороны,
Поминай как звали.

---

[1] *Следовало после сцены:* «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»

Чернец.

Правда: ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

Григорий.

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва бы
поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними переведаться
мечом.
Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг
воскрес
И вскричал: А где вы, дети, слуги верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его!..

Чернец.

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не
воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено —
Но послушай: если дело затевать, так затевать...

Григорий.

Что такое?

Чернец.

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина...
Понимаешь?

Григорий.

Нет, нисколько.

Чернец.

Слушай: глупый
наш народ
Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне;

А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь? *(Молчание.)*

Григорий.

Понимаю.

Чернец.

Что же скажешь?

Григорий.

Решено!

Я — Димитрий, я — царевич.

Чернец.

Дай мне руку: будешь царь.

2. ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ[1]

Уборная Марины.

МАРИНА, РУЗЯ убирает ее; СЛУЖАНКИ.

Марина *(перед зеркалом)*.

Ну что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Рузя.

Позвольте: наперед решите выбор трудный:
Что вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

---

[1] *Следовало после сцены:* «Краков. Дом Вишневецкого».

Марина.

Алмазный мой венец.

Рузя.

Прекрасно! помните? его вы надевали,
Когда изволили вы ездить во дворец.
На бале, говорят, как солнце вы блистали.
Мужчины ахали, красавицы шептали...
В то время, кажется, вас видел в первый раз
Хоткевич молодой, что после застрелился.
А точно, говорят: на вас
Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Марина.

Нельзя ли поскорей.

Рузя.

Сейчас.
Сегодня ваш отец надеется на вас.
Царевич видел вас недаром,
Не мог он утаить восторга своего,
Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.
А точно, панна, он влюблен.
Вот месяц, как, оставя Краков,
Забыв войну, московский трон,
В гостях у нас пирует он
И бесит русских и поляков.
Ах, боже мой! дождусь ли дня?..
Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий повезет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

Марина.

Ты разве думаешь — царицей буду я?

Рузя.

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотою
Равняться здесь с моею госпожою?
Род Мнишков — ничьему еще не уступал;
Умом — превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе присвоит —
Кто б ни был он, хоть наш король
Или французский королевич —
Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, бог весть отколь.

Марина.

Он точно царский сын и признан целым светом.

Рузя.

А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

Марина.

Скрывался он.

Рузя.

Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе.

Марина.

Какие глупости!

Р у з я.

О я не верю им —
Я только говорю, что должен он конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

С л у ж а н к а *(вбегает).*

Уж гости съехались.

М а р и н а.

Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать,
А между тем я не одета...

Р у з я.

Сейчас, готово всё.

(Служанки суетятся.)

М а р и н а.

Мне должно всё узнать.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ РУКОПИСИ „ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ“.

Рисунок А. С. Пушкина. 1830 г.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

(СЦЕНЫ ИЗ ЧЕНСТОНОВОЙ ТРАГИ-КОМЕДИИ
THE COVETOUS KNIGHT)

СЦЕНА I

(В башне.)

АЛЬБЕР и ИВАН.

Альбер.

Во что бы то ни стало, на турнире
Явлюсь я. Покажи мне шлем, Иван.

(Иван подает ему шлем.)

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый.
Какой удар! проклятый граф Делорж!

Иван.

И вы ему порядком отплатили;
Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замертво лежал — и вряд ли
Оправился.

Альбер.

А всё ж он не в убытке;
Его нагрудник цел венецианский,
А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
Зачем с него не снял я шлема тут же!
А снял бы я, когда б не было стыдно

Мне дам и герцога. Проклятый граф!
Он лучше бы мне голову пробил.
И платье нужно мне. В последний раз
Все рыцари сидели тут в атласе
Да бархате; я в латах был один
За герцогским столом. Отговорился
Я тем, что на турнир попал случайно.
А нынче что скажу? О, бедность, бедность!
Как унижает сердце нам она!
Когда Делорж копьем своим тяжелым
Пробил мне шлем и мимо проскакал,
А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на̀ двадцать шагов,
Как маленького пажа; как все дамы
Привстали с мест, когда сама Клотильда,
Закрыв лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой удар,—
Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем;
Геройству что виною было? — скупость.—
Да! заразиться здесь не трудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.
Что бедный мой Эмир?

Иван.

Он всё хромает.
Вам выехать на нем еще нельзя.

Альбер.

Ну, делать нечего: куплю Гнедого.
Недорого и просят за него.

Иван.

Недорого, да денег нет у нас.

Альбер.

Что ж говорит бездельник Соломон?

Иван.

Он говорит, что более не может
Взаймы давать вам денег без заклада.

Альбер.

Заклад! а где мне взять заклада, дьявол!

Иван.

Я сказывал.

Альбер.

Что ж он?

Иван.

Кряхтит да жмется.

Альбер.

Да ты б ему сказал, что мой отец
Богат и сам как жид, что рано ль, поздно ль
Всему наследую.

Иван.

Я говорил

Альбер.

Что ж?

Иван.

Жмется да кряхтит.

Альбер.

Какое горе!

Иван.

Он сам хотел придти.

Альбер.

Ну, слава богу.
Без выкупа не выпущу его. *(Стучат в дверь.)*
Кто там? *(Входит жид.)*

Жид.

Слуга ваш низкий

Альбер.

А, приятель!
Проклятый жид, почтенный Соломон,
Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу,
Не веришь в долг.

Жид.

Ах, милостивый рыцарь,
Клянусь вам: рад бы... право не могу.
Где денег взять? весь разорился я,
Всё рыцарям усердно помогая.
Никто не платит. Вас хотел просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

Альбер.

Разбойник!
Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться? Полно,
Не будь упрям, мой милый Соломон;
Давай червонцы. Высыпи мне сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жид.

Сотню!
Когда б имел я сто червонцев!

Альбер.

Слушай:
Не стыдно ли тебе своих друзей
Не выручать?

Жид.

Клянусь вам...

Альбер.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздор!
Что дам тебе в заклад? свиную кожу?
Когда б я мог что заложить, давно
Уж продал бы. Иль рыцарского слова
Тебе, собака, мало?

Жид.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значит.
Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в море.

Альбер.

Ужель отец меня переживет?

Жид.

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечор, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.

Барон здоров. Бог даст — лет десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживет он.

Альбер.

Ты врешь, еврей: да через тридцать лет
Мне стукнет пятьдесят, тогда и деньги
На что мне пригодятся?

Жид.

Деньги? — деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

Альбер.

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленой конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, всё бегает да лает,—
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.

Жид.

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежель слез.
Пошли вам бог скорей наследство.

Альбер.

Amen!

Жид.

А можно б...

Альбер.

Что?

Жид.

Так — думал я, что средство
Такое есть...

Альбер.

Какое средство?

Жид.

Так
Есть у меня знакомый старичок,
Еврей, аптекарь бедный...

Альбер.

Ростовщик,
Такой же как и ты, иль почестнее?

Жид.

Нет, рыцарь, Товий торг ведет иной —
Он составляет капли... право, чудно,
Как действуют они.

Альбер.

А что мне в них?

Жид.

В стакан воды подлить... трех капель будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не заметно;
А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.

Альбер.

Твой старичок торгует ядом.

Жид.

Да —
И ядом.

Альбер.

Что ж? взаймы на место денег
Ты мне предложишь склянок двести яду,
За склянку по червонцу. Так ли, что ли?

Жид.

Смеяться вам угодно надо мною —
Нет; я хотел... быть может, вы... я думал,
Что уж барону время умереть.

Альбер.

Как! отравить отца! и смел ты сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

Жид.

Виноват!
Простите: я шутил.

Альбер.

Иван, веревку.

Жид.

Я... я шутил. Я деньги вам принес.

Альбер.

Вон, пес! *(Жид уходит.)*
Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклятым,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого... Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребренники пращура его...
Я спрашивал вина.

Иван.

У нас вина —
Ни капли нет.

Альбер.

А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?

Иван.

Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.

Альбер.

Да, помню, знаю...
Так дай воды. Проклятое житье!
Нет, решено — пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышь,
Рожденную в подполье.

СЦЕНА II

(Подвал.)

Барон.

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился — и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм — и с высоты его
Могу взирать на всё, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;

В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья... *(Смотрит на свое золото.)*
Кажется не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за всё, что здесь хранится,

Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук.)

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о, нет! кого бояться мне?
При мне мой меч: за злато отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груды.

(Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим.)

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастие, в ней честь моя и слава!
Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украв ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные диравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это всё досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костьми да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незваный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный

То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Придти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне!..

СЦЕНА III

(Во дворце.)

АЛЬБЕР, ГЕРЦОГ.

Альбер.

Поверьте, государь, терпел я долго
Стыд горькой бедности. Когда б не крайность,
Вы б жалобы моей не услыхали.

Герцог.

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовещу наедине, без шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Он был друг деду моему. Я помню,
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня
И покрывал своим тяжелым шлемом
Как будто колоколом. — *(Смотрит в окно.)*
Это кто?
Не он ли?

Альбер.

Так, он, государь.

Герцог.

Подите ж

В ту комнату. Я кликну вас.

(Альбер уходит; входит барон.)

Барон,
Я рад вас видеть бодрым и здоровым.

Барон.

Я счастлив, государь, что в силах был
По приказанью вашему явиться.

Герцог.

Давно, барон, давно расстались мы.
Вы помните меня?

Барон.

Я, государь?
Я как теперь вас вижу. О, вы были
Ребенок резвый.— Мне покойный герцог
Говаривал: Филипп (он звал меня
Всегда Филиппом), что ты скажешь? а?
Лет через двадцать, право, ты да я,
Мы будем глупы перед этим малым...
Пред вами, то есть...

Герцог.

Мы теперь знакомство
Возобновим. Вы двор забыли мой.

Барон.

Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды; вам любы
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь. Бог даст войну, так я
Готов, кряхтя, взлезть снова на коня;

Еще достанет силы старый меч
За вас рукой дрожащей обнажить.

Герцог.

Барон, усердье ваше нам известно;
Вы деду были другом; мой отец
Вас уважал. И я всегда считал
Вас верным, храбрым рыцарем — но сядем.
У вас, барон, есть дети?

Барон.

Сын один.

Герцог.

Зачем его я при себе не вижу?
Вам двор наскучил, но ему прилично
В его летах и званьи быть при нас.

Барон.

Мой сын не любит шумной, светской жизни;
Он дикого и сумрачного нрава —
Вкруг замка по лесам он вечно бродит
Как молодой олень.

Герцог.

Нехорошо
Ему дичиться. Мы тотчас приучим
Его к весельям, к балам и турнирам.
Пришлите мне его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь, устали вы с дороги,
Быть может?

Барон.

Государь, я не устал;
Но вы меня смутили. Перед вами

Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недостоин
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Он молодость свою проводит в буйстве,
В пороках низких...

Герцог.

Это потому,
Барон, что он один. Уединенье
И праздность губят молодых людей.
Пришлите к нам его: он позабудет
Привычки, зарожденные в глуши.

Барон.

Простите мне, но право, государь,
Я согласиться не могу на это.

Герцог.

Но почему ж?

Барон.

Увольте старика...

Герцог.

Я требую: откройте мне причину
Отказа вашего.

Барон.

На сына я
Сердит.

Герцог.

За что?

Барон.

За злое преступленье.

Герцог.

А в чем оно, скажите, состоит?

Барон.

Увольте, герцог...

Герцог.

Это очень странно,
Или вам стыдно за него?

Барон.

Да... стыдно...

Герцог.

Но что же сделал он?

Барон.

Он... он меня
Хотел убить.

Герцог.

Убить! так я суду
Его предам, как черного злодея.

Барон.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет он моей,
Хоть знаю то, что покушался он
Меня...

Герцог.

Что?

Барон.

Обокрасть.

(Альбер бросается в комнату.)

Альбер.

Барон, вы лжете.

Герцог *(сыну)*.

Как смели вы?..

Барон.

Ты здесь! ты, ты мне смел!..
Ты мог отцу такое слово молвить!..
Я лгу! и перед нашим государем!..
Мне, мне... иль уж не рыцарь я?

Альбер.

Вы лжец.

Барон.

И гром еще не грянул, боже правый!
Так подыми ж, и меч нас рассуди!

(Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.)

Альбер.

Благодарю. Вот первый дар отца.

Герцог.

Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,

И ты, тигренок! полно. *(Сыну.)* Бросьте это;
Отдайте мне перчатку эту *(отымает ее)*.

Альбер *(a parte)*.

Жаль.

Герцог.

Так и впился в нее когтями! — изверг!
Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас. *(Альбер выходит.)*
Вы, старик несчастный,
Не стыдно ль вам...

Барон.

Простите, государь...
Стоять я не могу... мои колени
Слабеют... душно!.. душно!.. Где ключи?
Ключи, ключи мои!..

Герцог.

Он умер. Боже!
Ужасный век, ужасные сердца!

МОЦАРТ и САЛЬЕРИ

СЦЕНА I

(Комната.)

Сальери.

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовию к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолел
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.

Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — нижѐ, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Нижѐ, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?

Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.— О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

(Входит Моцарт.)

Моцарт.

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя нежданной шуткой угостить.

Сальери.

Ты здесь! — Давно ль?

Моцарт.

Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрыпку... Нет, мой друг, Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрыпач в трактире
Разыгрывал voi che sapete. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрыпача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

(Входит слепой старик со скрыпкой.)

Из Моцарта нам что-нибудь.

*(Старик играет арию из Дон-Жуана;
Моцарт хохочет.)*

Сальери.

И ты смеяться можешь?

Моцарт.

Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери.

Нет.
Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.

Моцарт.

Постой же: вот тебе,
Пей за мое здоровье.

(Старик уходит.)

Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Я приду к тебе
В другое время.

Сальери.

Что ты мне принес?

Моцарт.

Нет — так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

Сальери.

Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцарт *(за фортепиано).*

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой,
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играет.)

Сальери.

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрыпача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Моцарт.

Что ж, хорошо?

Сальери.

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

Моцарт.

Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

Моцарт.

Пожалуй;
Я рад. Но дай, схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

Сальери.

Жду тебя; смотри ж.
Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто

С врагом беспечным за одной трапезой
И никогда на шопот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им...
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

СЦЕНА II

(Особая комната в трактире; фортепиано.)

МОЦАРТ и САЛЬЕРИ за столом.

Сальери.

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт.

Я? Нет!

Сальери.

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцарт.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожит.

Сальери.

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт.

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

Сальери.

Нет.

Моцарт.

Так слушай.
Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

Сальери

Что?

Моцарт.

Мне совестно признаться в этом...

Сальери.

В чем же?

Моцарт.

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

Сальери.

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: „Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку,
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».“

Моцарт.

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

Сальери.

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

Моцарт.

Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта.)

Ну, пей же.

Моцарт.

За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,

Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(Пьет.)

Сальери.

Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

Моцарт *(бросает салфетку на стол.)*

Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играет.)*
Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек
Страдавший член! друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...

Моцарт.

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливцев праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же!

Сальери.

До свиданья.

(Один.)

Ты заснешь
Надолго, Моцарт! но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendatore!..
. . . Ah, Padrone!

Don Giovanni

СЦЕНА I

ДОН ГУАН и ЛЕПОРЕЛЛО.

Дон Гуан.

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?

Лепорелло.

Да! Дон Гуана мудрено признать!
Таких как он такая бездна!

Дон Гуан.

Шутишь?
Да кто ж меня узнает?

Лепорелло.

Первый сторож,
Гитана или пьяный музыкант,
Иль свой же брат, нахальный кавалер,
Со шпагою под мышкой и в плаще.

Дон Гуан.

Что за беда, хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем
Я никого в Мадрите не боюсь.

Лепорелло.

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился,— что тогда, скажите,
Он с вами сделает?

Дон Гуан.

Пошлет назад.
Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
Меня он удалил, меня ж любя;
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого...

Лепорелло.

Ну то-то же!
Сидели б вы себе спокойно там.

Дон Гуан.

Слуга покорный! я едва-едва
Не умер там со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?.. точный дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц — право.
Они сначала нравилися мне
Глазами синими да белизною
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава богу, скоро догадался —
Увидел я, что с ними грех и знаться —
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!.. Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

Лепорелло.

Как не узнать: Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность. Вы
Приятнее здесь время проводили,
Чем я, поверьте.

Дон Гуан (*задумчиво*).

Бедная Инеза!
Ее уж нет! как я любил ее!

Лепорелло.

Инеза! — черноглазую... о, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.

Дон Гуан.

В июле... ночью. Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвелых губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб — как у больной —
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Лепорелло.

Что ж, вслед за ней другие были.

Дон Гуан.

Правда.

Лепорелло.

А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан.

И то.

Лепорелло.

Теперь которую в Мадрите
Отыскивать мы будем?

Дон Гуан.

О, Лауру!
Я прямо к ней бегу являться.

Лепорелло.

Дело.

Дон Гуан.

К ней прямо в дверь — а если кто-нибудь
Уж у нее — прошу в окно прыгнуть.

Лепорелло.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
Кто к нам идет? *(Входит монах.)*

Монах.

Сейчас она приедет
Сюда. Кто здесь? не люди ль Доны Анны?

Лепорелло.

Нет, сами по себе мы господа,
Мы здесь гуляем.

Дон Гуан.

А кого вы ждете?

Монах.

Сейчас должна приехать Дона Анна
На мужнину гробницу.

Дон Гуан.

Дона Анна
Де-Сольва! как! супруга командора
Убитого... не помню кем?

Монах.

Развратным,
Бессовестным, безбожным Дон Гуаном.

Лепорелло.

Ого! вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже.
Отшельники хвалы ему поют.

Монах.

Он вам знаком, быть может?

Лепорелло.

Нам? нимало.
А где-то он теперь?

Монах.

Его здесь нет,
Он в ссылке далеко.

Лепорелло.

И слава богу.
Чем далее, тем лучше. Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в море.

Дон Гуан.

Что, что ты врешь?

Лепорелло.

Молчите: я нарочно...

Дон Гуан.

Так здесь похоронили командора?

Монах.

Здесь; памятник жена ему воздвигла
И приезжает каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

Дон Гуан.

Что за странная вдова?
И недурна?

Монах.

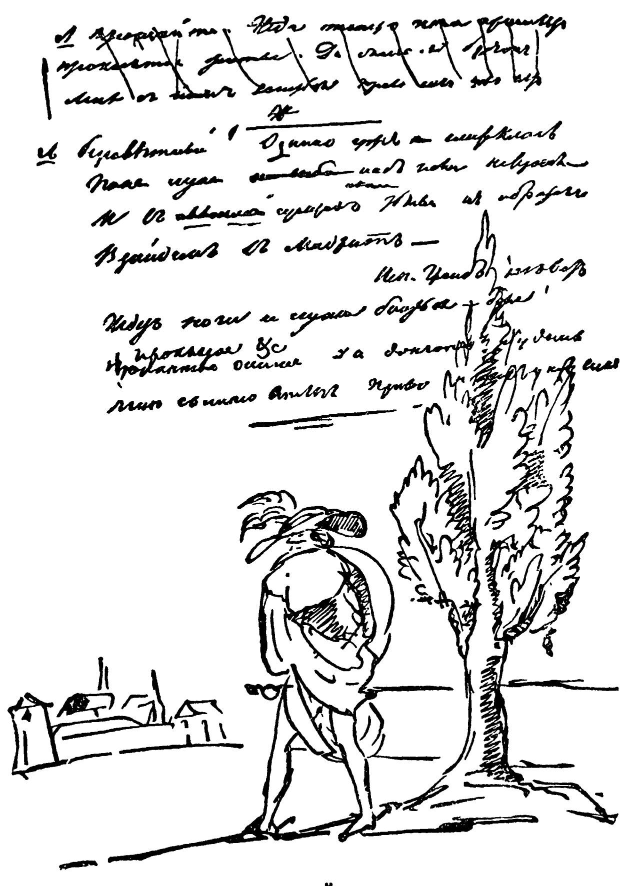
Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно; не может и угодник
В ее красе чудесной не сознаться.

Дон Гуан.

Недаром же покойник был ревнив.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
Я с нею бы хотел поговорить.

Монах.

О, Дона Анна никогда с мужчиной
Не говорит.

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ».

Рисунок А. С. Пушкина, 1830 г.

Дон Гуан.

А с вами, мой отец?

Монах.

Со мной иное дело; я монах.
Да вот она. *(Входит Дона Анна.)*

Дона Анна.

Отец мой, отоприте.

Монах.

Сейчас, сеньора; я вас ожидал.

(Дона Анна идет за монахом.)

Лепорелло.

Что, какова?

Дон Гуан.

Ее совсем не видно
Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.

Лепорелло.

Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у нас проворней живописца,
Вам всё равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли.

Дон Гуан.

Слушай, Лепорелло,
Я с нею познакомлюсь.

Лепорелло.

Вот еще!
Куда как нужно! Мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи слезы.
Бессовестный!

Дон Гуан.

Однако уж и смерклось.
Пока луна над нами не взошла
И в светлый сумрак тьмы не обратила,
Взойдем в Мадрит. *(Уходит.)*

Лепорелло.

Испанский гранд как вор.
Ждет ночи и луны боится — боже!
Проклятое житье. Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право сил уж нет.

СЦЕНА II

(Комната. Ужин у Лауры.)

Первый гость.

Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!

Второй.

Как развила ее! с какою силой!

Третий.

С каким искусством!

Лаура.

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью,
Слова лились как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...

Первый.

Правда.
Да и теперь глаза твои блестят
И щеки разгорелись, не проходит
В тебе восторг. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно; спой, Лаура,
Спой что-нибудь.

Лаура.

Подайте мне гитару.

(Поет.)

Все.

О brava! brava! чудно! бесподобно!

Первый.

Благодарим, волшебница. Ты сердце
Чаруешь нам. Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь — мелодия... взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость.

Второй.

Какие звуки! сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?

Лаура.

Дон Гуана.

Дон Карлос.

Что? Дон Гуан!

Лаура.

Их сочинил когда-то
Мой верный друг, мой ветреный любовник.

Дон Карлос.

Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец,
А ты, ты дура.

Лаура.

Ты с ума сошел?
Да я сейчас велю тебя зарезать
Моим слугам, хоть ты испанский гранд.

Дон Карлос *(встает)*.

Зови же их.

Первый.

Лаура, перестань;
Дон Карлос, не сердись. Она забыла...

Лаура.

Что? что Гуан на поединке честно
Убил его родного брата? Правда: жаль,
Что не его.

Дон Карлос.

Я глуп, что осердился.

Лаура.

Ага! сам сознаешься, что ты глуп.
Так помиримся.

Дон Карлос.

Виноват, Лаура,
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

Лаура.

А виновата ль я, что поминутно
Мне на язык приходит это имя?

Гость.

Ну, в знак, что ты совсем уж не сердита,
Лаура, спой еще.

Лаура.

Да, на прощанье,
Пора, уж ночь. Но что же я спою?
А, слушайте. *(Поет.)*

Все.

Прелестно, бесподобно!

Лаура.

Прощайте ж, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(Выходят. Лаура останавливает Дон Карлоса.)

Лаура.

Ты, бешеный! останься у меня,
Ты мне понравился; ты Дон Гуана
Напомнил мне, как выбранил меня
И стиснул зубы с скрежетом.

Дон Карлос.

Счастливец!
Так ты его любила.

(Лаура делает утвердительно знак.)

Очень?

Лаура.

Очень.

Дон Карлос.

И любишь и теперь?

Лаура.

В сию минуту?
Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

Дон Карлос.

Скажи, Лаура,
Который год тебе?

Лаура.

Осьмнадцать лет.

Дон Карлос.

Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя
Еще лет шесть они толпиться будут,
Тебя ласкать, лелеять, и дарить,
И серенадами ночными тешить,
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

Лаура.

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной —

И сторожа кричат протяжно: *Ясно!..*
А далеко, на севере — в Париже —
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует.—
А нам какое дело? слушай, Карлос,
Я требую, чтоб улыбнулся ты...
— Ну то-то ж! —

Дон Карлос.

Милый демон! *(Стучат.)*

Дон Гуан.

Гей! Лаура!

Лаура.

Кто там? чей это голос?

Дон Гуан.

Отопри...

Лаура.

Ужели!.. Боже!..

(Отпирает двери, входит Дон Гуан.)

Дон Гуан.

Здравствуй...

Лаура.

Дон Гуан!..

(Лаура кидается ему на шею.)

Дон Карлос.

Как! Дон Гуан!..

Дон Гуан.

Лаура, милый друг!..

(Целует ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Дон Карлос.

Я,

Дон Карлос.

Дон Гуан.

Вот нечаянная встреча!
Я завтра весь к твоим услугам.

Дон Карлос.

Нет!

Теперь — сейчас.

Лаура.

Дон Карлос, перестаньте!
Вы не на улице — вы у меня —
Извольте выдти вон.

Дон Карлос *(ее не слушая)*.

Я жду. Ну что ж,
Ведь ты при шпаге.

Дон Гуан.

Ежели тебе
Не терпится, изволь *(бьются.)*

Лаура.

Ай! Ай! Гуан!..

(Кидается на постелю. Дон Карлос падает.)

Дон Гуан

Вставай, Лаура, кончено.

Лаура.

Что там?
Убит? прекрасно! в комнате моей!
Что делать мне теперь, повеса, дьявол?
Куда я выброшу его?

Дон Гуан.

Быть может,
Он жив еще.

Лаура (*осматривает тело*).

Да! жив! гляди, проклятый,
Ты прямо в сердце ткнул—небось, не мимо,
И кровь нейдет из треугольной ранки,
А уж не дышит — каково?

Дон Гуан.

Что делать?
Он сам того хотел.

Лаура.

Эх, Дон Гуан,
Досадно, право. Вечные проказы —
А всё не виноват... Откуда ты?
Давно ли здесь?

Дон Гуан.

Я только что приехал
И то тихонько — я ведь не прощен.

Лаура.

И вспомнил тотчас о своей Лауре?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,

Не верю я. Ты мимо шел случайно
И дом увидел.

Дон Гуан.

Нет, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городом, в проклятой венте. Я Лауры
Пришел искать в Мадрите.

(Целует ее.)

Лаура.

Друг ты мой!..
Постой... при мертвом!.. что нам делать с ним?

Дон Гуан.

Оставь его: перед рассветом, рано,
Я вынесу его под епанчею
И положу на перекрестке.

Лаура.

Только
Смотри, чтоб не увидели тебя.
Как хорошо ты сделал, что явился
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здесь ужинали. Только
Что вышли вон. Когда б ты их застал!

Дон Гуан.

Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура.

Кого? ты видно бредишь.

Дон Гуан.

А признайся,
А сколько раз ты изменяла мне
В моем отсутствии?

Лаура.

А ты, повеса?

Дон Гуан.

Скажи... Нет, после переговорим.

СЦЕНА III

(Памятник Командора.)

Дон Гуан.

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мне кажется, замечен. До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впущуся в разговоры с ней; пора.
С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без нее —
Я думаю — скучает командор.
Каким он здесь представлен исполином!
Какие плечи! что за Геркулес!..
А сам покойник мал был и щедушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер
Как на булавке стрекоза — а был
Он горд и смел — и дух имел суровый...
А! вот она.

(Входит Дона Анна.)

Дона Анна.

Опять он здесь. Отец мой,
Я развлекла вас в ваших помышленьях —
Простите.

Дон Гуан.

Я просить прощенья должен
У вас, сеньора. Может, я мешаю
Печали вашей вольно изливаться.

Дона Анна.

Нет, мой отец, печаль моя во мне,
При вас мои моленья могут к небу
Смиренно возноситься — я прошу
И вас свой голос с ними съединить.

Дон Гуан.

Мне, мне молиться с вами, Дона Анна!
Я не достоин участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять —
Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил,
В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю — счастлив, чей хладный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами...

Дона Анна.

Какие речи — странные!

Дон Гуан.

Сеньора?

Дона Анна.

Мне... вы забыли.

Дон Гуан.

Что? что недостойный
Отшельник я? что грешный голос мой
Не должен здесь так громко раздаваться?

Дона Анна.

Мне показалось... я не поняла...

Дон Гуан.

Ах вижу я: вы всё, вы всё узнали!

Дона Анна.

Что я узнала?

Дон Гуан.

Так, я не монах —
У ваших ног прощенья умоляю.

Дона Анна.

О боже! встаньте, встаньте... Кто же вы?

Дон Гуан.

Несчастный, жертва страсти безнадежной.

Дона Анна.

О боже мой! и здесь, при этом гробе!
Подите прочь.

Дон Гуан.

Минуту, Дона Анна,
Одну минуту!

Дона Анна.

Если кто взойдет!..

Дон Гуан.

Решетка заперта. Одну минуту!

Дона Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

Дон Гуан.

Смерти.
О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят
Не подле праха, милого для вас,
Не тут — не близко — дале где-нибудь,
Там — у дверей — у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Дона Анна.

Вы не в своем уме.

Дон Гуан.

Или желать
Кончины, Дона Анна, знак безумства?

Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я напротив
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

Дона Анна.

И так-то вы
Молчите?

Дон Гуан.

Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня — не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Дона Анна.

И любите давно уж вы меня?

Дон Гуан.

Давно или недавно, сам не знаю.
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово счастье.

Дона Анна.

Подите прочь — вы человек опасный.

Дон Гуан.

Опасный! чем?

Дона Анна.

Я слушать вас боюсь.

Дон Гуан.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому ваш вид одна отрада.
Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

Дона Анна.

Подите — здесь не место
Таким речам, таким безумствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мне такое ж уваженье,
Я вас приму; но вечером, позднее,—
Я никого не вижу с той поры,
Как овдовела...

Дон Гуан.

Ангел Дона Анна!
Утешь вас бог, как сами вы сегодня
Утешили несчастного страдальца.

Дона Анна

Подите ж прочь.

Дон Гуан.

Еще одну минуту.

Дона Анна.

Нет, видно мне уйти... к тому ж моленье
Мне в ум нейдет. Вы развлекли меня

Речами светскими; от них уж ухо
Мое давно, давно отвыкло — завтра
Я вас приму.

Дон Гуан.

Еще не смею верить,
Не смею счастью моему предаться...
Я завтра вас увижу! — и не здесь
И не украдкою!

Дона Анна.

Да, завтра, завтра.
Как вас зовут?

Дон Гуан.

Диего де Кальвадо.

Дона Анна.

Прощайте, Дон Диего *(уходит.)*

Дон Гуан.

Лепорелло!

(Лепорелло входит.)

Лепорелло.

Что вам угодно?

Дон Гуан.

Милый Лепорелло!
Я счастлив!.. «Завтра — вечером, позднее...»
Мой Лепорелло, завтра — приготовь...
Я счастлив как ребенок!

Лепорелло.

С Доной Анной
Вы говорили? может быть, она
Сказала вам два ласкового слова
Или ее благословили вы.

Дон Гуан.

Нет, Лепорелло, нет! она свиданье,
Свиданье мне назначила!

Лепорелло.

Неужто!
О вдовы, все вы таковы.

Дон Гуан.

Я счастлив!
Я петь готов, я рад весь мир обнять.

Лепорелло.

А командор? что скажет он об этом?

Дон Гуан.

Ты думаешь, он станет ревновать?
Уж верно нет; он человек разумный
И верно присмирел с тех пор, как умер.

Лепорелло.

Нет; посмотрите на его статую.

Дон Гуан.

Что ж?

Лепорелло.

Кажется, на вас она глядит
И сердится.

Дон Гуан.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне —
Нет, не ко мне — а к Доне Анне, завтра.

Лепорелло.

Статую в гости звать! зачем?

Дон Гуан.

Уж верно
Не для того, чтоб с нею говорить —
Проси статую завтра к Доне Анне
Придти попозже вечером и стать
У двери на часах.

Лепорелло.

Охота вам
Шутить, и с кем!

Дон Гуан.

Ступай же.

Лепорелло.

Но...

Дон Гуан.

Ступай.

Лепорелло.

Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин Дон Гуан покорно просит
Пожаловать... Ей-богу, не могу,
Мне страшно.

Дон Гуан.

Трус! вот я тебя!..

Лепорелло.

Позвольте.
Мой барин Дон Гуан вас просит завтра
Придти попозже в дом супруги вашей
И стать у двери...

(Статуя кивает головой в знак согласия.)

Ай!

Дон Гуан.

Что там?

Лепорелло.

Ай, ай!..
Ай, ай... Умру!

Дон Гуан.

Что сделалось с тобою?

Лепорелло *(кивая головой)*.

Статуя... ай!..

Дон Гуан.

Ты кланяешься!

Лепорелло.

Нет,
Не я, она!

Дон Гуан.

Какой ты вздор несешь!

Лепорелло.

Подите сами.

Дон Гуан.

Ну смотри ж, бездельник.
(Статуе.) Я, командор, прошу тебя придти
К твоей вдове, где завтра буду я,
И стать на сторо́же в дверях. Что? будешь?

(Статуя кивает опять.)

О боже!

Лепорелло.

Что? я говорил...

Дон Гуан.

Уйдем.

СЦЕНА IV

(Комната Доны Анны.)

ДОН ГУАН и ДОНА АННА

Дона Анна.

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет: бедная вдова,
Всё помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?

Дон Гуан.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной. Здесь — не там.
Не при гробнице мертвого счастливца —
И вижу вас уже не на коленах
Пред мраморным супругом.

Дона Анна.

Дон Диего,
Так вы ревнивы — муж мой и во гробе
Вас мучит?

Дон Гуан.

Я не должен ревновать.
Он вами выбран был.

Дона Анна.

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат.

Дон Гуан.

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал — с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, всё бы отдал,
Всё за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупреждать; чтоб ваша жизнь
Была одним волшебством беспрерывным.
Увы! — Судьба судила мне иное.

Дона Анна.

Диего, перестаньте: я грешу,
Вас слушая — мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна.
Когда бы знали вы, как Дон Альвар
Меня любил! о, Дон Альвар уж верно
Не принял бы к себе влюбленной дамы,
Когда б он овдовел,— он был бы верн
Супружеской любви.

Дон Гуан.

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
Супруга. Полно вам меня казнить,
Хоть казнь я заслужил, быть может.

Дона Анна.

Чем же?
Вы узами не связаны святыми
Ни с кем,— не правда ль? Полюбив меня,
Вы предо мной и перед небом правы.

Дон Гуан.

Пред вами! Боже!

Дона Анна.

Разве вы виновны
Передо мной? Скажите, в чем же.

Дон Гуан.

Нет!
Нет, никогда.

Дона Анна.

Диего, что такое?
Вы предо мной не правы? в чем, скажите.

Дон Гуан.

Нет! ни за что!

Дона Анна.

Диего, это странно:
Я вас прошу, я требую.

Дон Гуан.

Нет, нет.

Дона Анна.

А! Так-то вы моей послушны воле!
А что сейчас вы говорили мне?
Что вы б рабом моим желали быть.
Я рассержусь, Диего: отвечайте,
В чем предо мной виновны вы?

Дон Гуан.

Не смею.
Вы ненавидеть станете меня.

Дона Анна.

Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...

Дон Гуан.

Не желайте знать
Ужасную, убийственную тайну.

Дона Анна.

Ужасную! вы мучите меня.
Я страх как любопытна — что такое?
И как меня могли вы оскорбить?
Я вас не знала — у меня врагов
И нет и не было. Убийца мужа
Один и есть.

Дон Гуан (*про себя*).

Идет к развязке дело!
Скажите мне: несчастный Дон Гуан
Вам незнаком?

Дона Анна.

Нет, отроду его
Я не видала.

Дон Гуан.

Вы в душе к нему
Питаете вражду?

Дона Анна.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
От моего вопроса, Дон Диего —
Я требую ..

Дон Гуан.

Что если б Дон Гуана
Вы встретили?

Дона Анна.

Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.

Дон Гуан.

Дона Анна,
Где твой кинжал? вот грудь моя.

Дона Анна.

Диего!
Что вы?

Дон Гуан.

Я не Диего, я Гуан.

Дона Анна.

О боже! нет, не может быть, не верю.

Дон Гуан.

Я Дон Гуан.

Дона Анна.

Неправда.

Дон Гуан.

Я убил
Супруга твоего; и не жалею
О том — и нет раскаянья во мне.

Дона Анна.

Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Дон Гуан.

Я Дон Гуан и я тебя люблю.

Дона Анна *(падая)*.

Где я?.. где я? мне дурно, дурно.

Дон Гуан.

Небо!
Что с нею? что с тобою, Дона Анна?
Встань, встань, проснись, опомнись: твой Диего,
Твой раб у ног твоих.

Дона Анна.

Оставь меня!
(Слабо.) О, ты мне враг — ты отнял у меня
Всё, что я в жизни...

Дон Гуан.

Милое созданье!
Я всем готов удар мой искупить,
У ног твоих жду только приказанья,
Вели — умру; вели — дышать я буду
Лишь для тебя...

Дона Анна.

Так это Дон Гуан...

Дон Гуан.

Не правда ли, он был описан вам
Злодеем, извергом.— О, Дона Анна,—
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

Дона Анна.

О, Дон Гуан красноречив — я знаю,
Слыхала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

Дон Гуан.

Ни одной доныне
Из них я не любил.

Дона Анна.

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Дон Гуан.

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то имя,
Которого не можете вы слышать?
Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Дона Анна.

Кто знает вас? — Но как могли придти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Дон Гуан.

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья
Безропотно отдам я жизнь.

Дона Анна.

Но как же
Отсюда выдти вам, неосторожный!

Дон Гуан (*целуя ей руки*).

И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

Дона Анна.

Ах если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться нам.

Дон Гуан.

Когда ж опять увидимся?

Дона Анна.

Не знаю.
Когда-нибудь.

Дон Гуан.

А завтра?

Дона Анна.

Где же?

Дон Гуан.

Здесь.

Дона Анна.

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Дон Гуан.

В залог прощенья мирный поцелуй...

Дона Анна.

Пора, поди.

Дон Гуан.

Один, холодный, мирный...

Дона Анна.

Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?.. о скройся, Дон Гуан.

Дон Гуан.

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.

(Уходит и вбегает опять.)

А!..

Дона Анна.

Что с тобой? А! .

(Входит статуя командора.
Дона Анна падает.)

Статуя.

Я на зов явился.

Дон Гуан

О боже! Дона Анна!

Статуя.

Брось ее,
Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Дон Гуан.

Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

Статуя.

Дай руку.

Дон Гуан.

Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти — пусти мне руку...
Я гибну — кончено — о Дона Анна!

(Проваливаются.)

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

ОТРЫВОК ИЗ ВИЛЬСОНОВОЙ ТРАГЕДИИ:
THE CITY OF THE PLAGUE.)

(Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин.)

Молодой человек.

Почтенный председатель! я напомню
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостья наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня наш общий хохот славил
Его рассказы; невозможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пированьи
Забыли Джаксона. Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака — но он ушел уже
В холодные подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба,
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

Председатель.

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчаньи
Мы выпьем в честь его.

Молодой человек.

Да будет так.

(Все пьют молча.)

Председатель.

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством;
Спой, Мери, нам уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

Мери *(поет)*.

Было время, процветала
В мире наша сторона;
В воскресение бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище

Погорелое, стоит,—
Тихо всё. Одно кладбище
Не пустеет, не молчит.

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их.
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне,—
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье,
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

П р е д с е д а т е л ь.

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню.

В дни прежние чума такая ж видно
Холмы и долы ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной... Нет, ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук.

Мери.

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей моих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю,
Поющей у родимого порога.—
Мой голос слаще был в то время; он
Был голосом невинности.

Луиза.

Не в моде
Теперь такие песни. Но всё ж есть
Еще простые души: рады таять
От женских слез и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим — а если б то же
О смехе думала своем, то верно
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот

Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих желтину.

Председатель.

Послушайте: я слышу стук колес.

(Едет телега, наполненная мертвыми телами. Негр управляет ею.)

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то — нежного слабей жестокий,
И страх живет в душе, страстьми томимой.
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

Мери.

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Луиза *(приходя в чувство).*

Ужасный демон
Приснился мне: весь черный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

Молодой человек.

Ну, Луиза,
Развеселись — хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров ничем невозмутимых,
Но знаешь, эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать.

Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингам: для пресеченья споров
И следствий женских обмороков, спой
Нам песню, вольную, живую песню,
Не грустию шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

Председатель.

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы,— я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни. Слушайте ж меня:
Охриплый голос мой приличен песне.

Многие.

Гимн в честь чумы! послушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Председатель *(поет)*.

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,—
Навстречу ей трещат камины,
И весел зимний жар пиров.

*

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко днем и в ночь
Стучит могильною лопатой.
Что делать нам? и чем помочь?

*

Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы,
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

*

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

*

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

*

Итак,— хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье.
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье,—
Быть может... полное Чумы.

(Входит старый священник.)

Священник.

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертию распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают.
Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей, смертной ямы,—
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов.

Он мастерски об аде говорит.
Ступай, старик! ступай своей дорогой.

Священник.

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам.

Председатель.

Домà
У нас печальны — юность любит радость.

Священник.

Ты ль это, Вальсингам? ты ль самый тот,
Кто три тому недели на коленах,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

Председатель.

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти. Я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем дому встречаю —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня господь)
Погибшего, но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе,— поздно, слышу голос твой,
Меня зовущий,— признаю усилья
Меня спасти... старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет.

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник.

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (*встает*).

Клянись же мне, с поднятой к небесам
Увядшей, бледною рукой — оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным —
И знала рай в объятиях моих...
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не досягнет уже...

Женский голос.

Он сумасшедший,—
Он бредит о жене похороненной.

Священник.

Пойдем, пойдем...

Председатель.

Отец мой, ради бога,
Оставь меня.

Священник.

Спаси тебя господь.
Прости, мой сын. (*Уходит. Пир продолжается.*)

(*Председатель остается погружен
в глубокую задумчивость.*)

РУСАЛКА

БЕРЕГ ДНЕПРА. МЕЛЬНИЦА

МЕЛЬНИК, ДОЧЬ ЕГО.

Мельник.

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Все глупы вы. Уж если подвернулся
К вам человек завидный, не простой,
Так должно вам его себе упрочить.
А чем? разумным, честным поведеньем;
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь обиняком
О свадьбе заговаривать,— а пуще
Беречь свою девическую честь —
Бесценное сокровище; она —
Что слово — раз упустишь, не воротишь.
А коли нет на свадьбу уж надежды,
То всё-таки по крайней мере можно
Какой-нибудь барыш себе — иль пользу
Родным да выгадать; подумать надо:
«Не вечно ж будет он меня любить
И баловать меня» — Да нет! куда
Вам помышлять о добром деле! кстати ль?
Вы тотчас одуреете; вы рады
Исполнить даром прихоти его;
Готовы целый день висеть на шее
У милого дружка,— а милый друг
Глядь и пропал, и след простыл; а вы

Осталися ни с чем. Ох, все вы глупы!
Не говорил ли я тебе сто раз:
Эй, дочь, смотри; не будь такая дура,
Не прозевай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя.— Что ж вышло?..
Сиди теперь да вечно плачь о том,
Чего уж не воротишь.

Дочь.

Почему же
Ты думаешь, что бросил он меня?

Мельник.

Как почему? да сколько раз, бывало,
В неделю он на мельницу езжал?
А? всякий божий день, а иногда
И дважды в день — а там всё реже, реже
Стал приезжать — и вот девятый день
Как не видали мы его. Что скажешь?

Дочь.

Он занят; мало ль у него заботы?
Ведь он не мельник — за него не станет
Вода работать. Часто он твердит,
Что всех трудов его труды тяжеле.

Мельник.

Да, верь ему. Когда князья трудятся,
И что их труд? травить лисиц и зайцев,
Да пировать, да обижать соседей,
Да подговаривать вас, бедных дур.
Он сам работает, куда как жалко!
А за меня вода!.. а мне покою

Ни днем, ни ночью нет, а там посмотришь:
То здесь, то там нужна еще починка,
Где гниль, где течь. Вот если б ты у князя
Умела выпросить на перестройку
Хоть несколько деньжонок, было б лучше.

Дочь.

Ах!

Мельник.

Что такое?

Дочь.

Чу! Я слышу топот
Его коня... Он, он!

Мельник.

Смотри же, дочь,
Не забывай моих советов, помни...

Дочь.

Вот он, вот он!

(Входит князь. Конюший уводит его коня.)

Князь.

Здорово, милый друг.
Здорово, мельник.

Мельник.

Милостивый князь,
Добро пожаловать. Давно, давно
Твоих очей мы светлых не видали.
Пойду тебе готовить угощенье.

(Уходит.)

Дочь.

Ах, наконец ты вспомнил обо мне!
Не стыдно ли тебе так долго мучить
Меня пустым жестоким ожиданьем?
Чего мне в голову не приходило?
Каким себя я страхом не пугала?
То думала, что конь тебя занес
В болото или пропасть, что медведь
Тебя в лесу дремучем одолел,
Что болен ты, что разлюбил меня —
Но слава богу! жив ты, невредим,
И любишь всё попрежнему меня;
Не правда ли?

Князь.

Попрежнему, мой ангел
Нет, больше прежнего.

Любовница.

Однако ты
Печален; что с тобою?

Князь.

Я печален?
Тебе так показалось — нет, я весел
Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нет.
Когда ты весел, издали ко мне
Спешишь и кличешь: где моя голубка,
Что делает она? а там целуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебе
И ожидала ли тебя так рано.
А нынче: слушаешь меня ты молча,

Не обнимаешь, не целуешь в очи,
Ты чем-нибудь встревожен верно. Чем же?
Уж на меня не сердишься ли ты?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно.
Ты права: в сердце я ношу печаль
Тяжелую — и ты ее не можешь
Ни ласками любовными рассеять,
Ни облегчить, ни даже разделить.

Она.

Но больно мне с тобою не грустить
Одною грустью — тайну мне поведай.
Позволишь — буду плакать; не позволишь —
Ни слезкой я тебе не досажу.

Князь.

Зачем мне медлить? чем скорей, тем лучше.
Мой милый друг, ты знаешь, нет на свете
Блаженства прочного: ни знатный род,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто беды не может миновать.
И мы,— не правда ли, моя голубка?
Мы были счастливы; по крайней мере
Я счастлив был тобой, твоей любовью.
И что вперед со мною ни случится,
Где б ни был я, всегда я буду помнить
Тебя, мой друг; того, что я теряю,
Ничто на свете мне не заменит.

Она.

Я слов твоих еще не понимаю,
Но уж мне страшно. Нам судьба грозит,

Готовит нам неведомое горе,
Разлуку, может быть.

Князь.

Ты угадала.
Разлука нам судьбою суждена.

Она.

Кто нас разлучит? разве за тобою
Идти вослед я всюду не властна?
Я мальчиком оденусь. Верно буду
Тебе служить, дорогою, в походе
Иль на войне — войны я не боюсь —
Лишь видела б тебя. Нет, нет, не верю.
Иль выведать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь.

Князь.

Нет, шутки мне на ум нейдут сегодня,
Выведывать тебя не нужно мне,
Не снаряжаюсь я ни в дальний путь,
Ни на войну — я дома остаюсь,
Но должен я с тобой навек проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю всё...
Ты женишься. *(Князь молчит.)*
Ты женишься!

Князь.

Что делать?
Сама ты рассуди. Князья не вольны,
Как девицы — не пò сердцу они
Себе подруг берут, а по расчетам
Иных людей, для выгоды чужой.

Твою печаль утешит бог и время.
Не забывай меня; возьми на память
Повязку — дай, тебе я сам надену.
Еще с собой привез я ожерелье —
Возьми его. Да вот еще: отцу
Я это посулил. Отдай ему.

(Дает ей в руки мешок с золотом.)

Прощай.

Она.

Постой; тебе сказать должна я
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя
Я всё готова... нет не то... Постой —
Нельзя, чтобы навеки в самом деле
Меня ты мог покинуть... Всё не то...
Да!.. вспомнила: сегодня у меня
Ребенок твой под сердцем шевельнулся.

Князь.

Несчастная! как быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современем, быть может, сам приеду
Вас навестить. Утешься, не крушися.
Дай обниму тебя в последний раз.

(Уходя)

Ух! кончено — душе как будто легче.
Я бури ждал, но дело обошлось
Довольно тихо.

(Уходит. Она остается неподвижною.)

Мельник (*входит*).

Не угодно ль будет
Пожаловать на мельницу... да где ж он?
Скажи, где князь наш? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся в каменьях дорогих!
Так и горит! и бусы!.. Ну, скажу,
Подарок царский. Ах он благодетель!
А это что? мошонка! уж не деньги ль?
Да что же ты стоишь, не отвечаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
От радости нежданой одурела,
Иль на тебя столбняк нашел?

Дочь.

Не верю,
Не может быть. Я так его любила.
Или он зверь? Иль сердце у него
Косматое?

Мельник.

О ком ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый, как могла его
Я прогневить? в одну недельку разве
Моя краса пропала? иль его
Отравой опоили?

Мельник.

Что с тобою?

Дочь.

Родимый, он уехал. Вон он скачет! —
И я, безумная, его пустила,
Я за полы его не уцепилась,

Я не повисла на узде коня!
Пускай же б он с досады отрубил
Мне руки по локоть, пускай бы тут же
Он растоптал меня своим конем!

Мельник.

Ты бредишь!

Дочь.

Видишь ли, князья не вольны,
Как девицы, не по̀ сердцу они
Берут жену себе... а вольно им,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: тебя я повезу
В мой светлый терем, в тайную светлицу
И наряжу в парчу и в бархат алый.
Им вольно бедных девушек учить
С полуночи на свист их подыматься
И до зари за мельницей сидеть.
Им любо сердце княжеское тешить
Бедами нашими, а там прощай,
Ступай, голубушка, куда захочешь,
Люби, кого замыслишь.

Мельник.

Вот в чем дело.

Дочь.

Да кто ж его невеста? на кого
Он променял меня? уж я узнаю,
Я доберусь — я ей скажу, злодейке:
Отстань от князя,— видишь, две волчихи
Не водятся в одном овраге.

Мельник.

Дура!
Уж если князь берет себе невесту,

Кто может помешать ему? Вот то-то.
Не говорил ли я тебе...

Дочь.

И мог он
Как добрый человек со мной прощаться,
И мне давать подарки — каково! —
И деньги! выкупить себя он думал,
Он мне хотел язык засеребрить,
Чтоб не прошла о нем худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да, бишь, забыла я — тебе отдать
Велел он это серебро, за то,
Что был хорош ты до него, что дочку
За ним пускал таскаться, что ее
Держал не строго... Впрок тебе пойдет
Моя погибель. *(Отдает ему мешок.)*

Отец *(в слезах).*

До чего я дожил!
Что бог привел услышать! Грех тебе
Так горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свете,
Одна отрада в старости моей.
Как было мне тебя не баловать?
Бог наказал меня за то, что слабо
Я выполнил отцовский долг.

Дочь.

Ох, душно!
Холодная змия мне шею давит...
Змеей, змеей опутал он меня,
Не жемчугом. *(Рвет с себя жемчуг.)*

Мельник.

Опомнись.

Дочь.

Так бы я
Разорвала тебя, змею злодейку,
Проклятую разлучницу мою!

Мельник.

Ты бредишь, право, бредишь.

Дочь *(сымает с себя повязку)*.

Вот венец мой,
Венец позорный! вот чем нас венчал
Лукавый враг, когда я отреклася
Ото всего, чем прежде дорожила.
Мы развенчались.— Сгинь ты, мой венец!

(Бросает повязку в Днепр.)

Теперь всё кончено. *(Бросается в реку.)*

Старик *(падая)*.

Ох, горе, горе!

КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ

(Свадьба. Молодые сидят за столом.)

ГОСТИ. ХОР ДЕВУШЕК.

Сват.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь с княгиней молодой.
Дай бог вам жить в любови да совете,
А нам у вас почаще пировать.
Что ж, красные девицы, вы примолкли?
Что ж, белые лебедушки, притихли?
Али все песенки вы перепели?
Аль горлышки от пенья пересохли?

Хор

Сватушка, сватушка,
Бестолковый сватушка!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
Верея ль, верею́шка,
Укажи дороженьку
По невесту ехати.

Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся,
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

Сват.

Насмешницы, уж выбрали вы песню!
На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарит девушек.)

Один голос.

По камушкам по желтому песочку
Пробегала быстрая речка,
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы.
А слышала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вести-то наши, про речные?
Как вечор у нас красна девица топилась,
Утопая, мила друга проклинала.

Сват.

Красавицы! да это что за песня?
Она, кажись, не свадебная; нет.
Кто выбрал эту песню? а?

Девушки.

Не я —
Не я — не мы...

Сват.

Да кто ж пропел ее?

(Шопот и смятение между девушками.)

Князь.

Я знаю кто.

(Встает из-за стола и говорит тихо конюшему.)

Она сюда прокралась.

Скорее выведи ее. Да сведай,
Кто смел ее впустить.

(Конюший подходит к девушкам.)

Князь *(садится, про себя)*.

Она, пожалуй,
Готова здесь наделать столько шума,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться.

Конюший.

Я не нашел ее.

Князь.

Ищи. Она, я знаю, здесь. Она
Пропела эту песню.

Гость.

Ай да мед!
И в голову и в ноги так и бьет —
Жаль, горек: подсластить его б не худо.

(Молодые целуются. Слышен слабый крик.)

Князь.

Она! вот крик ее ревнивый. *(Конюшему)*
Что?

Конюший.

Я не нашел ее нигде.

Князь.

Дурак.

Дружко *(вставая).*

Не время ль нам княгиню выдать мужу
Да молодых в дверях осыпать хмелем?

(Все встают.)

Сваха.

Вестимо, время. Дайте ж петуха.

(Молодых кормят жареным петухом, потом осыпают хмелем — и ведут в спальню.)

Сваха.

Княгиня душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходят в спальню, гости все расходятся, кроме свахи и дружка.)

Дружко.

Где чарочка? Всю ночь
Под окнами я буду разъезжать,
Так укрепиться мне вином не худо.

Сваха *(наливает ему чарку).*

На, кушай на здоровье.

Дружко.

Ух! спасибо.
Всё хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда.

Сваха.

Да, слава богу,
Всё хорошо,— одно не хорошо.

Дружко.

А что?

Сваха.

Да не к добру пропели песню
Не свадебную, а бог весть какую.

Дружка.

Уж эти девушки — никак нельзя им
Не попроказить. Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу.
Пойти-ка мне садиться на коня.
Прощай, кума *(Уходит.)*

Сваха.

Ох, сердце не на месте!
Не в пору сладили мы эту свадьбу.

СВЕТЛИЦА

КНЯГИНЯ и МАМКА.

Княгиня.

Чу — кажется, трубят; нет, он не едет.
Ах, мамушка, как был он женихом,
Он от меня на шаг не отлучался,
С меня очей бывало не сводил.
Женился он, и всё пошло не так.
Теперь меня ранешенько разбудит
И уж велит себе коня седлать;
Да до ночи бог ведает где ездит;
Воротится, чуть ласковое слово
Промолвит мне, чуть ласковой рукой
По белому лицу меня потреплет.

Мамка.

Княгинюшка, мужчина что петух:
Кири куку! мах мах крылом и прочь.
А женщина, что бедная наседка:
Сиди себе да выводи цыплят.
Пока жених — уж он не насидится;
Ни пьет, ни ест, глядит не наглядится.
Женился — и заботы настают.
То надобно соседей навестить,
То на охоту ехать с соколами,
То на войну нелегкая несет,
Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня.

Как думаешь? уж нет ли у него
Зазнобы тайной?

Мамка.

Полно, не греши:
Да на кого тебя он променяет?
Ты всем взяла: красою ненаглядной,
Обычаем и разумом. Подумай:
Ну в ком ему найти, как не в тебе,
Сокровища такого?

Княгиня.

Когда б услышал бог мои молитвы
И мне послал детей! К себе тогда б
Умела вновь я мужа привязать...
А! полон двор охотниками. Муж
Домой приехал. Что ж его не видно?

(Входит ловчий.)

Что князь, где он?

Ловчий.

Князь приказал домой
Отъехать нам.

Княгиня.

А где он сам?

Ловчий.

Остался
Один в лесу на берегу Днепра.

Княгиня.

И князя вы осмелились оставить
Там одного; усердные вы слуги!
Сейчас назад, сейчас к нему скачите!
Сказать ему, что я прислала вас.

(Ловчий уходит.)

Ах боже мой! в лесу ночной порою
И дикий зверь, и лютый человек,
И леший бродит — долго ль до беды.
Скорей зажги свечу перед иконой.

Мамка.

Бегу, мой свет, бегу...

ДНЕПР. НОЧЬ

Русалки.

Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем,
Нас греет луна.
Любо нам порой ночною
Дно речное покидать,
Любо вольной головою
Высь речную разрезать,
Подавать друг дружке голос,
Воздух звонкий раздражать,
И зеленый, влажный волос
В нем сушить и отряхать.

Одна.

Тише, тише! под кустами
Что-то кроется во мгле.

Другая.

Между месяцем и нами
Кто-то ходит по земле.

(Прячутся.)

Князь.

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —

Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он недолго.
Тропинка тут вилась — она заглохла,
Давно-давно сюда никто не ходит;
Тут садик был с забором — неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?..

(Идет к деревьям, листья сыплются.)

Что это значит? листья,
Поблекнув, вдруг свернулися и с шумом
Посыпались как пепел на меня.
Передо мной стоит он гол и черен,
Как дерево проклятое.

(Входит старик, в лохмотьях и полунагой.)

Старик.

Здорово,
Здорово зять.

Князь.

Кто ты?

Старик.

Я здешний ворон.

Князь.

Возможно ль? Это мельник.

Старик.

Что за мельник!

Я продал мельницу бесам запечным,
А денежки отдал на сохраненье
Русалке, вещей дочери моей.
Они в песку Днепра-реки зарыты,
Их рыбка-одноглазка стережет.

Князь.

Несчастный, он помешан. Мысли в нем
Рассеяны как тучи после бури.

Старик.

Зачем вечор ты не приехал к нам?
У нас был пир, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждал меня?

Старик.

Кто ждал? вестимо, дочь.
Ты знаешь, я на всё гляжу сквозь пальцы
И волю вам даю: сиди она
С тобою хоть всю ночь, до петухов,
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бедный мельник!

Старик.

Какой я мельник, говорят тебе,
Я ворон, а не мельник. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
В реку, я побежал за нею следом
И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг
Почувствовал, два сильные крыла

Мне выросли внезапно из-под мышек
И в воздухе сдержали. С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу да каркаю.

Князь

Какая жалость!
Кто ж за тобою смотрит?

Старик.

Да, за мною
Присматривать не худо. Стар я стал
И шаловлив. За мной, спасибо, смотрит
Русалочка.

Князь.

Кто?

Старик.

Внучка.

Князь.

Невозможно
Понять его. Старик, ты здесь в лесу
Иль с голоду умрешь, иль зверь тебя
Заест. Не хочешь ли пойти в мой терем
Со мною жить?

Старик.

В твой терем? нет! спасибо!
Заманишь, а потом меня, пожалуй,
Удавишь ожерельем. Здесь я жив,
И сыт, и волен. Не хочу в твой терем.

(Уходит.)

Князь.

И этому всё я виною! Страшно
Ума лишиться. Легче умереть.
На мертвеца глядим мы с уваженьем,
Творим о нем молитвы. Смерть равняет
С ним каждого. Но человек, лишенный
Ума, становится не человеком.
Напрасно речь ему дана, не правит
Словами он, в нем брата своего
Зверь узнает, он людям в посмеянье,
Над ним всяк волен, бог его не судит.
Старик несчастный! вид его во мне
Раскаянья все муки растравил!

Ловчий.

Вот он. Насилу-то его сыскали!

Князь.

Зачем вы здесь?

Ловчий.

Княгиня нас послала.
Она боялась за тебя.

Князь.

Несносна
Ее заботливость! иль я ребенок,
Что шагу мне ступить нельзя без няньки?

(Уходит. Русалки показываются над водой.)

Русалки.

Что, сестрицы? в поле чистом
Не догнать ли их скорей?

Плеском, хохотом и свистом
Не пугнуть ли их коней?
Поздно. Рощи потемнели,
Холодеет глубина,
Петухи в селе пропели.
Закатилася луна.

Одна.

Погодим еще, сестрица.

Другая.

Нет, пора, пора, пора
Ожидает нас царица,
Наша строгая сестра.

(Скрываются)

ДНЕПРОВСКОЕ ДНО

ТЕРЕМ РУСАЛОК.

(Русалки прядут около своей царицы.)

Старшая русалка.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце село.
Столбом луна блестит над нами. Полно,
Плывите вверх под небом поиграть,
Да никого не трогайте сегодня,
Ни пешехода щекотать не смейте,
Ни рыбакам их невод отягчать
Травой и тиной, ни ребенка в воду
Заманивать рассказами о рыбках.

(Входит русалочка.)

Где ты была?

Дочь.

На землю выходила
Я к дедушке. Всё просит он меня
Со дна реки собрать ему те деньги,
Которые когда-то в воду к нам
Он побросал. Я долго их искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинок самоцветных.
Он очень был им рад.

Русалка.

Безумный скряга!
Послушай, дочка. Нынче на тебя
Надеюсь я. На берег наш сегодня
Придет мужчина. Стереги его
И выдь ему навстречу. Он нам близок,
Он твой отец.

Дочь.

Тот самый, что тебя
Покинул и на женщине женился?

Русалка.

Он сам; к нему нежнее приласкайся
И расскажи всё то, что от меня
Ты знаешь про свое рожденье; также
И про меня. И если спросит он,
Забыла ль я его иль нет, скажи,
Что всё его я помню и люблю
И жду к себе. Ты поняла меня?

Дочь.

О, поняла.

Русалка.

Ступай же.

(Одна).

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду
Отчаянной и презренной девчонкой
И в глубине Днепра-реки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло семь долгих лет — я каждый день
О мщеньи помышляю...
И ныне, кажется, мой час настал.

БЕРЕГ

Князь.

Невольно к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила.
Всё здесь напоминает мне былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повесть.
Здесь некогда любовь меня встречала,
Свободная, кипящая любовь;
Я счастлив был, безумец!.. и я мог
Так ветрено от счастья отказаться.
Печальные, печальные мечты
Вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! как ужасен он!
Авось опять его сегодня встречу,
И согласится он оставить лес
И к нам переселиться...

(Русалочка выходит на берег.)

Что я вижу!
Откуда ты, прекрасное дитя?

СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

Мартын.

Послушай, Франц, в последний раз говорю тебе как отец: я долго терпел твои проказы; а долее терпеть не намерен. Уймись или худо будет.

Франц.

Помилуй, батюшка, за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не делаю.

Мартын.

Ничего не делаю! то-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь. На что ты надеешься? на мое богатство? Да разве я разбогател, сложа руки да сочиняя глупые песни? Как минуло мне четырнадцать лет, покойный отец дал мне два крейцера в руку да два пинка в гузно, да примолвил: ступай-ка, Мартын, сам кормиться, а мне и без тебя тяжело. С той поры мы уж и не видались; слава богу, нажил я себе и дом, и деньги, и честное имя,— а чем? бережливостию, терпением, трудолюбием. Вот уж мне и за пятьдесят, и пора бы уж отдохнуть да тебе передать и счетные книги и весь дом. А могу ли о том и подумать? Какую могу иметь к тебе доверенность? Тебе бы только гулять с господами, которые нас презирают да забирают в долг товары.

Я знаю тебя, ты стыдишься своего состояния. Но слушай, Франц. Коли ты не переменишься, не отстанешь от дворян, да не примешься порядком за свое дело — то, видит бог, выгоню тебя из дому, а своим наследником назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Франц.

Твоя воля, батюшка; делай, как хочешь.

Мартын.

То-то ж; смотри...

(Входит брат Бертольд.)

Мартын.

Вон и другой сумасброд. Зачем пожаловал?

Бертольд.

Здравствуй, сосед. Мне до тебя нужда.

Мартын.

Нужда! Опять денег?

Бертольд.

Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденов?

Мартын.

Как не так — где мне их взять? Я ведь не клад.

Бертольд.

Пожалуй — не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшие.

Мартын.

Как не пропадшие? Мало ли я тебе передавал денег? куда они делись?

Бертольд.

В дело пошли; но теперь прошу тебя уж в последний раз.

Мартын.

Об этих последних разах я слышу уж не в первый раз.

Бертольд.

Нет, право. Последний мой опыт не удался от безделицы — теперь уж я всё расчислил; опыт мой не может не удаться.

Мартын.

Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех денег, которые прошли через твои руки, то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?

Бертольд.

Золота мне не нужно, я ищу одной истины.

Мартын.

А мне чорт ли в истине, мне нужно золото.

Бертольд.

Так ты не хочешь поверить мне еще?

Мартын.

Не могу и не хочу.

Бертольд.

Так прощай же, сосед.

Мартын.

Прощай.

Бертольд.

Пойду к барону Раулю, авось даст он мне денег.

Мартын.

Барон Рауль? да где взять ему денег? Вассалы его разорены.— А, слава богу, нынче по большим дорогам не так-то легко наживаться.

Бертольд.

Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затевается турнир, и барон туда отправляется. Прощай.

Мартын.

И ты думаешь, даст он тебе денег?

Бертольд.

Может быть, и даст.

Мартын.

И ты употребишь их на последний опыт?

Бертольд.

Непременно.

Мартын.

А если опыт не удастся?

Бертольд.

Нечего будет делать. Если и этот опыт не удастся, то алхимия вздор.

Мартын.

А если удастся?

Бертольд.

Тогда... я возвращу тебе с лихвой и благодарностию все суммы, которые занял у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартын.

Зачем барону, а не мне?

Бертольд.

И рад бы, да не могу: ты знаешь, что я обещался пресвятой богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при последнем и решительном моем опыте.

Мартын.

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться! Куда ж ты? — постой! Ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою! Но смотри ж, сдержи свое слово. Пусть этот опыт будет последним и решительным.

Бертольд.

Не бойся. Другого уж не понадобится...

Мартын.

Погоди же здесь; сейчас тебе вынесу — сколько, бишь, тебе надобно?

Бертольд.

Полтораста гульденов.

Мартын.

Полтораста гульденов... Боже мой! и еще в какие крутые времена!

БЕРТОЛЬД и ФРАНЦ.

Бертольд.

Здравствуй, Франц, о чем ты задумался?

Франц.

Как мне не задумываться? Сейчас отец грозился меня выгнать и лишить наследства.

Бертольд.

За что это?

Франц.

За то, что я знакомство веду с рыцарями.

Бертольд.

Он не совсем прав, да и не совсем виноват.

Франц.

Разве мещанин недостоин дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бертольд.

Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В пер-

вом семействе уже мы видим неравенство и зависть.

Франц.

Виноват ли я в том, что не люблю своего состояния? что честь для меня дороже денег?

Бертольд.

Всякое состояние имеет свою честь и свою выгоду. Дворянин воюет и красуется. Мещанин трудится и богатеет. Почтен дворянин за решеткою своей башни, купец — в своей лавке...

(Входит Мартын.)

Мартын.

Вот тебе полтораста гульденов — смотри же, тешу тебя в последний раз.

Бертольд.

Благодарен, очень благодарен. Увидишь, не будешь раскаиваться.

Мартын.

Постой! Ну, а если опыт твой тебе удастся, и у тебя будет и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнию?

Бертольд.

Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть perpetuum mobile...

Мартын.

Что такое perpetuum mobile?

Бертольд.

Perpetuum mobile, то есть *вечное движение*. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти perpetuum mobile... о!..

Мартын.

Убирайся к чорту с твоим perpetuum mobile!.. Ей богу, отец Бертольд, ты хоть кого из терпения выведешь. Ты требуешь денег на дело, а говоришь бог знает что. Невозможно. Экий он сумасброд!

Бертольд.

Экий он брюзга!

(Расходятся в разные стороны.)

Франц.

Чорт побери наше состояние!— Отец у меня богат,— а мне какое дело? Дворянин, у которого нет ничего, кроме зазубренного меча да заржавленного шлема, счастливее и почетнее отца моего. Отец мой сымает перед ним шляпу, а тот и не смотрит на него.— Деньги! потому что деньги достались ему не дешево, так он и думает, что в деньгах вся и сила — как не так! Если он так силен, попробуй отец ввести меня в баронский замок! Деньги! деньги рыцарю не нужны, на то есть мещане — как прижмет их, так и забрызжет кровь червонцами!.. Чорт побери наше состояние!— Да по мне лучше быть последним минстрелем: этого, по крайней мере,

в замке принимают... Госпожа слушает его песни, наливает ему чашу и подносит из своих рук...

Купец, сидя за своими книгами, считает, считает, клянется, хитрит перед всяким покупщиком: «Ей богу, сударь, самый лучший товар, дешевле нигде не найдете».— Врешь ты, жид.— «Никак нет, честию вас уверяю»... Честью!.. Хороша честь! А рыцарь — он волен как сокол... он никогда не горбился над счетами, он идет прямо и гордо, он скажет слово, ему верят...

Да разве это жизнь? Чорт ее побери!— Пойду лучше в минстрели.

Однако, что это сказал монах? Турнир в * и туда едет барон — ах, боже мой! там будет и Клотильда. Дамы обсядут кругом, трепеща за своих рыцарей, трубы затрубят, выступят герольды, рыцари объедут поле, преклоняя копья перед балконом своих красавиц... трубы опять затрубят, рыцари разъедутся, помчатся друг на друга... дамы ахнут... боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнире, никогда герольды не возгласят моего имени, презренного мещанского имени, никогда Клотильда не ахнет...

Деньги! кабы знал он, как рыцари презирают нас, несмотря на наши деньги...

Альбер.

А! это Франц; на кого ты раскричался?

Франц.

Ах, сударь, вы меня слышали... я сам с собою рассуждал...

Альбер.

А о чем рассуждал ты сам с собою?

Франц.

Я думал, как бы мне попасть на турнир.

Альбер.

Ты хочешь попасть на турнир?

Франц.

Точно так.

Альбер.

Ничего нет легче: у меня умер мой конюший — хочешь ли на его место?

Франц.

Как! бедный ваш Яков умер? отчего ж он умер?

Альбер.

Ей богу, не знаю; в пятницу он был здоровешенек; вечером воротился я поздно (я был в гостях у Ремона и порядочно подпил) — Яков сказал мне что-то... я рассердился и ударил его,— помнится, по щеке, а может быть, и в висок,— однако, нет: точно по щеке; Яков повалился — да уж и не встал; я лег не раздевшись, а на другой день узнаю, что мой бедный Яков — умрѐ.

Франц.

Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

Альбер.

На мне была железная рукавица.— Ну что же, хочешь быть моим конюшим?

Франц (*почесывается*).

Вашим конюшим?

Альбер.

Что ж ты почесываешься? соглашайся.— Я возьму тебя на турнир, ты будешь жить у меня в замке. Быть оруженосцем у такого рыцаря, как я, не шутка: ведь уж это ступень. Современем, как знать, тебя посвятим и в рыцари — многие так начинали.

Франц.

А что скажет мой отец?

Альбер.

А ему какое дело до тебя?

Франц.

Он меня наследства лишит...

Альбер.

А ты плюнь — тебе же будет легче.

Франц.

И я буду жить у вас в замке?..

Альбер.

Конечно.— Ну, согласен?

Франц.

Вы не будете давать мне пощечин?

Альбер.

Нет, нет, не бойся; а хоть и случится такой грех — что за беда? — не все ж конюшие убиты до смерти.

Франц.

И то правда: коли случится такой грех — посмотрим, кто кого...

Альбер.

Что? что ты говоришь, я тебя не понял?

Франц.

Так, я думал сам про себя.

Альбер.

Ну, что ж — соглашайся...

Франц.

Извольте — согласен.

Альбер.

Нечего было и думать. Достань-ка себе лошадь и приходи ко мне.

БЕРТА и КЛОТИЛЬДА.

Клотильда.

Берта, скажи мне что-нибудь, мне скучно.

Берта.

О чем же я буду вам говорить? — не о нашем ли рыцаре?

Клотильда.

О каком рыцаре?

Берта.

О том, который остался победителем на турнире.

Клотильда.

О графе Ротенфельде. Нет, я не хочу говорить о нем; вот уже две недели, как мы возвратились, — а он и не думал приехать к нам; это с его стороны неучтивость.

Берта.

Погодите — я уверена, что он будет завтра...

Клотильда.

Почему ты так думаешь?

Берта.

Потому, что я его во сне видела.

Клотильда.

И, боже мой! Это ничего не значит. Я всякую ночь вижу его во сне.

Берта.

Это совсем другое дело — вы в него влюблены.

Клотильда.

Я влюблена! Прошу пустяков не говорить... Да и про графа Ротенфельда толковать тебе нечего. Говори мне о ком-нибудь другом.

Берта.

О ком же? О конюшем братца, о Франце?

Клотильда.

Пожалуй, говори мне о Франце.

Берта.

Вообразите, сударыня, что он от вас без ума.

Клотильда.

Франц от меня без ума? кто тебе это сказал?

Берта.

Никто, я сама заметила; когда вы садитесь верхом, он всегда держит вам стремя; когда служит за столом, он не видит никого, кроме вас; если вы уроните платок, он всех проворнее его подымет,— а на нас и не смотрит...

К л о т и л ь д а.

Или ты дура, или Франц предерзкая тварь...

(Входят Альбер, Ротенфельд и Франц.)

А л ь б е р.

Сестра, представляю тебе твоего рыцаря, граф приехал погостить в нашем замке.

Г р а ф.

Позвольте, благородная девица, недостойному вашему рыцарю еще раз поцеловать ту прекрасную руку, из которой получил я драгоценнейшую награду...

К л о т и л ь д а.

Граф, я рада, что имею честь принимать вас у себя... Братец, я буду вас ожидать в северной башне... *(Уходит.)*

Г р а ф.

Как она прекрасна!

А л ь б е р.

Она предобрая девушка. Граф, что же вы не раздеваетесь? Где ваши слуги? Франц! разуй графа. *(Франц медлит.)* Франц, разве ты глух?

Ф р а н ц.

Я не всемирный слуга, чтобы всякого разувать...

Г р а ф.

Ого, какой удалец!

А л ь б е р.

Грубиян! *(Замахивается.)* Я тебя прогоню!

Франц.

Я сам готов оставить замок.

Альбер.

Мужик, подлая тварь! Извините, граф, я с ним управлюсь... Вон!.. *(Толкает его в спину.)* Чтобы духа твоего здесь не было.

Граф.

Пожалуйста, не трогайте этого дурака; он, право, не стоит...

Клотильда.

Братец, мне до тебя просьба.

Альбер.

Чего ты хочешь?

Клотильда.

Пожалуйста, прогони своего конюшего Франца; он осмелился мне нагрубить...

Альбер.

Как! и тебе?.. Жаль же, что я уж его прогнал; он от меня так скоро б не отделался. Да что ж он сделал?

Клотильда.

Так, ничего. Если ты уж его прогнал, так нечего и говорить. Скажи, братец, долго ли граф пробудет у нас?

А л ь б е р

Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя. Что ж ты краснеешь?..

К л о т и л ь д а.

Ты всё шутишь — а он и не думает...

А л ь б е р.

Не думает? о чем же?

К л о т и л ь д а.

Ах, братец, какой ты несносный! Я говорю, что граф обо мне и не думает...

А л ь б е р.

Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет.

Ф р а н ц.

Вот наш домик... Зачем было мне оставлять его для гордого замка? Здесь я был хозяин, а там — слуга... и для чего?.. для гордых взоров наглой благородной девицы. Я переносил унижения, я унизился в глазах моих — я сделался слугою того, кто был моим товарищем, я привык сносить детские обиды глупого, избалованного повесы... я не примечал ничего... Я, который не хотел зависеть от отца,— я стал зависим от чужого... И чем это всё кончилось? — боже... кровь кидается в лицо — кулаки мои сжимаются... О, я им отомщу, отомщу..

Как-то примет меня отец! *(Стучится.)*

Карл (*выходит*).

Кто там так бодро стучится? — А! Франц, это ты! (*Про себя.*) Вот чорт принес!

Франц.

Здравствуй, Карл; отец дома?

Карл.

Ах, Франц,— давно же ты здесь не был... Отец твой с месяц как уж помер.

Франц.

Боже мой! Что ты говоришь?.. Отец мой умер!— Невозможно!

Карл.

Так-то возможно, что его и схоронили.

Франц.

Бедный, бедный старик!.. И мне не дали знать, что он болен! может быть, он умер с горести — он меня любил; он чувствовал сильно. Карл, и ты не мог послать за мною! он меня бы благословил...

Карл.

Он умер, осердясь на приказчика и выпив сгоряча три бутылки пива — оттого и умер. Знаешь ли что еще, Франц? Ведь он лишил тебя наследства — а отдал всё свое имение...

Франц.

Кому?

Карл.

Не смею тебе сказать — ты такой вспыльчивый...

Франц.

Знаю: тебе...

Карл.

Бог видит, я не виноват.— Я готов был бы тебе всё отдать... потому что, видишь ли, хоть закон и на моей стороне,— однако, вот, по совести, чувствую, что всё-таки сын наследник отца, а не подмастерье... Но, видишь, Франц... я ждал тебя, а ты не приходил — я и женился... а вот теперь, как женат, уж я и не знаю, что делать... и как быть...

Франц.

Владей себе моим наследством, Карл, я у тебя его не требую. На ком ты женат?

Карл.

На Юлии Фурст, мой добрый Франц, на дочери Иоганна Фурста, нашего соседа... я тебе ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожний уголок...

Франц.

Нет, благодарствуй, Карл. Кланяйся Юлии — и вот отдай ей эту серебряную цепочку — от меня на память...

Карл.

Добрый Франц!— Хочешь с нами отобедать?— мы только-что сели за стол...

Франц.

Не могу, я спешу...

Карл.

Куда же?

Франц.

Так, сам не знаю — прощай.

Карл.

Прощай, бог тебе помоги. *(Франц уходит.)* А какой он добрый малый,— и как жаль, что он такой беспутный!— Ну, теперь я совершенно покоен: у меня не будет ни тяжбы, ни хлопот.

ВАССАЛЫ,
вооруженные косами и дубинами.

Франц.

Они проедут через эту лужайку — смотрите же, не робеть; подпустите их как можно ближе, продолжая косить, рыцари на вас гаркнут и наскачут,— тут вы размахнитесь косами по лошадиным ногам, а мы из лесу и приударим... чу! . Вот они.

(Франц с частью вассалов скрывается за лес.)

Косари *(поют)*.

Ходит вò поле коса,
Зеленàя полоса
　Вслед за ней ложится.
Ой, ходи, моя коса.
　Сердце веселится.

(Несколько рыцарей между ими Альбер и Ротенфельд.)

Рыцари.

Гей, вы — долой с дороги!

(Вассалы сымают шляпы и не трогаются.)

Альбер.

Долой, говорят вам!.. Что это значит, Ротенфельд? они ни с места.

Ротенфельд.

А вот, пришпорим лошадей да потопчем их порядком...

Косари.

Ребята, не робеть...

(Лошади раненые падают с седоками, другие бесятся.)

Франц *(бросается из засады)*.

Вперед, ребята! У! у!..

Один рыцарь *(другому)*.

Плохо, брат,— их более ста человек...

Другой.

Ничего, нас еще пятеро верхами...

Рыцари.

Подлецы, собаки, вот мы вас!

Вассалы.

У! у! у!..

(Сражение. Все рыцари падают один за другим.)

Вассалы *(бьют их дубинами, косами)*.

Наша взяла!.. Кровопийцы! разбойники! гордецы поганые! Теперь вы в наших руках...

Франц.

Который из них Ротенфельд?— Друзья! подымите забрала,— где Альбер?

(Едет другая толпа рыцарей.)

Один из них.

Господа! посмотрите, что это значит? Здесь дерутся...

Другой.

Это бунт — подлый народ бьет рыцарей...

Рыцари.

Господа! господа!.. Копья в упор!.. Пришпоривай!..

(Наехавшие рыцари нападают на вассалов.)

Вассалы.

Беда! Беда! Это рыцари!.. *(Разбегаются.)*

Франц.

Куда вы! Оглянитесь, их нет и десяти человек!..

(Он ранен; рыцарь хватает его за ворот.)

Рыцарь.

Постой! брат... успеешь им проповедать.

Другой.

И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей! смотрите, один, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужас.

(Лежащие рыцари встают один за другим.)

Рыцари.

Как! вы живы?

Альбер.

Благодаря железным латам... *(Все смеются.)* Ага! Франц, это ты, дружок? Очень рад, что встречаю тебя... Господа рыцари! благодарим за великодушную помощь.

Один из рыцарей.

Не за что; на нашем месте вы бы сделали то же самое.

Ротенфельд.

Смею ли просить вас в мой замок дни на три, отдохнуть после сражения и дружески попировать?..

Рыцарь.

Извините, что не можем воспользоваться вашим благородным гостеприимством. Мы спешим на похороны Эльсбергского принца — и боимся опоздать...

Ротенфельд.

По крайней мере, сделайте мне честь у меня отужинать.

Рыцарь.

С удовольствием.— Но у вас нет лошадей,— позвольте предложить вам наших... мы сядем за вами, как освобожденные красавицы. *(Садятся.)* А этого молодца, так и быть, довезем уж до первой виселицы... Господа, помогите его привязать к репице моей лошади...

ЗАМОК РОТЕНФЕЛЬДА

(Рыцари ужинают.)

Один рыцарь.

Славное вино!

Ротенфельд.

Ему более ста лет... Прадед мой поставил его в погреб, отправляясь в Палестину, где и остался; этот поход ему стоил двух замков и ротенфельдской рощи, которую продал он за бесценок какому-то епископу.

Рыцарь.

Славное вино! — За здоровье благородной хозяйки!..

Рыцари.

За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Клотильда.

Благодарю вас, рыцари... За здоровье ваших дам...

(Пьет.)

Ротенфельд.

За здоровье наших избавителей!

Рыцари.

За здоровье наших избавителей!

Один из рыцарей.

Ротенфельд! праздник ваш прекрасен; но ему чего-то недостает...

Ротенфельд.

Знаю, кипрского вина; что делать — всё вышло на прошлой неделе.

Рыцарь.

Нет, не кипрского вина; недостает песен миннезингера...

Ротенфельд.

Правда, правда... Нет ли в соседстве миннезингера; ступайте-ка в гостиницу...

Альбер.

Да чего ж нам лучше? Ведь Франц еще не повешен — кликнуть его сюда...

Ротенфельд.

И в самом деле, кликнуть сюда Франца!

Рыцарь.

Кто этот Франц?

Ротенфельд.

Да тот самый негодяй, которого вы взяли сегодня в плен.

Рыцарь.

Так он и миннезингер?

Альбер.

О! всё, что вам угодно. Вот он.

Ротенфельд.

Франц! рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти, а голос еще не пропал.

Франц.

Чего мне бояться? Пожалуй, я вам спою песню моего сочинения. Голос мой не задрожит, и язык не отнялся.

Ротенфельд.

Посмотрим, посмотрим. Ну — начинай...

Франц (*поет*).

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
A. M. D. своею кровью
Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,—

Lumen coelum, sancta rosa!
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен;
Всё безмолвный, всё печальный,
Как безумец умер он.

(Восклицанья.)

Рыцари.

Славная песня; да она слишком заунывна. Нет ли чего повеселее?

Франц.

Извольте; есть и повеселее.

Ротенфельд.

Люблю за то, что не унывает!— Вот тебе кубок вина.

Франц.

Воротился ночью мельник...
Женка! что за сапоги?

Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра.— Ведра? право? —
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни на яву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор.

Рыцари.

Славная песня! прекрасная песня! — ай-да миннезингер!

Ротенфельд.

А всё-таки я тебя повешу.

Рыцари.

Конечно — песня песнею, а веревка веревкой. Одно другому не мешает.

Клотильда.

Господа рыцари! я имею просьбу до вас — обещайтесь не отказать.

Рыцарь.

Что изволите приказать?

Другой.

Мы готовы во всем повиноваться.

Клотильда.

Нельзя ли помиловать этого бедного человека?.. он уже довольно наказан и раной и страхом виселицы.

Ротенфельд.

Помиловать его!.. Да вы не знаете подлого народа. Если не пугнуть их порядком да пощадить их предводителя, то они завтра же взбунтуются опять...

Клотильда.

Нет, я ручаюсь за Франца. Франц! Не правда ли, что, если тебя помилуют, то уже более бунтовать не станешь?

Франц (*в чрезвычайном смущении*).

Сударыня... Сударыня...

Рыцарь.

Ну, Ротенфельд... что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помиловать.

Рыцари.

Надобно его помиловать.

Ротенфельд.

Так и быть: мы его не повесим,— но запрем его в тюрьму, и даю мое честное слово, что он до тех пор из нее не выдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся...

Рыцари.

Быть так...

Клотильда.

Однако...

Ротенфельд.

Сударыня, я дал честное слово.

Франц.

Как, вечное заключение! Да по мне лучше умереть.

Ротенфельд.

Твоего мнения не спрашивают — отведите его в башню...

(Франца уводят.)

Франц.

Однако ж я ей обязан жизнию!

. . . .

ОТРЫВКИ и НАБРОСКИ

I

ВАДИМ

Вадим.

Ты видел Новгород; ты слышал глас народа;
Скажи, Рогдай,— жива ль славянская свобода?
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонения судьбы?

Рогдай.

Вадим, надежда есть, народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадуя, влачит позорный свой ярем;
Как иноземный гость, неведомый никем,
Являлся я в домах, на стогнах и на вече.
Вражду к правительству я зрел на каждой
встрече...
Уныние везде, торговли глас утих,
Встревожены умы, таится пламя в них.
Младые граждане кипят и негодуют —
Вадим, они тебя с надеждой именуют...

Вадим.

Безумные! Давно ль они в глазах моих
Встречали торжеством властителей чужих

И вольные главы под иго преклоняли?
Изгнанью моему давно ль рукоплескали?..
Теперь зовут меня,— а завтра может вновь...
Неверна их вражда, неверна их любовь,
Но я не изменю — . . . .

II

— Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?
В одном углу живем, а месяц не видались.
Откуда и куда? — Я шел к тебе, сестра.
Хотелось мне с тобой увидеться.— Пора.
— Ей богу, занят был.— Да чем? — Делами, службой.
Я, право, дорожу, сестра, твоею дружбой.
Люблю тебя душой, и рад бы иногда
С тобою посидеть... Но, видишь ли, беда —
Никак не съедемся: я дома, ты в карете —
. . . . — Но мы могли бы в свете
Видаться каждый день.— Конечно! я бы мог
Пуститься в знатный свет. Нет, нет, избави бог!
По счастью, модный круг совсем теперь не в моде.
Мы, знаешь, милая, все нынче на свободе.
Не ездим в общества, не знаем наших дам.
Мы их оставили на жертву старикам,
Любезным баловням осьмнадцатого века.
А впрочем не найдешь живого человека
В отборном обществе.— Хвалиться есть ли чем?
Что тут хорошего? Ну, я прощаю тем,
Которые, пустясь в пятнадцать лет на волю,
Привыкли нехотя лишь к пороху да к полю.
Казармы нравятся им больше наших зал.
Но ты, который в век в бивaках не живал,

Который не видал походной пыли сроду...
Зачем перенимать у них пустую моду?
Какая нужда в том? — В кругу своем они
О дельном говорят, читают Жомини.
— Да ты не читывал с тех пор, как ты родился.
Ты шлафорком одним да трубкою пленился.
Ты жить не можешь там, где должен быть одет,
Где вечно не курят, где только банка нет —
. . . .

III

— Насилу выехать решились из Москвы.
— Здорова ль, душенька? — Здоровы ль,
сударь, вы?

— Смешно: ни надписи ни подписи — кому же?
Вдове? не может быть! Ну, кто ж соперник
мой?
А! верно Сонюшке! смиреннице такой.
Пора ей хлопотать о муже.

— Ну, как живете в подмосковной?
Что Ольга Павловна? — Мы ждали, ждали вас.
Мы думали, ваш жар любовный
Уж и погас...
И с бельведера вдаль смотрели беспрестанно,
Не скачет.......
Спешить бы слишком было странно —
Я не любовник, а жених.
А что ее сестра? — Ей, кажется, не скучно:
Эльвиров с нею неразлучно.
— Ага.— Вчера был здесь, сегодня ждем его.
Так точно, от него. Что с вами? — Ничего.
— Ей богу, сердце не на месте.
— Пожалуй, милая, вот это письмецо
Тихонько подложи.— Кому? — Моей невесте
Да, Ольге Павловне — что смотришь мне
в лицо?

Не прямо в руки ей, конечно.
Не проболтайся ж, друг сердечный.
— Ей богу, вас понять нельзя.
Она ведь знает вашу руку.
— Да письмецо писал не я.
— Вот выдумали штуку!
Хотите испытать невесту? — Как не так!
Мне? ревновать! избави боже.
Я всё же не дитя, а пуще не дурак.
— А что же?
— Браслеты я купил — прикажешь, покажу.
Вот Ольге Павловне обновка.
А знаешь ли, что я тебе скажу:
Дарю ее тебе, примерная плутовка.
— Помилуйте, да мне — и думать я не смела.
Мне совестно... я вся горю.
Покорно вас благодарю.
Я так...— Послушай! — улетела.
. . . .

IV

ПЕРЕВОД ИЗ К. БОНЖУРА.

— Она меня зовет: поеду или нет?
Всё слезы, жалобы, упреки... мочи нет —
Откланяюсь, пора — она мне надоела.
К тому ж и без нее мне слишком много дела.
Я нынче отыскал за Каменным мостом
Вдову с племянницей; пойду туда пешком
Под видом будто бы невинного гулянья.
Ах!.. матушка идет... предвижу увещанья...
А, здравствуйте, maman...
— Куда же ты, постой.
Я шла к тебе, мой друг, мне надобно с тобой
О деле говорить...
— Я знал.
— Возьми ж терпенье.
Мой друг, не нравится твое мне поведенье.
— А в чем же?
— Да во всем — во-первых, ты жены
Не видишь никогда — вы как разведены...
Адель всегда одна — всё дома — ты в карете,
На скачке, в опере, на балах, вечно в свете —
Или уже нельзя с женою посидеть?
— Да право некогда...
— Ты дома б мог иметь

Обеды, вечера — ты должен бы представить
Жену свою везде... Пора, пора исправить
Привычки прежние.— Нельзя ли сам собой
Отвыкнуть наконец от жизни холостой?
Я сделаю тебе другое замечанье...
. . . .

V

Графиня (*одна, держит письмо*).

«Через неделю буду в Париже непременно»... Письмо от двенадцатого, сегодня осьмнадцатое; он приедет завтра! Боже мой, что мне делать?

(*Входит Дорвиль.*)

Дорвиль.

Здравствуйте, мой ангел, каково вам сегодня? Послушайте, что я вам расскажу — умора... Что с вами? вы в слезах.

Графиня.

Вы чудовище.

Дорвиль.

Опять! Ну, что за беда? Всё дело останется в тайне. Слава богу, никто ничего не подозревает: все думают, что у вас водяная. На днях всё будет кончено. Вы для виду останетесь еще недель шесть в своей комнате, потом опять явитесь в свет, и все вам обрадуются.

Графиня.

Удивляюсь вашему красноречию. А муж?

Дорвиль.

Граф ничего не узнает. Мужья никогда ничего не узнают. Месяца через три он приедет к нам

из армии, мы примем его как ни в чем не бывало; одного боюсь: он в вас опять влюбится — и тогда...

Графиня.

Прочтите это письмо.

Дорвиль.

Ах, боже мой!

Графиня.

Нечего глаза таращить. Я пропала — вы погубили меня.

Дорвиль.

Ангел мой! Я в отчаянии. Что с нами будет!

Графиня.

С нами! с вами ничего не будет, а меня граф убьет.

Дорвиль.

Кто его звал? Какая досада.

Графиня.

Досада! вам досадно потому, что вам некуда будет ездить на вечер, пока не заведете себе другой любовницы (баронессы д'Овре, например. Несносная мигушка). *(Передразнивает ее.)*

Видите, что вы чудовище: я гибну, а вы смеетесь.

Дорвиль.

Я не допущу его до Парижа, я поеду навстречу к графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколю его.

Графиня.

Какой ужас! Я не позволю вам проколоть моего мужа. Он для меня был всегда так добр. Я перед ним кругом виновата, я могла забыть все свои обязанности, изменить ему... и для кого?.. для изверга, который не посовестился... оставьте меня, говорят вам, оставьте меня.

Дорвиль.

Поезжайте в свою деревню, в Бретанию.

Графиня.

Это зачем? Разве граф за мною не поскачет?

Дорвиль.

Скройтесь в мой замок.

Графиня.

Вот еще! а шум? а соблазн? но, может быть, вам того и надобно. Вы хотите, чтоб весь свет узнал о моем бесчестии: самолюбие ваше того требует.

Дорвиль.

Как вы несправедливы! но что же нам делать?

Графиня.

Вот до чего довели вы меня! ах, Дорвиль! я говорила вам, вы не хотели мне верить, вы поставили на своем; посмотрите, что из этого вышло... Нечего ко мне ласкаться, подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы с ума сошли. Ах!.. постойте; какая прекрасная мысль.

Дорвиль

Что такое?

Графиня.

Я умру со стыда, но нет иного способа.

Дорвиль.

Что ж такое?

Графиня.

После узнаете.

VI

От этих знатных господ покою нет и нашему брату тюремщику. Простых людей, слава богу, мы вешаем каждую пятницу, и никогда с ними никаких хлопот. Прочтут им приговор, священник причастит их на скорую руку — дадут бутылку вина, коли есть жена или ребятишки, коли отец или мать еще живы, впустишь их на минуту, а чуть лишь слишком завоют или заболтаются, таки вон милости просим. На рассвете придет за ними Жак, палач — и всё кончено. А вот посадили к нам графа Конрада, так я и жизни не рад. Я у него на посылках. Принеси то-то, скажи то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требует: всё ли у тебя исправно? да не ушел ли он? да не зарезался бы он? да доволен ли он? Чорт побери знатных господ! И с тех пор, как судьи приговорили его к смерти, так тюрьма моя сделалась трактиром, ей богу, трактиром. И друзья, и родня, и знакомые — все лезут с ним прощаться,— отпирай всякому, да смотри за всеми, да не смей никого обидеть; и хоть бы что-нибудь в руку перепало, да нет, все народ благородный — свободен от всех податей. Право, ни на что не похоже! Слава богу, что утром отрубят ему голову, а уж эту ночь напляшемся... *(Стучат.)* Это кто

стучится? *(Идет к дверям и отворяет окошечко.)* Что вам надобно?

Слуга *(за дверью).*

Отворяй,— графиня с дочерью!

Тюремщик.

А где пропуск?

Слуга *(бросает ему бумагу).*

На! скорее ж! поворачивайся!

Тюремщик.

Сейчас, сейчас! экая каторга!

(Отворяет двери. Входят графиня и дочь ее, обе в черном платье. Тюремщик им низко кланяется.)

VII

ПАПЕССА ИОАННА

Acte I.

La papesse, fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir, la mère, vulgaire, n'y voyant rien de bon. Gilbert invite un savant à venir voir sa fille— le prodige de famille. Préparatifs — où la mère est seule à faire tout.

La passion du savoir.

Le savant *(le démon du savoir)* arrive au milieu de tout le monde invité par Gilbert — Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Commérage des femmes, joie du père — soucis et orgueil de la fille. Elle fuit pour aller en Angleterre étudier à l'université.
Elle devant St. Simon. Lambition.

Acte II.

Jeanne à l'université, sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol qui lui donne des distractions, dont elle triomphe.— Amour, jalousie, duel — *en récit.* Jeanne soutient une thèse et est faite docteur.—

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent...

Jeanne à Rome, cardinal; le pape meurt.— Conclave,— elle est faite pape.—

Acte III.

Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne, son condisciple. Elle en devient amoureuse, jalouse. Leur reconnaissance. Elle le menace de l'Inquisition, et lui d'un éclat. Il pénétre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte.

Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust — il vaut mieux en faire un poème dans le style de Christabel, ou bien en octaves.

VIII

— И ты тут был?

— Расскажи, как это случилось?

— Изволь: я только расплатился с хозяином и хотел уже выйти, как вдруг слышу страшный шум, и граф сюда входит со всею своей свитою. Я скорее снял шляпу, и по стенке стал пробираться до дверей, но он увидел меня и спросил, что я за человек.— «Я Гаспар Дик, кровельщик, готовый к вашим услугам, милостивый граф»,— отвечал я с поклоном — и стал пятиться к дверям, но он опять со мной заговорил и безо всякого ругательства.— «А сколько ты вырабатываешь в день, Гаспар Дик?» — Я призадумался: зачем этот вопрос? Не думает ли он о новом налоге? На всякий случай я отвечал ему осторожно: «Милостивый граф,—день на день не похож; в иной выработаешь пять и шесть копеек, а в другой и ничего».— «А женат ли ты, Гаспар Дик?» — Я тут опять призадумался.— Зачем ему знать, женат ли я? Однако отвечал ему смело: «Женат».— «И дети есть?» — «И дети есть».— (Я решился говорить всю правду, ничего не утаивая.) — Тогда граф оборотился к своей свите и сказал: «Господа, я думаю, что будет ненастье; моя абервильская рана что-то начинает ныть.— Поспешим до дождя доехать; велите скорее седлать лошадей».—

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ГЛАВА I

Первая глава была издана в 1825 г. с предисловием:

Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено.

Несколько песен, или глав Евгения Онегина уже готовы. Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года и напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона.

Дальновидные критики заметят конечно недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу оного. Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника, также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих *чувство уныния поглотило все прочие*. Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов.

В рукописи — вместо последней фразы предисловия:

Звание издателя не позволяет нам хвалить, ни осуждать сего нового произведения. Мнения наши могут показаться пристрастными. Но да будет нам позволено обратить внимание почтеннейшей публики и г.г. журналистов на достоинство, еще новое в сатирическом писателе: наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов. Ювенал, Петрон, Вольтер и Байрон — далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу. Говорят, что наши дамы начинают читать по-русски. Смело предлагаем им произведение, где найдут они под легким покрывалом сатирической веселости наблюдения верные и занимательные.

Другое достоинство, почти столь же важное, приносящее не малую честь сердечному незлобию нашего автора, есть совершенное отсутствие оскорбительной личности. Ибо не должно сие приписать единственно отеческой бдительности нашей цензуры, блюстительницы нравов, государственного спокойствия, сколь и заботливо охраняющей граждан от нападения *простодушной клеветы*, насмешливого легкомыслия.

Строфа VIII. В первом издании к этой строфе имелось примечание:

Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях *Ex Ponto* он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания тайную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти лет, а развратная Юлия, десять лет тому прежде, была сама изгнана ревнивым своим родителем. Прочие догадки ученых ничто иное,

как догадки. Поэт сдержал свое слово, и тайна его с ним умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Примеч. соч.

Строфа IX — в беловой рукописи:

Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаем ее в романе,
Мы всё узнали, между тем
Не насладились мы ничем.
Природы глас предупреждая,
Мы только счастию вредим,
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая.
Онегин это испытал,
Зато как женщин он узнал.

Строфа XXIV. После этой строфы следовало:

По всей Европе в наше время
Между воспитанных людей
Не почитается за бремя
Отделка нежная ногтей.
И ныне — воин и придворный,
Поэт и либерал задорный
И сладкогласный дипломат
Готовы . . . .

Строфа XXVI. К этой строфе в первом издании было примечание:

Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарем Российской Академии.

Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного. Вот что говорит Карамзин в своей речи:

«Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностию, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения счастливая, судьба, во всех отношениях, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентийской и Парижской. Екатерина Великая... кто из нас и в самый цветущий век Александра I может произносить имя ее без глубокого чувства любви и благодарности?.. Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим она умела награждать всё достохвальное, и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспоминанием»

Примеч. соч.

Строфа L. В первом издании к этой строфе имелось следующее примечание:

Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году

своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны, Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостию климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во всё время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири. Елисавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы, с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит бесспорно к числу отличнейших людей екатерининского века (ум. в 1800 году).

В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок,

странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы современем надеемся издать полную его биографию.

Примеч. соч.

ГЛАВА II

Строфа IX. За ней — в беловой рукописи:

X

Не пел порочной он забавы,
Не пел презрительных Цирцей,
Он оскорблять гнушался нравы
Избранной лирою своей;
Поклонник истинного счастья,
Не славил сетей сладострастья,
Постыдной негою дыша,
Как тот, чья жадная душа,
Добыча вредных заблуждений,
Добыча жалкая страстей,
Преследует в тоске своей
Картины прежних наслаждений
И свету в песнях роковых
Безумно обнажает их.

XI

Певцы слепого наслажденья,
Напрасно дней своих блажных
Передаете впечатленья
Вы нам в элегиях живых;
Напрасно девушка украдкой,
Внимая звукам лиры сладкой,
К вам устремляет нежный взор

Начать не смея разговор.
Напрасно ветреная младость
За полной чашею, в венках,
Воспоминает на пирах
Стихов изнеженную сладость
Иль на̀ ухо стыдливых дев
Их шепчет, робость одолев;

XII

Несчастные, решите сами,
Какое ваше ремесло;
Пустыми звуками, словами
Вы сеете разврата зло.
Перед судилищем Паллады
Вам нет венца, вам нет награды,
Но вам дороже, знаю сам,
Слеза с улыбкой пополам.
Вы рождены для славы женской,
Для вас ничтожен суд молвы —
И жаль мне вас... и милы вы;
Не вам чета был гордый Ленской:
Его стихи конечно мать
Велела б дочери читать.

В черновике последняя строфа сопровождалась примеч анием

La mère en prescrira la lecture à sa fille

Piron

Стих сей вошел в пословицу. Заметим, что Пирон (кроме своей «Метромании») хорош только в таких стихах, о которых невозможно и намекнуть, не оскорбляя благопристойности.

К приведенным строфам примыкает еще одна, сохранившаяся только в черновике:

Но добрый юноша, готовый
Высокий подвиг совершить,
Не будет в гордости суровой
Стихи нечистые твердить;
Но праведник изнеможенный,
К цепям неправдой присужденный,
В своей . . . . . в тюрьме
С лампадой, дремлющей во тьме,
Не склонит в тишине пустынной
На свиток ваш очей своих
И на стене ваш вольный стих
Не начертит рукой безвинной
Немой и горестный привет
Для узника грядущих лет.

Строфа XIV. В беловой рукописи строфа имела следующее окончание:

Собою жертвовать смешно.
Иметь восторженные чувства
Простительно в шестнадцать лет;
Кто ими полон, тот поэт
Иль хочет высказать искусство
Пред легковерною толпой.
Что ж мы такое?.. боже мой!.

За этим следовало:

Сноснее впрочем был Евгений:
Людей он просто не любил
И управлять кормилом мнений
Нужды большой не находил,
Не посвящал друзей в шпионы,
Хоть думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права —
Одни условные слова.

Он понимал необходимость,
И миг покоя своего
Не отдал бы ни для кого,
Но уважал в других решимость,
Гонимой славы красоту,
Талант и сердца правоту.

После строфы XVI было:

От важных исходя предметов,
Касался часто разговор
И русских иногда поэтов.
Со вздохом и потупя взор
Владимир слушал, как Евгений
Венчанных наших сочинений,
Достойных . . . . . похвал
Немилосердно поражал.

Строфа XVII. Вместо стихов 4—14 в беловой рукописи:

Онегин говорил об них
Как о знакомцах изменивших,
Давно могилы сном почивших
И коих нет уж и следа.
Но вырывались иногда
Из уст его такие звуки,
Такой глубокий чудный стон,
Что Ленскому казался он
Приметой незатихшей муки.
И точно: страсти были тут,
Скрывать их был напрасный труд.

За этими стихами в этой же рукописи —еще три строфы:

Какие чувства не кипели
В его измученной груди,
Давно ль, надолго ль присмирели,
Проснутся — только погоди.

Блажен, кто ведал их волненье,
Порывы, сладость, упоенье,
И наконец от их отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охладил любовь разлукой,
Вражду злословием. Порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой.
Что до меня — то мне на часть
Досталась пламенная страсть,

Страсть к банку! ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкомет.
А я, нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза.

И я теперь, отшельник скромный,
Скупой не веруя мечте,
Уж не поставлю карты темной,
Заметя грозное *руте;*
Мелок оставил я в покое,
Атàнде, слово роковое,
Мне не приходит на язык —
От рифмы также я отвык.

Что будешь делать? Между нами —
Всем этим утомился я.
На днях попробую, друзья,
Заняться белыми стихами,
Хоть всё имеет *quinze elle va*
Большие на меня права.

Строфа XXI. Первоначально строфа кончалась следующими стихами:

Так в Ольге милую подругу
Владимир видеть привыкал;
Он рано без нее скучал
И часто по густому лугу,
Без милой Ольги, меж цветов
Искал одних ее следов.

После этой строфы в рукописи — еще две:

Кто ж та была, которой очи
Он без искусства привлекал,
Которой он и дни и ночи
И думы сердца посвящал?
Меньшая дочь соседей бедных.
Вдали забав столицы вредных;
Невинной прелести полна,
В глазах родителей она
Цвела как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками ни пчелой,
Цветок, быть может обреченный
Размаху гибельной косы,
Не ощутив еще росы.

Ни дура английской породы,
Ни своенравная мамзель,
В России по уставу моды

Необходимые досель,
Не стали портить Ольги милой.
Фадеевна рукою хилой
Ее качала колыбель,
Она же ей стлала постель,
Она ж за Ольгою ходила,
Бову рассказывала ей,
Чесала шелк ее кудрей,
Читать — *помилуй мя* — учила,
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.

Строфа XL. После нее в рукописи — еще одна, заключительная строфа:

Но, может быть, и это даже
Правдоподобнее сто раз,
Изорванный, в пыли и в саже,
Мой недочитанный рассказ,
Служанкой изгнан из уборной,
В передней кончит век позорный,
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь.
Но что ж: в гостиной иль в передней
Равно читатели черны,
Над книгой их права равны,
Не я первой, не я последний
Их суд услышу над собой —
Ревнивый, строгий и тупой.

ГЛАВА III

Строфа V. После нее в черновой рукописи следовали стихи, предполагавшие иное развитие действия:

В постеле лежа, наш Евгений
Глазами Байрона читал,
Но дань вечерних размышлений

В уме Татьяне посвящал.
Проснулся он денницы ране
И мысль была всё о Татьяне.
Вот новое подумал он —
Неужто я в нее влюблен?
Ей богу, это было б славно,
Себя уж то-то б одолжил;
Посмотрим — и тотчас решил
Соседок навещать исправно,
Как можно чаще — всякий день,
Ведь им досуг, а нам не лень.

Решил, и скоро стал Евгений
Как Ленский . . . . . .
. . . .
Ужель Онегин в самом деле
Влюбился . . . .

Строфа X. После нее — в рукописи:

XI

Увы! друзья! мелькают годы —
И с ними вслед одна другой
Мелькают ветреные моды
Разнообразной чередой.
Всё изменяется в природе:
Ламуш и фижмы были в моде,
Придворный франт и ростовщик
Носили пудреный парик;
Бывало нежные поэты
В надежде славы и похвал
Точили тонкий мадригал
Иль остроумные куплеты,
Бывало храбрый генерал
Служил и грамоты не знал.

Строфа XVIII. К этой строфе в рукописи — примечание:

Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж? — По страсти, родимый,— отвечала она:— приказчик и староста обещались меня до полусмерти прибить.— В старину свадьбы как суды обыкновенно были пристрастны.

Строфа XXI. В рукописи после нее еще строфа:

Теперь мне должно б на досуге
Мою Татьяну оправдать —
Ревнивый критик в модном круге,
Предвижу, будет рассуждать:
Ужели не могли заране
Внушить задумчивой Татьяне
Приличий коренных устав?
Да и в другом поэт не прав:
Ужель влюбиться с первой встречи
Она в Онегина могла,
И чем увлечена была,
Какой в нем ум, какие речи
Ее пленить успели вдруг?
Постой, поспорю я, мой друг.

Строфа XXIII. После этой строфы первоначально было:

Но вы, кокетки записные,
Я вас люблю — хоть это грех.
Улыбки, ласки заказные
Вы расточаете для всех,
Ко всем стремите взор приятный;
Кому слова невероятны,
Того уверит поцелуй;
Кто хочет — волен: торжествуй.
Я прежде сам бывал доволен
Единым взором ваших глаз,

Теперь лишь уважаю вас,
Но хладной опытностью болен
И сам готов я вам помочь,
Но ем за двух и сплю всю ночь.

Строфа XXIV. В рукописи после нее — еще две строфы:

А вы, которые любили
Без позволения родных,
И сердце нежное хранили
Для впечатлений молодых,
Тоски, надежд и неги сладкой,
Быть может, если вам украдкой
Случалось тайную печать
С письма любовного срывать,
Иль робко в дерзостные руки
Заветный локон отдавать,
Иль даже молча дозволять
В минуту горькую разлуки
Дрожащий поцелуй любви,
В слезах, с волнением в крови,—

Не осуждайте безусловно
Татьяны ветреной моей,
Не повторяйте хладнокровно
Решенья чопорных судей.
А вы, о *Девы без упрека*,
Которых даже тень порока
Страшит сегодня как змия,
Советую вам то же я.
Кто знает? пламенной тоскою
Сгорите может быть и вы,
А завтра легкий суд молвы
Припишет модному герою
Победы новой торжество:
Любви вас ищет божество.

Строфа XXVI. За этой строфой первоначально следовали ещ две строфы. Часть стихов из этих исключенных строф Пушкин перенес „Альбом Онегина“ (см. раздел „Из ранних редакций“, стр. 541):

Сокровищем родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих.
Но где ж они? Давайте их.
Конечно: северные звуки
Ласкают мой привычный слух,
Их любит мой славянский дух,
Их музыкой сердечны муки
Усыплены... но дорожит
Одними звуками пиит.

Но где ж мы первые познанья
И мысли первые нашли,
Где применяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли —
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где *русский* ум да *русский* дух
Зады твердит и лжет за двух.
Поэты наши переводят,
А прозы нет. Один журнал
Исполнен приторных похвал,
Тот брани плоской. Все наводят
Зевоту скуки — хоть не сон.
Хорош российский Геликон!

Строфа XXXII. Первоначально вместо стихов 5—14 было

Уж поздно, блеск луна теряет,
И утро тихое сияет

Сквозь ветки липы к ней в окно,
А нашей деве всё равно,
Окаменев, облокотилась;
Постель... горяча,
С ее прелестного плеча
Сорочка легкая спустилась,
Упали кудри на глаза,
На перси капнула слеза.

После этого следовало:

В волненьи сидя на постеле
Татьяна чуть могла дышать,
Письма не смея в самом деле
Ни перечесть, ни подписать,
И думала: что скажут люди
И подписала: Т. Л.[1]

Строфа XXXVI. В рукописи вместо нее:

Теперь как сердце в ней забилось,
Заныло будто пред бедой.
Возможно ль! Что со мной случилось?
Зачем писала, боже мой!..
На мать она взглянуть не смеет,
То вся горит, то вся бледнеет,
Весь день, потупя взор, молчит,
И чуть не плачет, и дрожит...
Внук няни поздно воротился.
Соседа видел он; ему
Письмо вручил он самому.
И что ж сосед? — верхом садился
И положил письмо в карман —
Ах, чем-то кончится роман!

---

[1] Следует чит ть: «Твердо, Люди».

Там же второй вариант ст. 1—5:

Лишь только няня удалилась
И сердце, будто пред бедой,
У бедной девушки забилось,
Вскричала: боже! что со мной!
Встает. На мать взглянуть не смеет.

Песня девушек в черновой рукописи:

Песня

Вышла Дуня на дорогу,
Помолившись богу.
Дуня плачет, завывает,
Друга провожает.
Друг поехал на чужбину.
Дальную сторонку,
Ох уж эта мне чужбина —
Горькая кручина!..
На чужбине молодицы,
Красные девицы,
Осталась я молодая
Горькою вдовицей.
Вспомяни меня младую,
Аль я приревную,
Вспомяни меня заочно,
Хоть и не нарочно.

ГЛАВА IV

Первые строфы главы не были введены в ее текст, но были напечатаны отдельно в журнале „Московский вестник" в октябре 1827 г.:

Женщины.

Отрывок из Евгения Онегина

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;

Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине:
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.

*

То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Всё было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Всё в ней алкало слез и стона,
Питалось кровию моей...
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

*

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...
Я долго был пленен одною —

Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И всё в нем пусто и темно.

*

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны;
И, право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалясь неосторожно,
Мы их любви в награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!

Эти четыре строфы — результат большой работы. После первой строфы Пушкин начал:

Признаться ль вам, я наслажденье
В то время лишь одно имел,
Мне было мило ослепленье,
Об нем я после пожалел.

Вместо третьей строфы была написана другая (без первых четырех стихов):

Но я заманчивой загадкой
Не долго мучился украдкой...

И сами помогли оне,
Шепнули сами *слово* мне,
Давно известное по свету,
И даже никому оно
Уж не казалось и смешно.
Так разгадав загадку эту,
Сказал я: только-то, друзья,
Куда как недогадлив я!

После четвертой строфы начата строфа, совпадающая с окончательной восьмой. Сама четвертая строфа имеет вариант:

Смешон конечно важный модник —
Систематический Фоблас,
Красавиц записной угодник,
Хоть поделом он мучит вас.
Но жалок тот, кто без искусства
Души возвышенные чувства,
Прелестной веруя мечте,
Приносит в жертву красоте
И, расточась неосторожно,
Одной любви в награду ждет,
Любовь в безумии зовет,
Как будто требовать возможно
От мотыльков и от лилей
И чувств глубоких и страстей.

Далее следовали стихи:

Блажен, кто делит наслажденье,
Умен, кто чувствовал один,
Кто был невольного влеченья
Самолюбивый властелин,
Кто принимал без увлеченья
И оставлял без сожаленья,
Когда крылатая любовь

И . . . . предаваясь вновь.

. . . .

За этими стихами — еще одна строфа:

Страстей мятежные заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души бесчувственной дремоты
Не возмутит уже любовь.
Пустая красота порока
Блестит и нравится до срока.
Пора проступки юных дней
Загладить жизнию моей!
Молва, играя, очернила
Мои начальные лета.
Ей подмогала клевета
И дружбу только что смешила,
Но к счастью суд молвы слепой
Опровергается порой!..

Строфа XVII. За нею первоначально следовала строфа, исключенная из белового текста:

Но ты — губерния Псковская,
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?
Меж ими нет — замечу кстати —
Ни тонкой вежливости знати,
Ни ветрености милых шлюх.
Я, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Порою зуб нечистоту,
И непристойность и жеманство,
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

Строфа XXIV. Стихи 5—14 читались иначе. Из первой редакции строфы видно, что Пушкин предполагал непосредственно перейти к отъезду Татьяны в Москву, не имея в виду эпизода дуэли Онегина с Ленским:

Родня качает головою;
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей.
Мать также мыслит, у друзей
Тихонько требует совета.
Друзья советуют зимой
В Москву подняться всей семьей —
Авось в толпе большого света
Татьяне сыщется жених
Милей иль счастливей других.

За этим первоначально намечалась строфа, часть которой Пушкин перенес в главу седьмую (строфа XXVII), а остальное в строфу XI четвертой главы:

Старушка очень полюбила
Благоразумный их совет,
В столицу ехать положила,
Как только будет зимний след.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало
и т. д.

Далее следовали две строфы:

Когда повеет к нам весною
И небо вдруг оживлено,
Люблю поспешною рукою
Двойное выставить окно.
С каким-то грустным наслажденьем
Я упиваюсь дуновеньем
Живой прохлады; но весна
У нас не радостна, она
Богата грязью, не цветами.
Напрасно манит жадный взор

Лугов пленительный узор;
Певец не свищет над водами
Фиалок нет, и вместо роз
В полях растоптанный навоз

Что наше северное лето?
Карикатура южных зим.
Мелькнет и нет, известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Ни шум дубрав, ни тень, ни розы,—
В удел нам отданы морозы,
Метель, свинцовый свод небес.
Безлиственный сребристый лес,
Пустыни ярко снеговые,
Где свищут пòдрези сáней —
Средь хладно пасмурных ночей
Кибитки, песни удалые,
Двойные стекла, банный пар,
Халат, лежанка и угар.

Строфа XXXVI была напечатана в первом издании четвертой главы:

Уж их далече взор мой ищет,
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянет и свищет,
Спуская бережно курок.
У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопушкой мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

На экземпляре названного издания Пушкин исправил стихи 8 и 9:

Кто эпиграммами, как я,
Стреляет в куликов журнальных.

Строфа XXXVII. Последние два стиха этой строфы и строфа XXXVIII имеются в рукописи:

И одевался — только вряд
Вы носите такой наряд.

*

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и *безрассудным*,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков. Евгений,
Быть может, толки презирал,
А вероятно их не знал,
Но всё ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им,
За что был ближним нестерпим.

ГЛАВА V

Строфа XXX первоначально оканчивалась описанием обморока Татьяны:

Она приветствий двух гостей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж хлынуть; вдруг упала
Бедняжка в обморок; тотчас
Ее выносят; суетясь,
Толпа гостей залепетала.
Все на Онегина глядят,
Как бы во всем его винят.

Строфы XXXVII и XXXVIII были напечатаны в первом издании главы:

XXXVII

В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством;
Но, признаюсь великодушно,
Ты победил меня в другом:
Твои свирепые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Перед Истоминой моей,
Пред нашим воспитаньем модным;
Но Таня (присягну) милей
Елены пакостной твоей.

XXXVIII

Никто и спорить тут не станет,
Хоть за Елену Менелай
Сто лет еще не перестанет
Казнить Фригийский бедный край,
Хоть вкруг почтенного Приама
Собранье стариков Пергама,
Ее завидя, вновь решит:
Прав Менелай и прав Парид.
Что ж до сражений, то немного
Я попрошу вас подождать:
Извольте далее читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будет. Не солгу,
Честно́с слово дать могу.

Строфа XLIII имеется в беловой рукописи. В первом издании она появилась без первых четырех стихов:

Как гонит бич в песку манежном
По корде резвых кобылиц,
Мужчины в округе мятежном
Погнали, дернули девиц.
Подковы, шпоры Петушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучат; Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг;
Треск, топот, грохот — по порядку:
Чем дальше в лес, тем больше дров;
Теперь пошло на молодцов:
Пустились, только не в присядку.
Ах! легче, легче! каблуки
Отдавят дамские носки!

ГЛАВА VI

Строфы XV и XVI, пропущенные Пушкиным, сохранились в копии:

XV

Да, да, ведь ревности припадка —
Болезнь, так точно как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых.
Поверьте мне: кто вынес их,
Тот уж конечно без боязни
Взойдет на пламенный костер,
Иль шею склонит под топор.

XVI

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным.
Как учат слабое дитя,
Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но он прошел, сей тяжкий день:
Почий, мучительная тень!

Строфа XXXIV. Вероятно, к этому месту главы относятся две черновые строфы, сохранившиеся в бумагах Пушкина:

В сраженьи смелым быть похвально,
Но кто не смел в наш храбрый век?
Всё дерзко бьется, лжет нахально;
Герой, будь прежде человек.
Чувствительность бывала в моде
И в нашей северной природе.
Когда горящая картечь
Главу сорвет у друга с плеч,
Плачь, воин, не стыдись, плачь вольно:
И Кесарь слезы проливал,
Когда он друга смерть узнал,
И сам был ранен очень больно
(Не помню где, не помню как);
Он был конечно не дурак.

*

Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил,
Нас не дразнил неосторожно
И нашим прихотям служил.
Но если жница роковая,
Окровавленная, слепая,
В огне, в дыму — в глазах отца
Сразит залетного птенца!
О страх! о горькое мгновенье!
О Строганов, когда твой сын
Упал, сражен, и ты один,
Забыл ты славу и сраженье
И предал славе ты чужой
Успех, ободренный тобой.

*

Как мрачный стон, как гроба холод...

. . . .

Строфа XXXVIII известна по сохранившейся копии, в которой недостает двух заключительных стихов:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братий,
При громе плесков иль проклятий,
Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.
. . . .
. . . .

ГЛАВА VII

Строфы VIII и IX, пропущенные в печати, имеются в рукописи:

VIII

Но раз вечернею порою
Одна из дев сюда пришла.
Казалось, тяжкою тоскою
Она встревожена была;
Как бы волнуемая страхом,
Она в слезах пред милым прахом
Стояла, голову склонив
И руки с трепетом сложив;
Но тут поспешными шагами
Ее настиг младой улан;
Затянут, статен и румян,
Красуясь черными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.

IX

Она на воина взглянула,
Горел досадой взор его,
И побледнела и вздохнула,
Но не сказала ничего;
И молча Ленского невеста
От сиротеющего места
С ним удалилась — и с тех пор
Уж не являлась из-за гор.
Так равнодушное забвенье
За гробом настигает нас,
Врагов, друзей, любовниц глас
Умолкнет — об одном именье
Наследников ревнивый хор
Заводит непристойный спор.

Последние стихи строфы IX после ее исключения Пушкин перенес в строфу XI, которая первоначально оканчивалась так:

По крайней мере из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая тень
И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых.

За строфой XXI в беловой рукописи следует описание „Альбома Онегина" и записи из этого альбома, исключенные из печати:

XXII

Опрятно по краям окован
Позолоченым серебром,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Меж непонятного маранья
Мелькали мысли, замечанья,
Портреты, числа, имена
Да буквы, тайны письмена,
Отрывки, письма черновые,
И, словом, искренний журнал,
В который душу изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ;
Кой что я выпишу для вас.

Альбом Онегина.

1.

Меня не любят и клевещут,
В кругу мужчин несносен я,
Девчонки предо мной трепещут,
Косятся дамы на меня.
За что? — за то, что разговоры

Принять мы рады за дела,
Что вздорным людям важны вздоры,
Что глупость ветрена и зла,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит.

2.

Боитесь вы графини — овой? —
Сказала им Элиза К.
— Да, возразил NN суровый,
Боимся мы графини — овой,
Как вы боитесь паука.

3.

В Коране мыслей много здравых,
Вот например: пред каждым сном
Молись, беги путей лукавых,
Чти бога и не спорь с глупцом.

4.

Цветок полей, листок дубрав
В ручье Кавказском каменеет.
В волненьи жизни так мертвеет
И ветреный и нежный нрав.

5.

Шестого был у В. на бале.
Довольно пусто было в зале;
R. С. как ангел хороша:
Какая вольность в обхожденьи,
В улыбке, в томном глаз движеньи,
Какая нега и душа!

Далее зачеркнуты два стиха:

Она сказала (nota bene),
Что завтра едет к Селимене.

6.

Вечор сказала мне R. C:
Давно желала я вас видеть.
Зачем? — мне говорили все,
Что я вас буду ненавидеть.
За что? — за резкий разговор,
За легкомысленное мненье
О всем; за колкое презренье
Ко всем; однако ж это вздор.
Вы надо мной смеяться властны,
Но вы совсем не так опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?

7.

Сокровища родного слова,
Заметят важные умы,
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих.
Да где ж они? — давайте их.
А где мы первые познанья
И мысли первые нашли,
Где поверяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли?
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух.

8.

Мороз и солнце! чудный день
Но нашим дамам видно лень

Сойти с крыльца и над Невою
Блеснуть холодной красотою,
Сидят; напрасно их манит
Песком усыпанный гранит.
Умна восточная система
И прав обычай стариков:
Они родились для гарема
Иль для неволи теремов

9.

Вчера у В., оставя пир,
R. C. летела как зефир,
Не внемля жалобам и пеням,
А мы по лаковым ступеням
Летели шумною толпой
За одалиской молодой.
Последний звук последней речи
Я от нее поймать успел,
Я черным соболем одел
Ее блистающие плечи,
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинул,
Я пред Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинул.

10-я запись не выписана, а только обозначена:

— — — я вас люблю...

За этим дана последняя запись:

11.

Сегодня был я ей представлен,
Глядел на мужа с полчаса;
Он важен, красит волоса,
Он чином от ума избавлен.

В черновой рукописи сохранилось еще несколько записей из „Альбома Онегина“:

Я не люблю княжны S. L.
Ее невольное кокетство
Она взяла себе за средство,
Короче было б взять за цель.

Чего же так хотелось ей?
Сказать ли первые три буквы?
К-Л-Ю-Клю... возможно ль, клюквы!

К четвертой записи было продолжение:

Так напряженьем воли твердой
Мы страсть безумную смирим,
Беду снесем душою гордой,
Печаль надеждой усладим.
Но как . . . . утешить
Тоску, безумную тоску.
. . . .

Строфа XXIV. За этой строфой первоначально было:

С ее открытием поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою.
Убив неопытного друга,
Томленье сельского досуга
Не мог Онегин перенесть,
Решился он в кибитку сесть.
Раздался колокольчик звучный,
Ямщик удалый засвистал,
И наш Онегин поскакал
Искать отраду жизни скучной —
По отдаленным сторонам,
Куда, не зная точно сам.

Строфа XXXV. После этой строфы в черновике следовало:

Татьяну всё воображая
Еще ребенком, няня ей
Сулит веселье, истощая
Риторику хвалы своей.
Вотще она велеречиво
Москву описывает живо.
. . . .

Строфа XXXVI первоначально оканчивалась следующими стихами:

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..
Как сильно в нем отозвалось!
В изгнаньи, в горести, в разлуке,
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!

Строфа LI. К этой строфе относится набросок:

Как живо колкий Грибоедов
В сатире внуков описал,
Как описал Фонвизин дедов,
Созвал он всю Москву на бал.
. . . .

ГЛАВА VIII

Предполагая издать одним выпуском две главы: VIII („Путешествие Онегина“) и IX (окончательную VIII), Пушкин написал к ним предисловие:

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые

конечно не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались об ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали 6 частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII Евгения Онегина? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя „Руслана и Людмилы", пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже Евгений Вельский кажется чем-то похожим на дело. * Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chûte complète... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи Онегина увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!

---

* *Евгений Вельский.* Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского.

Мать плачется, скучает дочка;
Конец седьмой главе — и точка. **

Точно так, любезные читатели, всё содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!»

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеху, ибо век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,— то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно,— виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики, и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы Евгения Онегина — последние, по крайней мере для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но по-

---

** *2 замеч.* Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что́ стихотворец описывает, но как описывает.

боялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти,— также удерживала меня. Но Чайльд Гарольд стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться.

28 ноября 1830

Болдино

Строфы I—II. В печатном тексте Пушкин указал пропуск 10 стихов II строфы. В действительности здесь пропущен ряд строф, описывающих лицейские годы.

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал,
В те дни как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив,

II

Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые

Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь.
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал,

III

В те дни — во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась — муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт,
В душе моей едины звуки
Переливаются, живут,
В размеры сладкие бегут.

IV

Везде со мной, неутомима,
Мне муза пела, пела вновь
(Amorem canat aetas prima)
Всё про любовь да про любовь.
Я вторил ей — младые други
В освобожденные досуги,
Любили слушать голос мой.
Они, пристрастною душой

Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую музу.
О, торжество невинных дней!
Твой сладок сон душе моей.

V

И свет ее с улыбкой встретил,
Успех нас первый окрылил,
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.
И Дмитрев не был наш хулитель;
И быта русского хранитель,
Скрижаль оставя, нам внимал
И музу робкую ласкал.
И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастьем увлеченный,
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал.

В черновиках сохранились строфы, отчасти совпадающие с беловыми, но в основном дающие другие подробности лицейских лет Пушкина.

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал украдкой Апулея,
А над Виргилием зевал,
Когда ленился и проказил,
По кровле и в окошко лазил,
И забывал латинский класс
Для алых уст и черных глаз;
Когда тревожить начинала
Мне сердце смутная печаль,

Когда таинственная даль
Мои мечтанья увлекала,
И летом. . . . . для дня
Будили радостно меня,

Когда французом называли
Меня задорные друзья,
Когда педанты предрекали,
Что век повесой буду я,
Когда по розовому полю
Резвились и бесились вволю,
Когда в тени густых аллей
Я слушал клики лебедей,
На воды светлые взирая,
Или когда среди равнин

. . . .

Кагульский мрамор навещая

. . . .

Строфа XXIII оканчивалась стихами:

И слова не было в речах
Ни о дожде, ни о чепцах.

Далее следовали две строфы:

В гостиной истинно дворянской
Чуждались щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей.
В гостиной светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живою странностью своей:
(Чему наверно удивится,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист;

Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один журнал!)

Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика,
Заметя воротник немодный
Под бантом шейного платка.
И новичка-провинциала
Хозяйка спесью не смущала;
Равно для всех она была
Непринужденна и мила;
Лишь путешественник залетный,
Блестящий лондонский нахал,
Полуулыбку возбуждал
Своей осанкою заботной;
И быстро обмененный взор
Ему был общий приговор.

Строфа XXIV. После нее — в беловой рукописи

И та, которой улыбалась
Расцветшей жизни благодать,
И та, которая сбиралась
Уж общим мненьем управлять,
И представительница света,
И та, чья скромная планета
Должна была когда-нибудь
Смиренным счастием блеснуть,
И та, которой сердце, тайно
Нося безумной страсти казнь,
Питало ревность и боязнь,—
Соединенные случайно,
Друг дружке чуждые душой,
Сидели тут одна с другой.

Строфа XXV. Вместо этой строфы — в беловой рукописи:

Тут был на эпиграммы падкий
На всё сердитый князь Бродин:
На чай хозяйки слишком сладкий,
На глупость дам, на тон мужчин,
На вензель, двум сироткам данный,
На толки про роман туманный,
На пустоту жены своей
И на неловкость дочерей;
Тут был один диктатор бальный,
Прыгун суровый, должностной;
У стенки фертик молодой
Стоял картинкою журнальной,
Румян как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим.

Строфа XXVI. Вместо стихов 5—14 в беловой рукописи:

Тут был К. М., француз, женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах;
Тут был во всех своих звездах
Правленья цензор непреклонный
(Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишен);
Тут был еще сенатор сонный,
Проведший с картами свой век,
Для власти нужный человек.

После строфы XXVI — в рукописи:

Смотрите: в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей;
В волненьи перси, плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вкруг стана вьются и трепещут

Прозрачной сетью кружева,
И шелк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах;
Один Онегин . . . .
Пред сей волшебною картиной:
Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.

Эту строфу Пушкин позднее предполагал заменить следующей:

И в зале яркой и богатой
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой
Колеблясь, входит Лалла-Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда-харита меж харит,
И взор смешенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя,—
Для них без глаз один Евгений;
Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.

Строфа XXVII. За этой строфой в беловой рукописи следует еще одна:

Проходят дни, летят недели,
Онегин мыслит об одном,
Другой себе не знает цели,
Чтоб только явно иль тайком
Где б ни было княгиню встретить,
Чтобы в лице ее заметить
Хоть озабоченность иль гнев.
Свой дикий нрав преодолев,
Везде — на вечере, на бале,
В театре, у художниц мод,

На берегах замерзлых вод,
На улице, в передней, в зале
За ней он гонится как тень.
Куда его девалась лень!

ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЕГИНА

„Путешествие Онегина“ первоначально составляло восьмую главу. В рукописи она сохранилась не полностью, в следующем составе. Строфа I совпадает со строфой X последней (т. е. VIII) главы:

Блажен, кто смолоду был молод

. . . .

II

Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой,—
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И богу душу передал
Как откупщик иль генерал.
«Мы рождены,— сказал Сенека,—
Для пользы ближних и своей» —
(Нельзя быть проще и ясней),
Но тяжело, прожив полвека,
В минувшем видеть только след
Утраченных бесплодных лет.

Строфа III совпадает, за исключением первого стиха, со строфой XI последней главы:

Несносно думать, что напрасно

. . . .

Строфа IV совпадает со строфой XII последней главы:

Предметом став суждений шумных

. . . .

V

Наскуча или слыть Мельмотом
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено. Уж он влюблен,
Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой.
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря.

VI

Он собрался, и слава богу
Июля третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой.
Смирились площади — средь них
Мятежный колокол утих,
Не бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоанов,
И вкруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

VII

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь

Мелькают мельком будто тени
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся,
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

VIII

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжьей потчует ухой,
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.
Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.

IX

Тоска, тоска! Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина. Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,

и далее как в тексте отрывков из „Путешествия Онегина“ (стр. 201).

X

Тоска! Евгений ждет погоды.
Уж Волга, *рек, озер краса*,
Его зовет на пышны воды,
Под полотняны паруса.
Взманить охотника нетрудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил Волжскую волну.

XI

Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали. Но вот
Среди степей своих песчаных
На берегу соленых вод
Торговый Астрахань открылся.
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают,— и взбешен,
Каспийских вод брега сыпучи
Он оставляет тот же час.
Тоска! — он едет на Кавказ.

XII

Он видит: Терек своенравный

и далее как в отрывках из „Путешествия Онегина" (строфы XII, XIII и XIV).

В черновике за строфой XII следовали еще три (из них первая без четырех начальных стихов):

Вдали Кавказские громады,
К ним путь открыт — чрез их преграды
За их естественную грань
До глубины промчалась брань.
Авось их дикою красою
Случайно тронут будет он,
И вот, конвоем окружен,
Вослед за пушкою степною
. . . . — ступил Онегин вдруг
В преддверье гор, в их мрачный круг

Он видит: Терек разъяренный
Трясет и точит берега,
Над ним с чела скалы нагбенной
Висит олень, склонив рога;
Обвалы сыплются и блещут;
Вдоль скал прямых потоки хлещут.
Меж гор, меж двух высоких стен
Идет ущелие; стеснен
Опасный путь всё уже, уже:
Вверху чуть видны небеса;
Природы мрачная краса
Везде являет дикость ту же.
Хвала тебе, седой Кавказ,
Онегин тронут в первый раз.

Во время оное былое!..
В те дни ты знал меня Кавказ,
В свое святилище пустое
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно.
Меня приветствовал ты шумно

Могучим гласом бурь своих.
Я слышал рев ручьев твоих,
И снеговых обвалов грохот,
И клик орлов, и пенье дев,
И Терека свирепый рев,
И эха дальнозвучный хохот,
И зрел я, слабый твой певец,
Казбека царственный венец.

Строфа XVI, из которой часть Пушкин включил в отрывки из „Путешествия Онегина", полностью имеется в рукописи:

«Блажен, кто стар! блажен, кто болен,
Над кем лежит судьбы рука!
Но я здоров, я молод, волен.
Чего мне ждать? тоска! тоска!..»
Простите, снежных гор вершины,
И вы, кубанские равнины;
Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым,
Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел изгнанник вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

Далее следуют строфы, напечатанные в „Отрывках" (XVII—XXIX). После этого в рукописи читаем:

XXX

Итак, я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
Герое повести моей.
Онегин никогда со мною
Не хвастал дружбой почтовою,
А я, счастливый человек,

Не переписывался ввек
Ни с кем. Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он
Неприглашенным привиденьем,
Как громко ахнули друзья
И как обрадовался я!

XXXI

Святая дружба! глас натуры!
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицероновы Авгуры
Мы рассмеялися тишком...
— — —
— — —
— — —

XXXII

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод.
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход.
Онегин, очень охлажденный
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к невским берегам.
А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.

XXXIII

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,

Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

XXXIV

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Являлся он в наш сельский круг
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом;
Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Среди ранних черновых набросков к „Евгению Онегину", возможно, относится следующий отрывок. С каким именно местом романа он связан, определить трудно:

«Женись».— На ком? — «На Вере Чацкой»
— Стара.— «На Радиной».— Проста.
«На Хальской».— Смех у ней дурацкой.
«На Шиповой». — Бедна, толста.

«На Минской».— Слишком томно дышит.
«На Торбиной».— Романсы пишет,
Целует мать, отец дурак.
«Ну так на Ленской».— Как не так!
Приму в родство себе лакейство.
«На Груше Липской».— Что за тон!
Гримас, ужимок миллион.
«На Лидиной».— Что за семейство!
У них орехи подают,
Они в театре пиво пьют.

БОРИС ГОДУНОВ

В сцене „Красная площадь“ (стр. 224) в черновике читаем (вместо реплики „Другого“):

Он обещал с боярами радеть
Попрежнему — а царство без царя
Как устоит? подымется раздор,
А хищный хан набег опять готовит
И явится внезапно под Москвой.
Кто отразит поганую орду?
Кто сдвинет Русь в грозящую дружину?
О, горе нам!

В сцене „Девичье поле. Новодевичий монастырь“ (стр. 228) в черновике было исключенное из белового текста место:

Другой. И силюсь, брат,
Да не могу.
Первый. Дай ущипну тебя
Иль вырву клок из бороды.
Второй. Молчи.
Не во время ты шутишь.
Первый. Нет ли луку?

и т. д.

На отдельном листке сохранился монолог Самозванца, который предполагалось включить после сцены у монастырской ограды:

После сцены VI.

Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и всё молчит,
Холодный дух в лицо мне дует

И ходит холод по главе...
Что ж это? что же знаменует?
Беда ли мне, беда ль Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Царевич тению кровавой
Войдет со мной в твой светлый дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньем,
Ни мономаховым венцом.

Сцена „Царские палаты“ (стр. 260) начиналась следующим образом:

Ксения *(держит портрет)*.

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..

Братец — а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Феодор.

Я говорю тебе, что похож.

Ксения *(целует портрет)*.

Далее как в основном тексте.

Значительное сокращение сделано в сцене „Краков. Дом Вишневецкого“, где первоначально имелся следующий диалог (см. стр. 272):

Самозванец.

...Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в Москве?

Хрущов.

Всё тихо там еще. Но уж народ
Спасение царевича проведал.
Уж грамоту твою везде читают.
Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за столом
Они твое здоровье тайно пили.

Самозванец.

О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нем?

Хрущов.

Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет. Борис едва влачится,
И думают, его последний час
Уж недалек.

Самозванец.

Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?

Хрущов.

Он замыслов своих не объявляет,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора — он прочит нам в цари.

Самозванец.

В расчетах он, быть может, ошибется.
Ты кто?

Карела.

Казак. К тебе я с Дона послан

. . . .

В этой же сцене сокращено следующее место (стр. 273):

. . . .

И я люблю парнасские цветы

(читает про себя).

Хрущов *(тихо Пушкину).*

Кто сей?

Пушкин.

Пиит.

Хрущов.

Какое ж это званье?

Пушкин

Как бы сказать? по-русски — виршеписец
Иль скоморох.

Самозванец.

Прекрасные стихи!
Я верую в пророчества пиитов.

. . . .

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Первая сцена первоначально оканчивалась (стр. 379):

Куда как нужно — мужа повалил
Да поглядеть идет на вдовьи слезы.

Дон Гуан.

Что ты ворчишь?

Лепорелло.

Я говорю, что трудно
Вам до нее добраться будет. Люди
Узнают вас.

Дон Гуан

А здесь?

Лепорелло.

Над гробом мужа?

Дон Гуан.

Что ж? думаешь: он станет ревновать?

Лепорелло.

Бессовестный; не сдобровать ему!

Дон Гуан.

Ступай же ты в деревню, знаешь, в гу,
Где мельница, да жди меня. Я буду
Сам — иль пришлю.

Лепорелло.

А как же? у Лауры
Не будем мы сегодня?

Дон Гуан.

Убирайся. *(Уходит.)*

Лепорелло.

Прощайте. Жди теперь, пока пришлет.
Проклятое житье. Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

В последней сцене после обморока Доны Анны (стр. 406) следовало:

Дона Анна.

Оставь меня.

Дон Гуан.

О, как она прекрасна в этом виде!
В лице томленье, взор полузакрытый,
Волненье груди, бледность этих уст... *(целует ее.)*

РУСАЛКА

К первоначальному замыслу „Русалки“ относится написанный 23 ноября 1826 г. отрывок:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымется как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко: в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде...
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас пробегает

Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье.
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Баяна Славья гусли.

В бумагах Пушкина сохранился первоначальный вариант сцены „Светлица“, писанной народным стихом (в 1830 г.):

— Княгиня, княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Головку повесила?
Ты не весь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.

— Ах нянюшка, нянюшка, милая моя —
Как мне не тужить, как веселой быть?
Была я в де́вицах, друг любил меня.
Вышла за него, разлюбил меня.
Бывало, дружок мой целый день сидит
Супротив меня, глядит на меня,
Глядит на меня, не смигивает,
Любовные речи пошептывает.
А ныне дружок мой ни свет, ни заря
Разбудит меня да сам на коня,
Весь день по гостям разгуливает.
Приедет, не молвит словечушка мне
Он ласкового, приветливого.
— Дитя мое, дитятко, не плачь, не тужи,
Не плачь, не ту́жи, сама рассуди:
Удалый молодчик, что вольный петух —

Мах, мах крылом — запел, полетел,
А красная девица, что наседочка:
Сиди да сиди, цыплят выводи.
— Уж нет ли у него зазнобы какой?
Уж нет ли на меня разлучницы?
— Полно те, милая, сама рассуди:
Ты всем-то взяла, всем-то хороша.
Лица красотой, умом-разумом,
Лебединою походочкой,
Соловьиной поговорочкой,
Тихим ласковым обычаем.

В рукописи отдельные сцены были первоначально полнее.

I

(к стр. 440)

КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ

Дружко.

Уж эти девушки — никак нельзя им
Не попроказить. Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу.

(Слышен крик.)

Ба! это что? да это голос князя!

(Девушка под покрывалом переходит через комнату.)

Ты видела?

Сваха.

Да, видела.

Князь *(выбегает.)*

Держите!
Гоните со двора ее долой!
Вот след ее, с нее вода течет.

Дружко.

Да, так, вода. Юродивая, видно,
Нечаянно сюда прокралась. Слуги,
Над ней смеясь, ее знать окатили.

Князь.

Ступай, прикрикни ты на них, как смели
Над нею издеваться и ко мне
Впустить ее. *(Уходит).*

Дружко.

Ей богу, это странно.
Кто там? *(Входят слуги.)* Зачем пустили эту девку?

Слуга.

Какую?

Дружко.

Мокрую.

Слуга.

Мы мокрых девок
Не видели.

Дружко.

Куда ж она девалась?

Слуга.

Не ведаем.

Сваха.

Ох, сердце замирает.
Нет, это не к добру.

Д р у ж к о.

Ступайте вон
Да никого, смотрите, не впускайте.
А я пойду садиться на коня.

(Уходит).

С в а х а.

Не даром песню чудную пропели,
Не даром чудеса творятся. Чем-то
Всё это кончится!

II

(к стр. 442)

СВЕТЛИЦА

Ну в ком ему найти, как не в тебе,
Сокровища такого?

К н я г и н я.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы он любил
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

М а м к а.

Да, так и я слыхала,
Тому давно, годов уж пять иль больше.
Но девушка, как слышно, утопилась,
Так нечего об ней и поминать.

К н я г и н я.

Уже одну любил он да покинул,
Так и меня покинуть может он.
Когда б услышал бог мои молитвы.
. . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Работа Пушкина над романом продолжалась свыше 7 лет. Начат роман 9 мая 1823 г. в Кишиневе и окончен 25 сентября 1830 г. в Болдине. Осенью 1831 г. Пушкин переработал последнюю главу и написал письмо Онегина к Татьяне (5 октября).

Глава первая. Пушкин начал главу 9 мая 1823 г., 28 мая приступил к переписке и переработке написанного. С этого дня он непрерывно работал над своим произведением. Глава была закончсна 22 октября в Одессе. Первоначальный текст впоследствии подвергся переработке. Ряд строф Пушкин исключил, некоторые новые внес в уже законченный текст главы. Глава была напечатана отдельной книжкой в 1825 г. (вышла в свет 18 февраля); второе издание вышло в конце марта 1829 г.

В этом издании глава была посвящена брату, Льву Сергеевичу Пушкину. Стихов «Не мысля гордый свет забавить» не было (см. четвертую главу).

После предисловия (см. стр. 509) следовал «Разговор книгопродавца с поэтом». В конце главы примечание:

«*N. B.* Все пропуски в сем сочинении, означенные точками, сделаны самим автором».

Последнее примечание было вызвано тем, что запрещалось означать точками исключенные цензурой места. В дальнейшем вообще некоторое время запрещали означать какие бы то ни было пропуски точками, и в главах 4—7 точек, означающих пропуски, уже нет.

В беловой рукописи было два эпиграфа к первой главе, не появившихся в печати:

Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет.

Баратынский. [1]

---

[1] Цитата из „Пиров“ Баратынского.

Nothing is such an ennemy to accuracy of judgment as a coarse discrimination.

Burke.

В печати Пушкин оставил только эпиграф из стихотворения Вяземского «Первый снег».

Строфа II. Последний стих — намек на ссылку Пушкина на юг.

Строфа V. К этой строфе относится черновой набросок:

Мой друг пылал от нетерпенья
Избавиться навек ученья:
Большого света блеск и шум
Давно пленяли юный ум.

В беловой рукописи строфа кончалась:

Подозревали в нем талант,
И мог Евгений в самом деле
Вести приятный разговор,
А иногда ученый спор
О господине Мармонтеле,
О карбонарах, о Парни,
Об генерале Жомини.

В черновиках к последним стихам, как темы разговоров Онегина, упоминаются Байрон, Мирабо, Бергами, Манюэль, Бенжамен (Констан), Геснер, гетерия, магнетизм.

Мармонтель, Геснер и Парни — писатели XVIII в.; Мирабо — деятель французской революции; Манюэль и Бенжамен Констан — политические деятели, возглавлявшие левый фланг во французской палате депутатов в начале 20-х годов; Жомини — историк революционных и наполеоновых войн; Бергами — герой процесса английской королевы Каролины.

Строфа VI. После восьмого стиха в черновике следовало:

Он знал немецкую словесность
По книге госпожи де Сталь.

После этой строфы:

Конфуций... мудрец Китая
Нас учит юность уважать,
От заблуждений охраняя,
Не торопиться осуждать...
Она одна дает надежды...

Строфа VII. В черновике два последних стиха читались:

Отец с ним спорил полчаса
И — продавал свои леса.

Строфа XII. Фоблас — герой серии романов Луве де Кувре, тип развращенного француза-дворянина XVIII века.

Строфа XVI. Каверин (1794—1855), приятель Пушкина в 1816—1820 гг., член Союза Благоденствия.

Строфы XVIII—XIX написаны после окончания главы, в октябре 1824 г.

Строфа XXI. Вместо предпоследнего стиха сперва было:

Одна Лихутина мила.

Лихутина (1802—1875) — ученица Дидло, дебютировала в балете в 1817 г. с огромным успехом.

Строфа XXIII. Стихи 5—8 в черновике читались:

Превознесу ль хвалой подробной
Порядок чудный, бесподобный,
Убранство, утварь алтаря,
Излишних слов не говоря.

Строфа XXVI. В черновике строфа кончалась:

А мой торжественный словарь
Мне не закон, как было встарь.

Строфа XXVIII. К стиху 9 в рукописи имеется примечание:

«Неточность.— На балах кавалергардские офицеры являются так же, как и прочие гости, в вицмундире, в башмаках. Замечание основательное, но в шпорах есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В.»

Это примечание писано в Михайловском уже по выходе в свет первой главы романа (вероятно, в январе 1826 г.). А. И. В.— возможно, Анна Ивановна Вульф (Netty), с которой Пушкин встречался в Тригорском, в семье Осиповой.

Строфа XXX. В первом издании последние стихи читались:

Грустный, охладелый,
И нынче иногда во сне
Они смущают сердце мне.

К этим стихам было примечание: «Непростительный галлицизм. Соч.»

Строфа XXXIII. Эта строфа была написана в Одессе в июне 1824 г. и окончательно обработана в Михайловском в октябре 1824 г., когда Пушкин готовил главу к печати. Для строфы он воспользовался наброском стихотворения «Таврида» 1822 г. (см. т. II, стр. 108).

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной.
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами!
. . . .
. . . .
Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волненьем
Лобзать уста младых Цирцей
И перси полные томленьем
. . . .

Строфы XXXIX, XL и XLI означены Пушкиным как пропущенные; однако в рукописях Пушкина нет никаких следов того, чтобы в данном месте был какой-нибудь пропуск. Повидимому, этих строф Пушкин и не писал.

Строфа XLIX. «Гордая муза Альбиона» — Байрон. Пушкин имеет в виду IV песнь «Странствований Чайльд-Гарольда», где описывается Венеция.

Строфа LV. В черновике строфа первоначально начиналась стихами:

Занятиям деревня учит,
Уединенье хоть кого
Читать в ненастны дни научит
. . . . вопреки всего.

Строфа LVII. Пушкин имеет в виду свои поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан».

Строфа LIX. В черновике к этой строфе приписаны четыре неразборчивые стиха (5—8 стихи строфы), которые предположительно читаются:

И детства милые виденья
В усталом, томном вдохновеньи,
Волнуясь легкою толпой,
Несутся над моей главой!..

Глава вторая. Писалась непосредственно после окончания первой. К 3 ноября 1823 г были написаны первые 17 строф. В составе 39 строф глава была закончена 8 декабря 1823 г., а в 1824 г Пушкин доработал и дополнил ее новыми строфами.

Отдельной книжкой глава была напечатана в 1826 г. (вышла в свет в октябре) с указанием: «Писано в 1823 году» — и переиздана в мае 1830 г.

Эпиграф, основанный на сходстве слов *rus* (деревня) и *Русь*, заимствован из «Сатир» Горация (кн. II, ст. VI).

Строфа II. В рукописи — примечание к стиху 7: «Для цензуры: Портреты дедов на стенах». В таком виде стих появился в печати.

Строфа III. Первоначально следовала после строфы V.

Строфа IV. В черновой рукописи стих 5 читается:

Свободы сеятель пустынный.

Строфа VI. Стихи 7—12 первоначально читались:

Красавец в полном цвете лет,
Крикун, мятежник и поэт.
Он из Германии свободной
Привез учености плоды —
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий, прямо благородный...

В первом издании вместо стиха 6 было:

Душой филистер Геттингенский

Ошибка Пушкина (филистер — обыватель) была отмечена в печати Булгариным; Пушкин устранил ее из текста в издании 1833 г.

Строфа VII. В рукописи конец строфы читался:

Он знал и труд, и вдохновенье,
И освежительный покой,
К чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье,
Страстей мятежных буйный пир,
И слезы, и сердечный мир.

Строфа VIII. В первой беловой рукописи эта строфа имеет следующее окончание:

Что есть избранные судьбами,
Что жизнь их — лучший неба дар —
И мыслей неподкупных жар,
И гений власти над умами
Добру людей посвящены,
И славе доблестью равны.

Из печати эти стихи были исключены, повидимому, цензурой. Пушкин печатал один стих

Что есть избранные судьбою

и пять строк точек.

Строфа X. В беловой рукописи строфа оканчивалась стихами:

Он пел дубравы, где встречал
Свой вечный, милый идеал.

Строфа XXIII. Последние два стиха читались:

И новый карандаш беру,
Чтоб описать ее сестру.

Строфа XXIV. Первый стих первоначально читался:

Ее сестра звалась... Наташа.

Последние два:

Я б это доказал тотчас,
Но дело не о том у нас...

Строфа XXVI написана по окончании главы.
Строфа XXVIII написана по окончании главы.
Строфа XXIX первоначально начиналась:

Ей чтенье нравилося боле,
Никто ей в этом не мешал,
И чем роман тянулся доле,
Тем ей он боле угождал.

Строфа XXXI. После этой строфы было начато:

Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать,
По праздникам обедню слушать,
Всю ночь храпеть, а днем зевать...

Строфа XXXII. За этой строфой начата следующая:

Супруг — он звался Дмитрий Ларин —
И винокур и хлебосол,
Ну, словом, прямо русский барин
. . . .

Строфа XXXIV. Гости Лариных в черновике обозначены точнее:

Соседей милая семья —
Исправник, поп и попадья.

Строфа XXXV. Эта строфа написана по окончании главы. В печати появились только первые четыре стиха, остальные были заменены точками.

Строфа XL. К ней относится набросок стихов 5—8:

И этот юный стих небрежный
Переживет мой век мятежный.
Могу ль воскликнуть, о друзья:
Воздвигнул памятник и я.

Последний стих первоначально был дан в форме цитаты из Горация:

Exegi monumentum я.

Глава третья. Начата 8 февраля 1824 г. в Одессе; к июню была написана до письма Татьяны. Дальнейшая часть главы писалась в Михайловском. Под XXXII строфой дата 5 сентября 1824 г. Вся глава окончена 2 октября 1824 г. В печати появилась в 1827 г. около 10 октября. В начале главы напечатано:

Первая глава Евгения Онегина, написанная в 1823 году, появилась в 1825. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла от посторонних обстоятельств. Отныне издание будет следовать в беспрерывном порядке: одна глава тотчас за другой.

В рукописи имеется эпиграф к третьей главе:

Ma dimmi: al tempo de' dolci sospiri
A che e come concedette amore
Che conosceste i dubbiosi desiri?

Dante.

Это цитата из «Ада» Данте (эпизод Франчески и Паоло). Эпиграф, появившийся в печати, взят из поэмы французского поэта Мальфилатра «Нарцисс на острове Венеры» (1767).

Строфа I первоначально кончалась:

Варенье, сальная свеча,
Помни про Саву Ильича.

Строфа III первоначально оканчивалась:

Несут на блюдечках варенья
С одною ложечкой для всех.
Иных занятий и утех
В деревне нет после обеда.
Поджавши руки, у дверей
Сбежались девушки скорей
Взглянуть на нового соседа,
И на дворе толпа людей
Критиковала их коней.

Строфа V. В беловой рукописи даны два варианта окончания строфы:

I. В чертах у Ольги мысли нет
Как в Рафаелевой мадонне,
Румянец да невинный взор
Мне надоели с давних пор.—
— Всяк молится своей иконе.—
Владимир сухо отвечал,
И наш Онегин замолчал.

II. В чертах у Ольги мысли нет,
Как у Рафаеля в мадонне.
Поверь — невинность это вздор,
А приторной Памелы взор
Мне надоел и в Ричардсоне.
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

К этой строфе в рукописи примечание:

Как Светлана (выписка)

Повидимому, Пушкин хотел процитировать стихи Жуковского:

Молчалива и грустна
Милая Светлана.

Строфа VI в черновике имела окончание:

Того же мненья был и поп,
И сам дьячок его, Антроп.

Строфа X. Перечисляются героини романов: «Клариса Гарлоу» Ричардсона, «Новая Элоиза» Руссо, «Дельфина» м-м де Сталь.

Строфа XXIII. К этой строфе в рукописи примечание:

E'l viso di pietosi color farsi,
И веры благодатной жар,

Petrarca.

Это — цитата из 61-го сонета (при жизни Лауры).

Строфа XXXI. «Фрейшиц» — «Волшебный стрелок», опера Вебера (1821).

В письме Татьяны Пушкин сделал несколько сокращений. После стиха «Не знала б горького мученья» следовало:

Моя смиренная семья,
Уединенные гулянья
Да книги — верные друзья —
Вот всё бы, что любила я.
Души неопытной мечтанья
Смирив со временем (как знать?) и т. д.

После стиха «Свиданья верного с тобой» следовало:

Ты мне внушал мои моленья
И веры благодатной жар,
И грусть, и слезы умиленья,
Не всё ли твой заветный дар?

После стиха «Мои сомненья разреши» Пушкин предполагал вставить:

Но, может быть, судьба жестоко
Меня умела обмануть,
И врезалась она глубоко
В мою тоскующую грудь...

Глава четвертая. Пушкин начал писать эту главу в конце октября 1824 г. в Михайловском и писал ее с перерывами, так как в это же время работал над «Борисом Годуновым», «Графом Нулиным» и др. К 1 января 1825 г. была написана строфа XXIII. Но несколько строф, ей предшествующих, написаны позднее. Заканчивалась глава уже в конце года. Последнюю строфу Пушкин написал 6 января 1826 г. Позднее, уже в конце года, он переработал главу.

Четвертая глава была издана вместе с пятой и вышла в свет 31 января 1828 г. Главе предшествовало посвящение П. Плетневу («Не мысля гордый свет забавить»), впоследствии перенесенное в начало романа.

Эпиграф взят из сочинения г-жи де Сталь «Взгляд на Французскую революцию», ч. II, гл. XX.

Строфа XXXII. «Критик строгий» — В. Кюхельбекер, который нападал на элегическое направление в русской поэзии и предлагал обратиться к оде («О на-

правлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». «Мнемозина», II, 1824 г.).

Строфа XXXIII. «Чужого толка» хитрый лирик — бездарный одописец, описанный И. Дмитриевым в сатирическом стихотворении «Чужой толк» (1794)

Строфа XXXVII. «Певец Гюльнары» — Байрон (Гюльнара — героиня поэмы «Корсар»). В примечании к строфе 105 второй главы «Дон Жуана» Байрон описывал, как он переплыл Геллеспонт (Дарданеллы) 3 мая 1810 г.

Глава пятая. Эта глава начата за два дня до окончания предыдущей — 4 января 1826 г. Писалась она с перерывами: сперва до XXI строфы, затем остальные. Глава окончена и переписана 22 ноября 1826 г. Издана она вместе с главой четвертой в одной книжке.

Эпиграф взят из баллады Жуковского «Светлана».

Строфа III. К этой строфе в рукописи примечание: «Первый снег» Вяземского. Красивый выходец и проч. Конец. Баратынский в Финляндии.

Пушкин собирался процитировать стихи Вяземского:

Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы
И лилия свежей белеет на челе...

и конец стихотворения:

О первенец зимы, блестящей и угрюмой,
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Строфа XVII. Описание чудовищ в сне Татьяны подвергалось переделкам. Особенно переделывался первый стих этой строфы:

Там крысы в розовой ливрее
Там петухи в цветной ливрее
Там ворон в голубой ливрее

В первом издании этот стих читался:

Там суетливый еж в ливрее

Пушкин предполагал изменить этот стих:

Там змей в очках, там еж в ливрее,
Там филин на крылатом змее.

В связи с изменением описания чудовищ менялся и перечень слов, которые ищет Татьяна в соннике (строфа XXIV).

Строфа XXIII. «Мальвина» — роман г-жи Коттен.

Строфа XXXII. Зизи — Евпраксия Вульф, барышня из семьи Осиповых, жившая в Тригорском по соседству с Михайловским.

Глава шестая. Писалась в Михайловском в 1826 г. Точные даты неизвестны, так как рукописи главы не сохранились. Строфа XLV, которой Пушкин предполагал окончить главу, датирована 10 августа 1327 г. и, по-видимому, написана через большой промежуток времени после окончания всей главы. Вероятно, еще позднее написаны две последние строфы, из которых Пушкин в окончательной редакции сделал одну.

Глава была издана в 1828 г. (вышла в свет 23 марта). После текста значится: «Конец первой части». В конце главы имеется примечание: «В продолжение издания I части Евгения Онегина вкралось в нее несколько значительных ошибок. Важнейшие из них помещаем здесь». В действительности приложенный список содержал не только исправление ошибок, но и ряд существенных редакционных изменений текста.

Эпиграф взят из канцоны Петрарки «Джакомо Колонна» («Стихи на разные темы», Канцона I).

Строфа XLVI. В первом издании за этой строфой следовала еще одна, но затем Пушкин перенес ее в примечания к роману (см. прим. 40).

Глава седьмая. Эту главу Пушкин начал писать, по-видимому, непосредственно после окончания шестой, т. е. в августе 1827 г. Писал он ее с перерывами. К 19 февраля 1828 г. было написано 12 строф. Закончил главу в Малинниках 4 ноября 1828 г.

Отдельной книжкой глава была издана в 1830 г. (вышла в свет 18 марта).

Эпиграфы взяты из стихотворения И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы» (1795), из поэмы Е. А. Баратынского «Пиры» (1820) и из «Горя от ума» Грибоедова.

Строфа XXII. «Певец Гяура и Жуана» — Байрон. В черновиках мы читаем:

Юм, Робертсон, Руссо, Мабли,
Барон д'Ольбах, Вольтер, Гельвеций,
Лок, Фонтенель, ... Дидрот,
. . . . Ламот,
Гораций, Кикерон, Лукреций.

Кроме того, упоминаются:

Весь Вальтер Скотт, «Адольф» Констана,
«Коринна» Сталь, два-три романа.

В другом варианте:

Мельмот, Рене, «Адольф» Констана.

«Мельмот» — роман Матюрина, «Рене» — повесть Шатобриана.

Строфа XXXIII. «Философических таблиц». Судя по рукописи, Пушкин имел в виду книгу французского статистика Шарля Дюпена «Производительные и торговые силы Франции» 1827, где даны сравнительные статистические таблицы, показывающие экономику европейских государств, в том числе и России.

Строфа XLIX. «Архивны юноши» — молодые люди, служившие в архиве Министерства иностранных дел. Среди них были «любомудры» (Веневитинов, В. Ф. Одоевский, Иван и Петр Киреевские и др.).

Глава восьмая. Первоначально ей предшествовала глава о путешествии Онегина, а потому глава была означена девятой. Пушкин начал работать над ней 24 декабря 1829 г. и закончил ее 25 сентября 1830 г. в Болдине. После, однако, Пушкин еще работал над ней. Решив исключить первоначальную восьмую главу, он перенес из нее в данную главу строфы IX—XIII. Позднее (5 октября 1831 г. в Царском Селе) было написано письмо Онегина Татьяне.

Глава была издана в 1832 г. (около 20 января). На обложке значится: «Последняя глава Евгения Онегина».

Эпиграф к главе взят из стихотворения Байрона «Fare thee well» из сборника «Домашние произведения» 1816 г.

Строфа IV. Ленора — героиня одноименной баллады Бюргера.

Строфа XXXII. В первоначальную редакцию главы письмо Онегина не входило, и данная строфа оканчивалась:

Уже пришло ему не в мочь.
Он ждет ответа день и ночь.

Строфа LI.

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Здесь Пушкин напоминает о своем эпиграфе к «Бахчисарайскому фонтану», применяя его к сосланным и казненным декабристам.

Примечания Пушкина. Прим. 5. «Один из наших романтических писателей», как явствует из черновиков,— сам Пушкин.

Прим. 11. Биография Ганнибала, напечатанная в первом издании «Евгения Онегина», приведена в примечаниях к строфе L первой главы (стр. 512).

Прим. 14. Грандисон — герой английского романа С. Ричардсона «История Чарльза Грандисона» (1753); автор наделил Грандисона всеми добродетелями. Ловлас — герой романа того же автора «История Кларисы Гарлоу» (1748) — тип развращенного соблазнителя.

Прим. 15. Цитата из повести Шатобриана «Рене» (1802).

Прим. 20. Стих из «Ада» Данте: надпись над входом в ад.

Прим. 23. Пушкин имел в виду рецензию Б. Федорова в журнале «Санкт-Петербургский Зритель», 1828 г.

Прим. 24. Пушкин отвечает здесь на разбор IV и V глав «Онегина», напечатанный в журнале «Атеней», 1828 г., за подписью *В.* (М. Дмитриев).

Прим. 31 — также является ответом на рецензию в «Атенее».

Прим. 32. 33 и 36. Пушкин отвечает здесь на рецензию Б. Федорова.

Отрывки из Путешествия Онегина. Частично строфы Путешествия были написаны еще в 1825 г. в Михайловском (описание Одессы). Они предполагались к включению в VII главу. Строфы эти были напечатаны в «Московском Вестнике», как отрывок из седьмой главы «Евгения Онегина» в марте 1827 г. Другие отрывки (описание Крыма) появились в «Литературной газете» 1 января 1830 г. В качестве самостоятельной восьмой главы они были обработаны Пушкиным в Болдине осенью 1830 г. Строфы I — V этой главы были закончены еще в 1829 г., 2 октября; вся глава закончена 18 сентября 1830 г.

Относительно данной главы П. Катенин писал П. Анненкову в 1853 г.: «Об осьмой главе „Онегина" слышал я от покойного в 1832 году, что сверх Нижегородской ярманки и Одесской пристани Евгений видел *военные поселения*, заложенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению, и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую».

Этим объясняется выражение Пушкина, употребленное им в предисловии к отрывкам из Путешествия: «Автор... решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики». В бумагах Пушкина эта первоначальная редакция восьмой главы не сохранилась. Остались получерновые наброски, по которым можно восстановить эту главу в ее сокращенном виде. Часть строф из нее Пушкин перенес в последнюю (VIII) главу.

Стр. 201.

Макарьев — Нижегородская ярмарка, переведенная из города Макарьева, где она собиралась до 1817 г.

Стр. 203.

С Атридом спорил там Пилад.

Намек на миф об Оресте и Пиладе и о храме Дианы, который, как предполагали, находился в Крыму, недалеко от Балаклавы (где впоследствии был Георгиевский монастырь).

Стр. 205.

Морали (Maure Ali, т. е. мавр Али) — одесский знакомый Пушкина, родом из Египта. О нем расска-

зывали, что когда-то он пиратствовал и тем нажил состояние.

Глава десятая. Эта глава дошла до нас в форме отрывков и недоработанных черновиков.

О намерении Пушкина продолжать «Евгения Онегина» мы знаем из воспоминаний М. В. Юзефовича о пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 г. В этих воспоминаниях говорится:

«Он объяснял нам довольно подробно всё, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов». Это писано через 50 лет (в июле 1880 г.) и слово «или» следует понимать, как указание на неотчетливость воспоминаний Юзефовича. Пушкин, возможно, рассказывал, что Онегин в результате событий 1825 г. попадает на Кавказ, где и погибает.

В бумагах Пушкина сохранилась запись, относящаяся к 1830 г: «19 октября сожжена X песнь».

Надо думать, что Пушкин сжег только часть главы, написанной к тому времени. На самом деле, прежде чем сжечь этот текст, он его зашифровал. Сделал он это потому, что не оставил намерения когда-нибудь вернуться к этой главе.

В дневнике П. А. Вяземского под датой 19 декабря 1830 г. читаем: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок и девятую главу „Онегина". Ею и кончает: из десятой предполагаемой читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника». Далее Вяземский цитирует два стиха из этой главы:

У вдохновенного Никиты,
У осторожного Ильи.

Последнее упоминание о десятой главе мы встречаем в письме А. И. Тургенева брату Николаю Ивановичу от 11 августа 1832 г.: «Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 г. и упоминает между прочим и о тебе». После этого А. И. Тургенев цитирует шесть последних стихов строфы XV.

Указание А. И. Тургенева на то, что эта глава содержала также и путешествие Онегина, отчасти подтверждается бумагами Пушкина. Одна из первых строф «Путешествия» — «Наскуча щеголять Мельмотом» — в рукописи «Путешествия» (восьмой главы) зачеркнута и сбоку приписано: «в X песнь». Возможно, что к 1832 г. у Пушкина было намерение объединить в одной главе политические строфы, не вошедшие в «Путешествие», и хронику X главы.

Пушкин зашифровал первые 16 строф главы, переписав с некоторыми условными сокращениями сначала подряд все первые стихи строф, затем вторые, третьи и т. д. Эта зашифровка дошла до нас не полностью: по ней можно восстановить лишь первые четверостишия этих строф (и то не все); помимо того, она содержит несколько стихов (повидимому, девятых в строфе), относящихся, судя по смыслу, к строфам VI — IX. Кроме этой зашифровки, до нас дошли первоначальные черновики строф XV и XVI, но совершенно недоработанные (особенно черновик XVI строфы). Начальные стихи этих черновиков совпадают с соответствующими стихами шифра. Наконец, за черновиком XVI строфы следует совершенно недоработанный набросок одной строфы, которую условно принимаем за строфу XVII. Не везде текст шифра и черновиков читается с уверенностью. Некоторые сокращения не совсем понятны. Черновик восстанавливается с большим трудом.[1] Поэтому предлагаемое чтение отрывков X главы следует считать предположительным и приблизительным.

Строфы I и II. Речь идет о событиях, предшествовавших 1812 г.: об Аустерлицком сражении (1805) и Тильзитском мире (1807).

Строфа III. «Русский бог» — формула официального патриотизма, встречающаяся в стихотворениях и статьях эпохи войны 1812 г.

Строфа VI. Пушкин имеет в виду стихотворение князя И. М. Долгорукого «Авось», написанное в форме оды. Там, между прочим, говорится:

О, слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхвалю!

---

[1] Один стих дает запись Вяземского, окончательный текст строфы XV дает письмо Тургенева.

Словцо ты русское, прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!
Без важных вычур, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вес почувствовать даешь.
Куда с копытом конь помчится,
Туда же рак ползком тащится;
Обоих в путь один ведешь.

Пушкин называет «авось» шиболетом, основываясь на библейском предании, где говорится, что воюющие еврейские племена узнавали друг друга по произношению слова «шиболет» («колос»). Пушкин хочет сказать, что слово «авось» является национальным признаком.

В дальнейшем Пушкин, пользуясь словом «авось», высказывает неуверенные предположения о ближайшем будущем России.

Строфа VII. Под словом «ханжа» предполагают Голицына, бывшего министра народного просвещения при Александре I, известного своим мистицизмом.

В дальнейших стихах высказывается предположение об амнистии декабристов.

Строфа VIII. В измененном виде эту строфу Пушкин перенес в стихотворение «Герой». Поэтому можно предполагать, что заключалась она стихами:

Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.

Строфа относится к последним годам Наполеона, проведенным им на острове Св. Елены.

Строфа IX. Говорится о революционных движениях начала 20-х годов (революции Испанская, Неаполитанская, Греческое восстание). «Безрукий князь» — Александр Ипсиланти, потерявший руку в сражении под Дрезденом в 1813 г.

Строфа XI. Речь идет о Семеновском полке; убийство Павла произошло тогда, когда сторожевое дежурство у дворца нес Семеновский полк.

Строфы XII и XIV говорят о петербургских настроениях периода Союза Спасения и Союза Благо-

действия. Никита — Муравьев, Илья — Долгоруков, декабристы.

Строфа XVI говорит о настроениях на юге в районе второй армии (находившейся под командованием Витгенштейна). В Тульчине и в Каменке находились управы Южного общества декабристов. «Холоднокровный генерал» — Юшневский. Муравьев — Сергей Муравьев-Апостол, возглавивший в 1825 г. военное восстание на юге.

Строфа XVII является, повидимому, переходом к изложению событий 1825 г. Пушкин как бы подводит итог тому, что он сказал о подготовительном периоде тайных обществ, чтобы дать непосредственное изображение настроений накануне восстания 14 декабря.

Закончив в Болдине девять глав романа, Пушкин составил такой перечень этих глав, разделенных на три части:

Онегин

Часть первая. Предисловие

I песнь *Хандра* Кишинев, Одесса.
II —— *Поэт* Одесса 1824.
III —— *Барышня* Одесса. Мих. 1824.

Часть вторая

IV песнь *Деревня* Михайлов. 1825.
V —— *Именины* Мих. 1825. 1826.
VI —— *Поединок* Мих. 1826.

Часть третья

VII песнь *Москва* Мих. П. Б. Малинн. 1827. 8.
VIII —— *Странствие* Моск. Павл. 1829 Болд.
IX —— *Большой свет* Болд.

Примечания

1823 год 9 мая *Кишинев* — 1830 25 сент. *Болдино* —
26 сент. АП

И жить торопится и чувствовать спешит
К. В.

7 лет 4 месяца 17 дней.

В 1833 г. Пушкин издал «Евгения Онегина» в окончательном виде и полном составе (одной книгой). Второе издание романа вышло в январе 1837 г. почти без всяких изменений.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БОРИС ГОДУНОВ

Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре — декабре 1824 г. Прежде чем начать трагедию, он конспективно изложил события, рассказанные в «Истории Государства Российского» Карамзина (тт. X и XI).

Далее им был составлен следующий план трагедии.

Год. в монастыре. Толки князей — вести — площадь, весть о избрании. Летописец Отрепьев — бегство Отрепьева.

Год. в монастыре. Его раскаянье — монахи беглецы. *Год*. в семействе.—

Год. в совете. Толки на площади.— Вести об изменах, смерть Ирины.— *Год*. и колдуны.

Самозванец перед сражением.—

Смерть Годунова (— известие о первой победе, пиры, появление самозванца), присяга бояр, измена.

Пушкин и Плещеев на площади — письмо Димитрия — вече — убиение царя — самозванец въезжает в Москву —

Затем Пушкин приступил к тексту трагедии и написал его до сцены в келье Чудова монастыря. Здесь, повидимому, произошел перерыв в работе, т. к. Пушкин обратился к четвертой главе «Евгения Онегина». Закончив ее, в марте или апреле 1825 г., Пушкин вернулся к «Борису Годунову» и летом закончил первую часть, которая состояла из следующих сцен:

1 Кремлевские палаты (Шуйский и Воротынский)
2 Красная площадь
3 Девичье поле
4 Кремлевские палаты (Борис, Патриарх, бояре)
5 Ночь. Келья в Чудовом монастыре
6 Ограда монастырская
7 Палаты патриарха
8 Царские палаты
9 Корчма на литовской границе.

Тогда же им составлен следующий список:

Действующие лица в 1-ой части

Борис Годунов, *царь*
Патриарх Иов
Игумен *Чудова монастыря*
Пимен, *летописец*
Григорий Отрепиев
В. Шуйский } *князья Рюриковой крови*
Воротынский }
Василий Щелкалов, *верховный дьяк*
Мисаил } *монахи*
Варлаам }
Злой чернец
Хозяйка *корчмы*
Сторожевые приставы
Народ

Вторую часть трагедии Пушкин закончил 13 сентября 1825 г. Ее состав таков:

1 Москва. Дом Шуйского.
2 Царские палаты.
3 Краков. Дом Вишневецкого.
4 Замок воеводы Мнишек в Самборе. Уборная Марины.
5 Ряд освещенных комнат.
6 Ночь. Сад. Фонтан.

При этом Пушкин рассчитывал написать еще две части. Однако трагедия была закончена на третьей части. Состав третьей части такой:

1 Граница литовская
2 Царская дума
3 Площадь перед собором в Москве
4 Равнина близ Новгорода-Северского
5 Севск
6 Лес
7 Москва. Царские палаты
8 Ставка
9 Лобное место
10 Кремль. Дом Борисов

Трагедия была окончена 7 ноября 1825 г.

В рукописи трагедия была озаглавлена: «Комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве» (у Пушкина было несколько вариантов этого названия).

При окончательной обработке Пушкин уничтожил деление на три части, исключил две сцены (ч. I, сц. 6 и ч. II, сц. 4) и переставил сцены 3 и 4 третьей части.

По приезде в Москву в 1826 г. Пушкин читал трагедию друзьям (10 сентября у Соболевского, 29 сентября у Вяземского, 12 октября у Веневитиновых). Бенкендорф, узнав об этих чтениях, затребовал у Пушкина рукопись трагедии (письмом 22 ноября, которое Пушкин получил в Михайловском). Трагедия была передана на рассмотрение Ф. Булгарину, который написал отзыв о ней и сделал из нее выписки. Записка Булгарина была представлена Николаю I, который наложил на нее резолюцию: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие Вальтер Скотта». Резолюция эта, подсказанная замечаниями Булгарина, была сообщена Пушкину 14 декабря 1826 г. В ответ на нее Пушкин отказался переделать свое произведение, и потому отпала возможность его напечатать. Из трагедии в печати появились только отрывки: сцена в келье в журнале «Московский Вестник» (1 января 1827 г.), «Граница литовская» в альманахе «Северные Цветы» на 1828 г. (22 декабря 1827 г.) и две первые сцены трагедии в альманахе «Денница» на 1830 г. (9 января 1830 г.).

В 1829 г., перед отъездом на Кавказ, Пушкин стал снова хлопотать о разрешении напечатать трагедию, поручив это дело Жуковскому. 10 октября 1829 г. он получил отрицательный ответ, однако с указанием, что если будут исправлены некоторые места трагедии, то можно будет снова представить ее для доклада Николаю I. В 1830 г. Пушкин, в связи с женитьбой, снова обратился к Бенкендорфу с просьбой о разрешении печатать «Бориса Годунова», на что 28 апреля Бенкендорф сообщил Пушкину о разрешении печатать трагедию «под его собственной ответственностью». Издание печаталось в отсутствии Пушкина и вышло в свет в конце декабря 1830 г. (с датой издания 1831). По просьбе дочерей Карамзина Пушкин посвятил издание памяти историка. В издании многие сцены были сильно изменены по цензурным соображениям, а сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь» и вовсе была исключена.

Рукопись трагедии дает некоторые отличия от окончательной редакции.

В рукописи вместо заключительной ремарки трагедии «Народ безмолвствует» читаем:

Народ.

Да здравствует царь Димитрий Иванович!

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

Замысел трагедии возник у Пушкина еще во время его пребывания в Михайловском, в 1826 г. В рукописях этого периода находится краткая запись, имеющая явное отношение к «Скупому рыцарю»: «Жид и сын. Граф».

Затем «Скупой рыцарь» упоминается в списке драматических замыслов Пушкина, составленном, вероятно, в 1827 г. Вот этот список:

Скупой.
Ромул и Рем.
Моцарт и Сальери.
Дон Жуан.
Иисус.
Беральд Савойский.
Павел I.
Влюбленный бес.
Димитрий и Марина.
Курбский.

Из этого списка Пушкин осуществил только три «маленькие трагедии». Повидимому, некоторые сюжеты выходили за пределы того, что можно было тогда опубликовать по цензурным условиям.

Дошедшая до нас рукопись «Скупого рыцаря» полностью написана в Болдине и датирована 23 октября 1830 г. Напечатал Пушкин свою трагедию только в 1836 г., в первом номере своего журнала «Современник» (вышел в свет 11 апреля).

Пьеса была подготовлена к постановке на сцене Александринского театра и объявлена на 1 февраля 1837 г. В связи со смертью Пушкина спектакль был перенесен на 2 февраля, а «Скупой рыцарь» по распоряжению властей снят с постановки во избежание политической демонстрации со стороны публики.

В рукописи имеется эпиграф:

Престань и ты жить в погребах
Как крот в ущельях подземельных

Державин.

Это — цитата из послания Державина «К Скопихину» (1803).

Указание Пушкина, что «Скупой рыцарь» — сцены из траги-комедии Ченстона, представляется мистификацией. Ченстоном в России называли английского писателя Шенстона, у которого — впрочем, как и у какого бы то ни было другого английского или иного писателя — подобного произведения нет. Пьеса Пушкина вполне оригинальна.

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Замысел пьесы относится к пребыванию Пушкина в Михайловском в 1826 г. На третий день по приезде Пушкина в Москву, 11 сентября 1826 г., Погодин записал в своем дневнике:

«Веневитинов рассказал мне о вчерашнем дне. Борис Годунов — чудо. У него еще Самозванец, Моцарт и Сальери, Наталья Павловна,[1] продолжение Фауста, 8 песен Онегина и отрывки 9-й и проч.».

Повидимому, замысел «Моцарта и Сальери» настолько определился у Пушкина в это время, что друзья, по его сообщениям, подумали, что пьеса уже написана. Встречается ее название и в списке 1827 года.

Однако в основном работа над пьесой падает на 1830 г. Пушкин закончил ее 26 октября 1830 г. в Болдине. Рукопись до нас не дошла, но сохранилась обложка, на которой значится заголовок «Зависть».

Пьеса дважды была поставлена на сцене при жизни Пушкина. Она была исполнена на Большом театре в Петербурге 27 января 1832 г. первой пьесой спектакля, на котором всего было поставлено три пьесы. Второй раз она шла 1 февраля 1832 г.

---

[1] Т. е. «Граф Нулин».

Пьеса основана на предании о том, что композитор Сальери отравил Моцарта. Историческая критика эту легенду отвергает. В первой сцене упоминается ария Керубино из оперы Моцарта «Женитьба Фигаро» («Voi che sapete»).

В последних словах Сальери упоминается легенда о том, что Микель Анджело для того, чтобы реальнее изобразить Христа на кресте, распял живого человека.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Пьеса была закончена в Болдине 4 ноября 1830 г. Замысел ее относится, повидимому, ко времени жизни Пушкина в Михайловском. С. П. Шевырев в 1841 г. писал о «Каменном госте» и «Русалке»: «Пушкин еще в 1826 году, после достопамятного возвращения, имел уже мысль написать эти два произведения, и говорил о том». В 1828 г., 1 марта, Пушкин вписал в альбом пианистки Шимановской стихи из «Каменного гостя»:

— Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь — мелодия...

Однако основная работа над пьесой относится к болдинской осени 1830 г. Дошедшая до нас рукопись полностью написана в Болдине.

Пьеса не была напечатана при жизни Пушкина.

В основу пьесы положена испанская легенда о развратном Дон Жуане, уже неоднократно служившая сюжетом для драматических обработок. В частности. на эту тему написана пьеса Мольера (шедшая при Пушкине в России под названием «Дон Жуан, или Каменный гость») и опера Моцарта «Дон Жуан», из либретто которой Пушкин взял эпиграф. Однако Пушкин воспользовался у своих предшественников только именами (по опере Моцарта) и сценой приглашения статуи. В остальном это произведение Пушкина совершенно самостоятельно. Характер, ход действия, диалоги ни в чем не напоминают прежних обработок легенды. Как и прочие «маленькие трагедии» Пушкина, пьеса эта разрабатывает задуманные Пушкиным характеры, объединенные идеей «наслаждений жизнью» (вдохновение, любовь, богатство).

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Пьеса является переводом одной сцены из драматической поэмы Джона Вильсона «Чумный город» (1816). Песни Мери и Председателя принадлежат самому Пушкину и ничем не напоминают соответствующих песен Вильсона. Пьеса Вильсона была известна Пушкину в издании 1829 г.

Перевод закончен в Болдине 6 ноября 1830 г. Выбор сцены для перевода подсказан тем, что в это время в России свирепствовала эпидемия холеры, которую часто называли чумой.

Напечатана пьеса в альманахе «Альциона» на 1832 г. (вышел в свет около 1 декабря 1831 г.) и затем была включена в III часть «Стихотворений» Пушкина.

РУСАЛКА

Драма эта задумана, повидимому, тогда же, когда и «маленькие трагедии», т. е. в начале 1826 г., в Михайловском (см. примечание к «Каменному гостю»).

В ноябре 1829 г., по возвращении в Петербург из поездки на Кавказ, Пушкин снова принялся за сюжет «Русалки». Здесь им были написаны сцены «Светлица» и начало сцены «Днепр. Ночь» (первый монолог князя и песня русалок).

Эти начальные стадии работы дают основание предположить, что первоначально, по замыслу Пушкина, действие «Русалки» должно было развиваться только после женитьбы князя, а вся предшествующая история его встреч с русалкой, вероятно, сообщалась в рассказе. Это несколько сближает сюжет «Русалки» с сюжетом популярной в те годы фантастической оперы Краснопольского «Днепровская русалка» (для драматических замыслов Пушкина в Михайловском в 1826 г. характерно, что он избирал либо события, заимствованные из истории, либо сюжеты известных произведений; ср «Сцену из Фауста», написанную в Михайловском) Впрочем, в дальнейшей работе он далеко отошел от этого сюжета. Последний раз Пушкин обратился к своему замыслу в апреле 1832 г. в Петербурге. Он начал пе-

реписывать пьесу, отделывать ее и продолжать. Однако и на этот раз он ее не закончил.

Сюжет «Русалки» положен Пушкиным в основу одной из его «Песен западных славян» («Яныш-королевич»).

В бумагах Пушкина сохранился вариант сцены «Светлица», писанный народным стихом. Он относится к 1830 году.

В сцене «Княжеский терем» хор девушек поет свадебную песню, которую Пушкин записал в Михайловском. Точно так же слова Свата основаны на другой песне, тоже записанной Пушкиным:

Сват:

Али все песенки вы перепели?
Аль горлышки от пенья пересохли?

Песня, записанная Пушкиным:

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!

Драма у Пушкина названия не имела. «Русалкой» назвали ее позднейшие издатели.

СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

Эта незаконченная пьеса Пушкина написана в Петербурге 15 августа 1835 г. В рукописи пьеса не имеет названия. Над текстом находится только надпись «План». Название дано позднейшими издателями.

Замысел пьесы связан с размышлениями Пушкина о причинах падения феодализма и имеет прямое отношение к его работе над историей французской революции, которую он собирался писать в 1831 году.

Вставленные в сцены песни представляют собою: первая — переделку стихотворения «Легенда» 1829 г., вторая — перевод шотландской песни.

О всем замысле можно судить по сохранившимся планам пьесы:

I.

Un riche marchand de drap. Son fils (poète), amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit et se fait écuyer dans le château du père, vieux chevalier. La jeune demoiselle le

dédaigne. Le trère arrive avec un prétendent. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère à la prière de la demoiselle.

Il arrive chez le drapier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drapier le sermonne aussi. On saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

Berthold en prison s'occupe d'alchimie — il découvre la poudre.— Révolte des paysans, fomentée par le jeune poète.— Siège du chateau. Berthold le fait sauter. Le chevalier — la mediocrité personnifiée — est tué d'une balle.

La pièce finit par des reflexions — et par l'arrivée de Faust sur la queu du diable (découverte de l'imprimerie, autre artillerie).

II.

Шварц ищет философского камня — Калибан, его сосед, над ним смеется. Он проедает свое богатство в пустой надежде —

Шв. нет я ищу не богатства, а истины, мне богатство не нужно —

Зачем ищешь ты золота —

Я ищу разрешения вопроса —

Если ты найдешь золото, ведь ты сложа руки будешь жить —

Нет, я стану искать квадратуру круга —

Что это такое, верно. . . . .

III.

Ищут Бертольда, ведут его и заключают в тюрьму, открывает порох — и взрывается.

Сражение — пальба — поражение рыцарей...

Из этого плана следует, что под именем Бертольда Пушкин выводит полулегендарного Бертольда Шварца, изобретателя пороха (XIV в.). Одновременно должен был появиться в пьесе Фауст, причем Пушкин выбирает тот вариант легенды, в котором Фаусту приписывается изобретение книгопечатания. Последняя фраза первого плана («Книгопечатание — та же артиллерия») — цитата популярного изречения французского писателя Ривароля по поводу идеологических причин Французской революции.

Сохранилось два стихотворных наброска, представляющих собой переложение в стихи начальных слов пьесы:

I.

Ох, горе мне, Мартын, Мартын!
Клянусь, ей-ей, ты мне не сын.
Моя покойница сшалила —
В кого она тебя родила.
Мой прадед был честной бочар,
Он передал свой сыну дар,
Мой дед был ткач — отец был тоже
. . . . . прости им боже!
Я то ж, а ты, а ты то что?

II.

Эй Франц, я говорю тебе в последний раз:
Я больше не хочу терпеть твоих проказ.
Уймись или потом поплачешь, будь уверен —
— Да что ж я делаю?
— Ты? вовсе ничего
И в том-то и беда. Ты, кажется, намерен
Хлеб даром есть —. . . . . . .

ВАДИМ

Начало трагедии «Вадим» писано Пушкиным в 1822 г. в Кишиневе.

Сохранился план трагедии:

Вадим влюблен. Рогнеда, дочь Гостомысла, она невеста Громвала — славянина Рюрика. Вадим и его шайка таятся близ могилы Гостомысла. Вадим был во дворце и в городе — и назначил свиданье Рогнеде.

Ты знаешь Громвала — зарежь его.

Рогнеда, раскаянье ее, воспоминанья, является Вадим. Рогнеда, Рюрик и Громвал. Рюрик и Громвал — презрение к народу самовластия — Громвал его защищает.

Вадим в Новгороде на вече. Вестник — толпа — Рюрик! Рогнеда открывает заговор — бунт — бой — Вадим перед Рюриком —

Вадим и Громвал, свидание, друзья детства...

Кроме того, имеется отрывочная запись: «Вадим, в мрачную ночь сокрытый у могилы Гостомысловой».

Повидимому, к этой записи относятся отрывочные стихотворные наброски размером народной песни «Как пал туман седой на синее море».

Гостомыслову могилу грозную вижу...
Легконогие олени по лесу рыщут...
Есть надежда! верь, Вадим, народ натерпелся...
Он далече, далече плывет в печальном тумане...

Эти наброски следует отнести к сентябрю 1821 года.

С приведенным планом следует сопоставить план поэмы «Вадим» (см. том IV, стр. 533). Там читаем: «Могила Гостомысла, он находит там друга: 1 сцена трагедии — заговорщики собираются — клянутся умереть за свободу Новгорода».

СКАЖИ, КАКОЙ СУДЬБОЙ

Отрывок этой комедии об игроке написан 5 июня 1821 г. в Кишиневе. Сохранился план пьесы, где действующие лица обозначены именами актеров петербургской драматической труппы:

Вальберхова — вдова. Сосницкий — ее брат. Брянский — любовник Вальберховой. Рамазанов, Боченков. Сосницкий дает завтрак. Брянский принимает гостей. Рамазанов узнает Брянского. Изъяснения. Пополам. Начинается игра. Сосницкий всё проигрывает, гнет Величкина на карту. Отчаяние его.

Сосницкий и Вальберхова.

Вальберхова: Играл? — Играл. Долго ли тебе быть бог знает где? Добро либералы, да ты-то что?.. Зачем не в свете? — Да вся молодежь... Вы все бранчивы, скучно; то ли дело ночь играть. — Скоро ли отстанешь? — Никогда. Сестрица, милая, уезжай, у меня будет завтрак. — Игра? — Нет. — Прощай.

Сосницкий и Величкин.

Сосницкий: Карты! Величкин: Проиграется. Сосницкий: Полно врать, я поспею. Величкин и Брянский.

Брянский и Вальберхова. Брянский и Рамазанов. Узнает, уговариваются.

Вальберхова: Что за шум? Величкин: Играют. Вальберхова: А Брянский? — Там же.— Поди за Брянским. Брянский и Вальберхова: — Я пополам, ему урок, он проигрывает... Сосницкий в отчаянии. Брянский. Величкин уговаривает. Тот его ставит на карту. Проигрывает. Величкин плачет. Сосницкий также. Брянский и Рамазанов. Конец.

Брянский, Рамазанов, Сосницкий: Вы здесь, а мне ничего не сказали...

— Мочи нет, устал, проигрался.

Пора в театр; нам друг дает последний завтрак, он застрелится.

— Я шел к тебе, сестра.— Покорно благодарю, в одном доме, а мы неделю не видались. Что ты делал? — Занят был; сегодня я дома; уезжай, пожалуйста, тебе надо быть у тетки; я даю завтрак.

— Бог знает, какое общество. Зачем тебя нет в свете и проч.

НАСИЛУ ВЫЕХАТЬ РЕШИЛИСЬ ИЗ МОСКВЫ

Драматический отрывок относится, вероятно, к 1827 году.

ПЕРЕВОД ИЗ К. БОНЖУРА

Этот отрывок относится к 1827—1828 гг.

Он является переводом — переделкой из французской комедии Казимира Бонжура «Муж волокита» (1824). Пушкин предполагал сделать сокращенный перевод комедии, выбрав из 59 явлений этой пятиактной пьесы только 25 явлений и сократив число действующих лиц с 8 до 5. Он начал перевод с 4-го явления первого действия. Сюжет комедии основан на том, что Дорвиль — легкомысленный муж — пренебрегает своей женой (Адель), в которую влюблен ее кузен Шарль. Адель

борется с своим чувством к Шарлю и в конце концов побеждает его. Шарль уезжает. Дорвиль, убедившись, что его поступки толкали жену на измену, меняет свое поведение и отныне решает не расставаться с женой. Действие комедии происходит в Париже.

Пушкин предполагал перенести действие в Москву.

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ БУДУ В ПАРИЖЕ

Отрывок относится, вероятно, к 1834—1835 гг.

ОТ ЭТИХ ЗНАТНЫХ ГОСПОД

Отрывок писан в 1835 г. в Михайловском. Сохранился план пьесы, датируемый 14 сентября 1835 года:

Un grand seigneur, coupable de haute trahison et condamné à mort, attend dans sa prison le jour de l'exécution etc.

Le bourreau et son fils, tous deux présents aux adieux de la noble famille. La fille s'évanouit, le jeune homme lui porte des secours.

Scène de l'échafaud.

Le jeune homme rentre chez ses parents pour les maudire et les quitter pour la vie. Colère du vieux bourreau.

Le jeune homme entre au service du prince. Il fait son chemin.

Il est fait chevalier etc.

Il revoit dans un tournois la fille du condamné; etc.

Il obtient sa main; etc.

ПАПЕССА ИОАННА

От этого замысла сохранился только план, причем из последних слов следует, что Пушкин сам не решил, напишет ли он на эту тему драматическое произведение, или поэму в октавах или в стиле «Кристабель» (поэма С. Кольриджа).

План относится к 1834—1835 гг.

Сюжет основан на средневековом предании о том, что на папский престол после Льва IV (ум. в 855 г.) взошла женщина под именем Иоанна. Она оставалась папой в течение двух лет, но однажды во время процес-

сии она внезапно разрешилась от бремени между Колизеем и церковью Святого Климента, и здесь же умерла.

И ТЫ ТУТ БЫЛ

Отрывок, повидимому, драматического диалога. Писан в 1835 г.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Глава I

Предисловие. Слова «чувство уныния...» являются цитатой из статьи В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», 1824, ч. II). Ср. строфу XXXII главы четвертой.

Строфа XXVI. Примечание. Пушкин цитирует речь Карамзина, произнесенную на собрании Российской Академии 5 декабря 1818 г.

Глава II

Строфа IX. Примечание к строфе XII. Стих Пирона, действительно вошедший в пословицу, заимствован из комедии его «Метромания» (1738), акт III, сц. VII (слова Дамиса) и применяется к произведениям, проникнутым высоконравственными идеями. Другие стихи, о которых здесь говорится,— юношеская «Ода к Приапу».

К строфе XVII и следующим. Строфы, посвященные страсти к игре, Пушкин начал переделывать, применяя их к Онегину.

В третью из этих строф Пушкиным были внесены поправки:

Стихи 3—4

Онегина в минувши годы
Не отвлекли бы от игры.

Стих 6

Бывал готов он в прежни лета

Стих 12

А он, нахмурен, бодр и бледен.

К строфе XXI и следующим. Последнюю из этих строф («Ни дура английской породы») Пушкин начал переделывать, применяя ее к Татьяне:

Не портили Татьяны милой

и т. д.

Глава IV

К строфе «В начале жизни мною правил» и следующим. Эти строфы первоначально задуманы были как речь Онегина, обращенная к Татьяне. За последней из этих строф («Страстей мятежные заботы») следовали отрывочные строки:

Я вам открылся беспритворно
. . . .
Нет, я не изверг сладострастный,
Я устыдился б обмануть
Доверчивость души прекрасной...
. . . .
Нет, вы достойны быть любимой,

И далее:

Не все, конечно, нет сомненья
. . . . ,
Найти возможно исключенья,
И вы живой тому пример,
Но вообще, клянусь пред вами,
Что женщины не знают сами,
Зачем они того берут...

Строфа девятая (см. основной текст, стр. 79), следовавшая за этими набросками, первоначально была написана от первого лица:

Я жертва долгих заблуждений,
Разврата пламенных страстей,
И жажды сильных впечатлений,
И бурной юности моей,

и т. д.

Соответственно строфа кончалась стихами:

Провел я много, много лет,
Утратя жизни лучший цвет.

Но Пушкин здесь же отказался от этого плана, и, написав строфу XII, расположил первые строфы как безличные размышления, за которыми должна была следовать IX строфа уже в переделанном виде:

Так точно думал мой Евгений
и т. д.

Окончательный вид придан началу главы уже перед самой подготовкой к печати.

К строфе «Словами вещего поэта» (стр. 527).

Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно

Цитата из стихотворения Дельвига «Фани».

К строфе XXXVII. Описанный наряд Онегина соответствует тому, как одевался сам Пушкин, когда жил в Михайловском. Вообще, в этой и следующей строфах много автобиографического. «В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь»,— писал Пушкин Вяземскому (27 мая 1826 г.).

Глава VI

Строфы XV и XVI. Эти строфы известны по публикации Я. Грота с утраченной ныне копии В. Ф. Одоевского. Грот печатал:

Да, да, ведь ревности припадки.

Это создавало невозможную рифму: припадки — лихорадка. Очевидно, данное чтение результат неправильной догадки Грота. Он не учел, что в пушкинское время могло быть слово «припадка» в женском роде.

К строфе XXXIV. В черновых набросках, повидимому, относящихся к этой строфе, имеется в виду сраженье при Кране 23 февраля 1814 г., в котором русскими войсками командовал П. А. Строганов. Узнав о смерти сына, он передал командование Воронцову,

который и приписал себе успех, достигнутый в этом сражении. Пушкин мог знать этот эпизод по рассказу С. Волконского, позднее описавшего этот случай в своих мемуарах.

«И Кесарь слезы проливал». Здесь Пушкин не точно вспоминает рассказ Плутарха из биографии Ю. Цезаря: когда к нему принесли голову убитого Помпея, «Кесарь отвратился от нее с ужасом, но принял печать Помпея и заплакал» (цит. по русскому переводу 1821 г.). О том, что Пушкин смутно помнил исторический факт, можно судить по черновому варианту:

И Кассий слезы проливал,
Когда он Брута смерть узнал...

Это — неверное воспоминание о другом месте из Плутарха: Брут после смерти Кассия «плакал над его телом, называл Кассия последним римлянином — ибо Рим не мог более произвести человека с возвышенными чувствами».

Глава VIII

Предисловие. В этом предисловии Пушкин цитирует статью Ф. Булгарина в «Северной Пчеле». В дальнейшем он оспаривает мнение Н. Полевого, редактора «Московского Телеграфа».

Строфа V. Пушкин вспоминает встречу с Державиным на экзамене 1815 г., первое знакомство с Карамзиным («быта русского хранитель»), с Жуковским («прекрасного певец»).

К строфам XXIV—XXVI. Над этими строфами Пушкин работал в июне 1831 г., уже после окончания романа. В черновике имеется несколько других зарисовок большого петербургского света:

За ним другой красавец бальный
Вошел картинкою журнальной;
Тут Лиза, дочь его была,
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле всякий гость
Предполагал в ней ум и злость...

Пушкин имел в виду Оленина и его дочь: в черновых вариантах читаем: Лиза Лосина, Annette Olenine, а в характеристике отца — «Нулек на ножках», «тут был отец ее А. О.». Последние буквы записаны в виде монограммы, которой подписывал свои рисунки Оленин.

К строфе «И в зале яркой и богатой» (стр. 553). Здесь изображена Александра Федоровна, жена Николая I, выступавшая в роли Лаллы-Рук в живых картинах, когда она была еще невестой, и воспетая под этим именем в стихотворении Жуковского «Милый сон, души пленитель».

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА

Строфа X. «Рек, озер краса» — цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794).

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Стр. 6 — Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках,— следствие чувства превосходства, быть может мнимого. Из частного письма. (*Франц.*)

Стр. 11 — Будь здоров. (*Латин.*)

Стр. 33 — Безделье, праздность. (*Итал.*)

Стр. 36 — О, деревня! Гораций. (*Латин.*)

Стр. 55 — Она была девушка, она была влюблена. Мальфилатр. (*Франц.*)

Стр. 56 — и так далее. (*Латин.*)

Стр. 78 — Нравственность в природе вещей. Неккер. (*Франц.*)

Стр. 88 — Что вы напишете на этих листках?
— Вся ваша Аннета. (*Франц.*)

Стр. 111 — Проснитесь, спящая красотка.
— Прекрасная Нина.
— Прекрасная Татьяна. (*Франц.*)

Стр. 119 — Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно. Петрарка. (*Итал.*)

Стр. 122 — Но времена иные. (*Латин.*)

Стр. 157 — Мой ангел! — «Пашенька!». (*Франц.*)

Стр. 165 — Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай. Байрон. (*Англ.*)

Стр. 172 — Благопристойности... (*Франц.*)

Стр. 172 — Вульгарно. (*Англ.*)

Стр. 175 — Разговор наедине. (*Франц.*)

Стр. 183 — И отлично. (*Итал.*)

Стр. 185 — «Благословенна», «мой кумир». (*Итал.*)
Стр. 192 — Все знали, что он употребляет белила; и я, совершенно этому не веривший, начал догадываться о том не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи специальной щеточки; это занятие он гордо продолжал в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро проводит два часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостатки кожи.

(„Исповедь" Ж. Ж. Руссо) (*Франц.*)

Стр. 193 — «Десять лет изгнания». (*Франц.*)
Стр. 194 — Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке. (*Франц.*)
Стр. 194 — Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящие. (*Итал.*)

БОРИС ГОДУНОВ

Стр. 274 — Муза венчает славу, а слава музу. (*Латин.*)
Стр. 295 — Ну! (*Франц.*)
Стр. 295 — Что? что? (*Франц.*)
Стр. 295 — Что это значит «православные»?.. Рвань окаянная, проклятая сволочь! Чорт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать. (*Франц.*)
Стр. 296 — В. Розен. Позор. Маржерет. Тысячу дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг — раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? — В. Розен. Вы правы. Маржерет. Чорт, дело становится жарким! Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? В. Розен. О да! Маржерет. Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это наверно ударил молодец Басманов. В. Розен. Я так полагаю.

Маржерет. А вот и наши немцы! — Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться и, чорт возьми, пойдем в атаку! Розен. Отлично. Стой! Марш! Немцы. С нами бог! (*Слова Розена и немцев — по-немецки, Маржерета — по-французски*).

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

Стр. 331 — Скупой рыцарь. (*Англ.*)
Стр. 353 — (в сторону). (*Латин.*)

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Стр. 359 — О вы, кому известно... (*Итал.*)

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Стр. 369 — Лепорелло. О любезнейшая статуя великого командора!.. Ах, хозяин! (Дон Жуан) (*Итал.*)
Стр. 381 — Браво! браво! (*Итал.*)

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Стр. 411 — Чумный город. (*Англ.*)
Стр. 418 и 421 — Браво! браво! (*Итал.*)

СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

Стр. 461 и 462 — Вечное движение. (*Латин.*)
Стр. 482 — A. M. D. — Ave Mater Dei — Славься, матерь божья. (*Латин.*)
Стр. 482 — Свет небесный, святая роза! (*Латин.*)

ПЕРЕВОД ИЗ БОНЖУРА

Стр. 495 — Матушка. (*Франц.*)

ПАПЕССА ИОАННА

Стр. 503

Действие I

Папесса, дочь честного ремесленника, который дивится ее учености, простоватая мать, не видящая в этом ничего хорошего. Жильбер приглашает ученого посмотреть на его дочь — семейное чудо. Приготовления, в которых матери приходится всё делать одной.

Страсть к знанию.

Ученый (*демон знания*) является среди всех собравшихся, по приглашению Жильбера.— Он беседует только с Жанной и уходит. Пересуды женщин, радость отца — заботы и гордость дочери. Она убегает из дому, чтобы отправиться в Англию учиться в университете.

Она перед св. Симоном. Честолюбие.

Действие II

Жанна в университете под именем Иоанна Майнцского. Она сближается с молодым испанским дворянином, который пытается увлечь ее, но она преодолевает это.— Любовь, ревность, дуэль — *в рассказе.* Жанна защищает диссертацию и становится доктором.

Жанна в качестве настоятеля монастыря; строгий устав, который она там вводит. Монахи жалуются...

Жанна в Риме, кардиналом, папа умирает — Конклав — ее делают папой.

Действие III

Жанна начинает скучать. Появляется испанский посланник, ее товарищ в годы ученья. Она влюбляется в него и ревнует. Они узнают друг друга. Она грозит ему инквизицией, а он разоблачением. Он пробирается к ней. Она становится его любовницей. Она рожает между Колизеем и монастырем... Дьявол ее уносит.

Если это будет драмой, она слишком будет напоминать «Фауста» — лучше сделать из этого поэму в стиле «Кристабель», или же в октавах. (*Франц.*)

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

Стр. 510 — «Послания с Понта». (*Латин.*)
Стр. 511 — О другой моей вине мне надлежит молчать. (*Латин.*)
Стр. 515 — Мать предпишет своей дочери читать их. Пирон. (*Франц.*)
Стр. 519 — Кензельва (правильно: quinze et le va — ставка в 16 раз более первоначальной, термин карточной игры).
Стр. 545 — Полное падение. (*Франц.*)
Стр. 548 — (Пусть юный возраст поет о любви). (*Латин.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 578 — Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различение. Бёрк. (*Англ.*)
Стр. 584 — Я воздвиг памятник. (*Латин.*)
Стр. 584 — Но скажи мне: в дни нежных вздохов по каким признакам и как Амур допустил, чтобы вы узнали свои неясные желания? **Данте.** (*Итал.*)
Стр. 585 — И мне показалось, — не знаю, правда или нет, — что лицо покрылось краской нежности. Петрарка. (*Итал.*)
Стр. 590 — См. перевод к стр. 165.
Стр. 601 — См. перевод к стр. 359.
Стр. 603

Богатый торговец сукном. Сын его (поэт) влюблен в знатную девицу. Он бежит и становится оруженосцем в замке отца девицы, старого рыцаря. Молодая девушка им пренебрегает. Является брат с претендентом на ее руку. Унижение молодого человека. Брат прогоняет его по просьбе девушки.

Он приходит к суконщику. Гнев и увещания старого буржуа. Приходит брат Бертольд. Суконщик журит и его. Брата Бертольда хватают и сажают в тюрьму.

Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох.— Бунт крестьян, возбужденный молодым поэтом.— Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь — воплощенная посредственность — убит пулей. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерии). (*Франц.*)

Стр. 608

Вельможа, виновный в государственной измене и присужденный к смерти, ждет в тюрьме дня своей казни и т. д.

Палач и его сын оба присутствуют при прощании знатного семейства. Дочь падает в обморок, молодой человек оказывает ей помощь.

Сцена эшафота.

Молодой человек возвращается к родителям, чтобы проклясть их и покинуть навсегда. Гнев старого палача.

Молодой человек поступает на службу к князю. Он выходит в люди.

Он делается рыцарем и т. д.

Он встречает на турнире дочь осужденного; и т. д.

Он получает ее руку; и т. д. (*Франц.*)

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Текст проверен и примечания составлены
проф. *Б. В. Томашевским*

*

Под наблюдением редактора Издательства
А. И. Корчагина
Оформление художника *И. Ф. Рерберга*
Техническая редакция
Б. А. Прокофьева и *А. В. Щербакова*
Корректор *Е. А. Васильева*

*

РИСО АН СССР № 3419. Т-03494. Издат. № 2737.
Тип. зак. № 395. Подписано к печати 17/VII 1950 г.
Формат бумаги $70\times92^{1}/_{32}$. Бум. л. 9,75. Печатн. лист. 22,82+2 вклейки.
Уч.-издат. лист. 25. Тираж 50 000.

Цена 15 руб.

*

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.